

[Polaris]

Аркадий
БОРМАН

СИНЕЕ
ЗОЛОТО

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCXLIII

Salamandra P.V.V.

Аркадий
БОРМАН

СИНЕЕ ЗОЛОТО

Роман

Salamandra P.V.V.

Борман А. А.

Синее золото: Роман. — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2018. — 214 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCXLIII).

Роман А. Бормана, впервые изданный в Шанхае в 1939 г. и считавшийся до сих пор библиографической редкостью — занимательная и чрезвычайно развесистая «клюква» о приключениях бесстрашной, находчивой и соблазнительной белогвардейской шпионки-диверсантки в дебрях советского Урала. Имеются в книге и небольшие научно-фантастические допущения.

Роман «Синее золото» продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций фантастических и приключенческих произведений писателей русской эмиграции.

Аркадій БОРМАН.

СИНЕЕ ЗОЛОТО

РОМАН.

Издательство «СЛОВО».

238, Avenue du Roi Albert, Shanghai.

1939 г.

СИНЕЕ ЗОЛОТО

Роман

I

В РЕСТОРАНЕ

В монмартрском кавказском ресторане было шумно и суетливо. Часам к одиннадцати съехалось много публики. Почти все столики уже были заняты. Большинство посетителей принадлежало к международному Парижу. Дельцы, биржевики — удачные завсегдатаи игорных домов — те, кто умеют зарабатывать большие деньги или кому случай помог их заработать в тот день.

Деньги не считались в монмартском ресторане и посетители, уходя, нередко оплачивали счета в тысячи франков.

Кавказец в черкеске предлагал шашлык. Лакеи уже начали откупоривать шампанское. Все шло своим чередом. Опытный глаз хозяина-грузина уже видел, что выручка будет хорошая. Но в этот вечер он ждал важных гостей и не обращал особого внимания на остальных посетителей.

Для этих гостей был оставлен столик в далеком углу и грузин то и дело подходил к нему, одергивая белоснежную скатерть или поправлял приборы.

Много знал старый грузин, и хотелось ему угодить Абраму Романовичу Лангу, который вечером заказал столик на четверых.

Они прибыли поздно из театра.

После длительных переговоров, наконец, в тот день было заключено соглашение между советским Трестом особых металлов и французской Компанией редких металлов. Обе стороны по-своему были довольны этим соглашением.

Бернье, директор французской компании, получал многомиллионные заказы, а представитель советского треста, кроме похвал от начальства за удачное окончание переговоров, получал хорошую комиссию от поставщиков.

Ланг предложил Бернье — одному из самых крупных французских промышленных тузов — спрыснуть сделку

«по русскому обычаю»...

Маленький толстый Ланг с жирными губами любил употреблять это выражение. Когда он произносил эти слова, то хитрый огонек мелькал в его маслянистых глазах, а его короткие пальцы начинали как-то особенно шевелиться, выражая этим движением общее удовольствие.

Ланг почти не говорил по-французски. Переводчицей ему служила Галя, которую он выдавал то за племянницу, то за секретаршу, то за подругу жизни. В начале переговоров он предложил Бернье воспользоваться услугами Гали, но француз предпочел свою секретаршу Таню Дикову.

Французскому промышленнику было лет сорок пять. Это был новатор во французском деловом мире. Человек с большим размахом, он вводил американские методы в дела. Он не боялся рисковать и его тянули широкие масштабы. Ему везло и он уже много сделал для развития французской торговли и пользовался большой репутацией. В петлице его пиджака красовалась розетка высокой степени Почетного Легиона.

Его давно манил русский размах.

Таня Дикова, дочь русского белого эмигранта, работала у Бернье уже больше двух лет. Ей было двадцать лет, когда, после окончания школы машинисток, она поступила в Компанию редких металлов. Таня не окончила лицей, так как надо было помогать семье. Отец, шофер такси, не мог один содержать всех.

Маленькой служащей, да еще иностранке, далеко до директорского кабинета. Таня усердно стучала на машинке в большой комнате, где, кроме нее, еще двадцать таких же молодых существ переписывали непонятные, совершенно чуждые им бумаги, когда вошел грозный заведующий персоналом и спросил, кто знает английскую стенографию — к патрону приехал американский делец, а директорская машинистка заболела.

Машинистки бросили работу и быстро заговорили между собой.

— Ах, я бы хотела пойти, все же разнообразие, да боюсь, не справлюсь.

— Патрон такой интересный, — хихикнула другая, — да я не знаю английского.

Оказалось, что только Таня знает английское стено.

— Ну идите, русская недотрога, — добродушно-хмуро сказал заведующий персоналом. — Только помните, что вам придется там быть более любезной, чем со мной.

Пожилой француз, привыкший распоряжаться молоденькими машинистками как ему было угодно, не мог примириться с тем, что Таня не соглашалась на все его требования. Но он знал разницу между полезным и приятным и не хотел расставаться с хорошей работницей.

— Господин директор, вот «ля петит русс»¹ говорит, что знает английское стено, — почтительно докладывал он Бернье, вводя Таню в директорский кабинет.

— Хорошо, хорошо, скорее за работу, — бросил Бернье. — Мистер Хилл сейчас будет диктовать вам важные и секретные бумаги, не беритесь за работу, не зная языка.

— Вы русская эмигрантка, — поморщился Бернье. — Помните, что никто не должен знать содержания писем.

— Господин директор, это элементарное правило мне хорошо известно, — с едва заметной усмешкой ответила Таня, прямо глядя на Бернье своими большими серыми глазами. Она чуть-чуть выпрямила свою стройную фигуру.

Бернье не привык к таким ответам служащих и нашел, что русская машинистка недостаточно почтительна и особенно в присутствии иностранца. Ему это не понравилось и он сухо заметил:

— Ну, хорошо, садитесь за работу.

Таниной работой остались так довольны, что через несколько дней ее опять вызвали к директору.

Она была быстра, точна и сообразительна. Но, кроме того, француз дразнило что-то новое, необычное в молодой русской... Он так привык к типу «петит дактило»², так хорошо знал его. А в Тане было что-то непонятное для него.

¹ «Маленькая русская» (фр.).

² Здесь: «маленькая стенографистка» (фр.).

Она держалась очень просто, так как привыкла вести себя со старшими. Но в ней не чувствовалось страха перед начальством. Наоборот, иногда усмешка быстро мелькала в ее больших глазах.

Сколько молодых лиц видел Бернье. Сколько покорных лиц прошло перед ним и вдруг эта неожиданная усмешка в чужой русской машинистке.

— Кто ваш отец? — как-то спросил Бернье.

— Шофер такси, — коротко ответила она,

— Да, но он русский эмигрант. Что он делал раньше в России, почему вы так хорошо знаете языки?.

— Я не знаю, господин директор, что отец делал в России. Я была маленькой девочкой, когда мы уехали. Я не помню.

Ей было внушено дома никогда не рассказывать на службе, что отец командовал полком и что ее мать, воспитанная английской гувернанткой, тоже выписала для трехлетней дочери молодую англичанку, которая позже вместе с ними бежала от революции за границу.

У Тани было два мира — свой русский беженский и весь остальной.

Внешне русский мир состоял из шоферов такси, фабричных рабочих, лакеев из ресторанов, манекенш из портняжных домов или конторских служащих. Но это был только их внешний однообразный облик. Внутренний же их мир, почти недоступный для нерусского глаза, совершенно не соответствовал этому облику.

Таня хорошо знала свой русский мир и жила его интересами. Большинство русских для нее были связаны со славным прошлым, а иногда и настоящим.

По праздникам у них собирались рабочие с заскорузлыми руками. Вот этот командовал подводной лодкой и подходил к самому Босфору, вот тот сбил пять вражеских аэропланов. Имя ее отца было связано с лихими кавалерийскими атаками. Отец вот этой хорошенькой манекенши был убит на улице за то, что не скрывал своего отвращения к большевикам.

Ваня, брат ее подруги, тоже шофер такси, время от времени куда-то уезжал из Парижа на два-три месяца. И было не принято спрашивать, где он пропадал. Может быть, не принято потому, что всем известно. Он возвращался как всегда веселый, только после одной из поездок его черные волосы совсем поседели.

Нерусский мир для Тани был связан с заработком, с трудной добычей денег. Никто и ни от какого заработка не отказывался. Мыли посуду в ресторанах, были поварами и кухарками в частных домах, кормили диких зверей у каких-то южно-американских художников. Брали шитье на дом и подвергались бесконтрольной эксплуатации.

Но в той среде, где выросла Таня, к заработку почти никто не относился серьезно. Прошло больше шестнадцати лет, как главная масса русских беженцев покинула свою родину, и все же то основное ядро, которое выехало из России с оружием в руках, продолжало относиться к добычанию хлеба насущного так же, как относятся выкинутые на пустынный остров во время кораблекрушения.

— Можно и нужно браться за все, чтобы не умереть с голоду. Но это все преходящее и временное. Кроме же него есть важное, настоящее, которое надо хранить до того, как настанут сроки.

Такое настроение очень облегчало жизнь старшим, а у молодежи создавало особое отношение к заработку и службе.

Не все ли равно, где и как служить. Сегодня здесь, завтра там. Конечно, надо искать работу полегче и зарабатывать как можно больше. Для этого надо стараться, но в общем все это не так важно.

— Петит, разве вам не скучно сидеть целый день в конторе и зарабатывать гроши, — сказал как-то Тане Бернье, когда она сидела за машинкой. Он подошел к ней сзади и положил руку ей на плечо. Танк чуть-чуть повела плечами, как бы стряхивая руку.

— Я бы хотела зарабатывать больше, господин директор. Очень бы хотела. Мне так нужны деньги. Без них так трудно.

— В чем же дело, милая? Это совсем нетрудно в вашем возрасте и с вашими лукавыми глазами, — ответил Бернье, беря Таню за подбородок и приподнимая ее голову.

— Очень просто, м-р Бернье, директору дотронуться до маленькой служащей. Для этого не надо иметь особой храбрости, — холодно ответила Таня, стряхивая его руку и смотря на него чуть прищуренными глазами.

— А вот вы попробуйте сделать такое же предложение дочери вашего приятеля. Тогда я поверю, что в вас есть дерзость, которая всегда привлекает, — закончила она с усмешкой.

Бернье глубоко уколол такой ответ — смеет девчонка рассуждать.

— Хорошо, идите.

Дня через два, однако, ему вновь захотелось увидеть русскую машинистку, захотелось разгадать, понять то непонятное, что было в ее глазах.

Закончив диктовать письмо, он уже с улыбкой не хозяина, а доброго знакомого сказал полушутя:

— Как же, м-ль Дикова, у меня нет дерзости?

— Я не знаю, м-р Бернье, может быть, и есть. Я ее не видела.

— Я кормлю вас сегодня обедом у Прюнье. Будьте там в восемь.

— Спасибо, м-р Бернье, за приглашение, но сегодня никак не могу, я занята.

— А другой раз поедете со мной?

— Спасибо, если пригласите.

Через неделю Бернье угощал Таню обедом. Умный француз сразу понял, что это не директор пригласил свою служащую, а знакомый даму.

Он не ожидал найти в молодой девушке так много такта, непринужденности и широких интересов.

Скоро Таня стала личным секретарем директора Компании Редких Металлов и ее жалование было утроено.

Заведующий персоналом со злобной усмешкой говорил старой машинистке:

— Ловкая штучка, эта русская. Знала, к кому надо было подлезть. Теперь понимаю, почему она меня так отшила. Хотел бы я знать, что бы сказала м-м Бернье, если бы узнала, что эта сероглазая вне всяких очередей попала к директору.

А Таня дома, весело смеясь, рассказывала, как быстро ей удалось научить Бернье стать джентльменом и какой он, по существу, милый и интересный человек.

Когда у французской компании начались переговоры с советским трестом, то Ланг заговорил было, что он предпочел бы, чтобы дочь русского эмигранта не была бы переводчицей.

— Вы знаете, кто ее отец? Полковник. Принимал видное участие в белом движении, — говорил он Бернье. — Моя Галя достаточно хорошо знает французский, чтобы быть переводчицей, да и я сам, как видите, могу объясниться.

Бернье впервые от Ланга узнал, кто была Таня и оценил ее молчание.

— Нет, она будет моей переводчицей, — сухо сказал француз, и Ланг понял, что настаивать бесполезно. Но на всякий случай он сообщил куда нужно, чтобы за семьей Диковых установили слежку.

Русские друзья рассказали Тане биографию Ланга. Во время войны он сидел в тюрьме по обвинению в шпионаже в пользу немцев. Потом работал в Чека и, наконец, занялся экономической деятельностью.

Но все это были ее русские дела. Своему директору она ничего не рассказала и нашла в себе достаточно выдержки не обнаружить брезгливости к Лангу — надо было служить.

— Ну вот, по русскому обычаю, мы и спрыснем сегодня нашу сделку, — потирая руки и услужливо улыбаясь, говорил Ланг, вставая навстречу Бернье, входящему с Таней в залу ресторана.

— Люблю хорошо поужинать в обществе молодых и интересных дам, — продолжал он. — Посмотрите, как красива сегодня моя Галя, сшила себе новое платье по случаю окончания переговоров, — подмигнул он, суетливо усаживая гостей.

За ужином Ланг старался любезничать с Таней.

— Очень рад, м-ль Дикова, наконец провести с вами непринужденный вечер, — тараторил он. — Вы, конечно, меня презираете, считаете красным, большевиком. А знаете, кто я такой, почему мое отчество «Романович». Я незаконный сын великого князя. Теперь вы понимаете, почему я работаю в Москве, — оборвал он многозначительно.

Таня давно была предупреждена об этой сказке, но сделала удивленный вид.

— Вот как. Как интересно, как романтично, — сказала она и передала рассказ Бернье.

Француз по неуловимому выражению ее глаз понял, что она этому не верит.

Уже поздно, за шампанским, стали обсуждать, кто поедет в Россию переводчиком с Паркером — представителем английских компаньонов Бернье. Французскому промышленнику давно хотелось, чтобы Паркера сопровождал свой переводчик. Он уже несколько раз говорил Лангу, что не прочь был бы послать Дикову.

Но Лангу это не улыбалось. Русская беженка, будут затруднения, хлопоты, может быть, осложнения.

— А вы не боитесь попасть к нам в лапы, разве вы не верите легенде о Чека? — насмешливо спросил он Таню.

— Что же мне бояться? Кому я нужна? Не будете же вы мстить мне за дела предыдущего поколения. Да и не захотите делать неприятности м. Бернье, — тоже с насмешкой ответила она.

— Молодец барышня. Вот таких бы побольше среди эмигрантов. Хорошо, будем работать вместе. Я сейчас поговорю по телефону и надеюсь, что устрою вам разрешение.

— По телефону? Но к кому же вы будете звонить так поздно? — удивился Бернье.

— О, не беспокойтесь, мы работаем день и ночь, — и нельзя было разобрать, гордость или издевка звучит в его голосе.

Ланг вышел из-за стола вместе с Галей.

— Вы действительно согласны ехать и не боитесь? — спросил Бернье Таню.

— Что же бояться, ведь вы же будете выручать меня, если со мной что-нибудь случится... А мне своими глазами интересно посмотреть на Россию. И я хорошие суточные получу. Ведь правда, господин директор? — спросила Таня, лукаво улыбаясь.

«Когда же эти глаза позволят быть мне дерзким? Чем связывает меня эта девчонка?» — подумал Бернье и потом громко сказал:

— Ну конечно. Только внимательно наблюдайте за всем и в Москве и на уральских приисках.

— Бернье настаивает. Нам выгодно ему уступить в этом пустяке, — быстро говорил Ланг Гале, направляясь с ней к телефонной будке. — Но если только она себе что-нибудь позволит, то даже Бернье не удастся вытащить ее от нас. Вызови сюда Воронова и установи за девчонкой особое наблюдение.

— Ну вот и отлично, — с улыбкой говорил он Бернье, возвращаясь в зал. — Сейчас сюда приедет Воронов, который отправляется в Россию вместе с Паркером. Я вас познакомлю. Очень милый человек. Ведь через неделю ехать. Надо все устроить с паспортами.

— Вы можете ехать через неделю? — спросил он Таню.

— Я готова, только позвольте все же позвонить мне домой, сказать, что я согласилась. Мои будут волноваться, вы сами понимаете.

Таня быстро пошла к телефонной будке. На ходу она бросила приятелю, русскому лакею:

— Миша, займи соседнюю будку. Надо с тобой переговорить. И смотри, чтобы за нами не следили.

— Они согласны, чтобы я ехала. Отъезд через неделю. Будешь ли ты готова? — спрашивала она кого-то по телефону: — Милая, милая, но ты знаешь, как мне за тебя страшно. А если все провалится? Как бы я хотела, чтобы это была не ты... Да, да, я знаю, ты скажешь, что так нужно. Но мне все-таки страшно. Все же я так бы хотела, чтобы всего этого не было. — Миша, — шептала Таня через стенку кабинки лакею, — сейчас сюда явится один чекист, Воронов. Я устраиваю пир горой. Мне необходимо, чтобы вы его сразу

же оглушили какой-нибудь смесью. Чтобы, как только он сел за столик у него бы в глазах все замутнело и затуманилось. Чтобы он плохо различал, где я, где та — советская.

Минут через двадцать в зал вошел Воронов. Его вид всегда невольно притягивал общее внимание. Это был гладко выбритый русский гигант с руками не то грузчика, не то молотобойца. На пальцах сверкали крупные бриллианты. Его лицо, несмотря на чуть приподнятые скулы, было скорее красиво. Это не было лицо интеллигентного человека, но в то же время в нем, и особенно в его остром, внимательном взгляде, несомненно чувствовался какой-то опыт и знание жизни. Хорошо сшитый темно-синий костюм сидел на нем очень ловко, и по тому, как спокойно и уверенно шел он среди столиков ночного ресторана, было видно, что он чувствовал себя в привычной обстановке. В Париж Воронов приехал под видом директора одного из рудников на Урале. Но в переговорах он никакого участия не принимал и ничего не понимал в горном деле. Он был прислан в Париж для наблюдения за разными лицами. Воронов в Париже был очень занят, но все же находил время покутить как следует.

Он уже несколько вечеров провел в кавказском ресторане.

Лакеи, в большинстве бывшие белые офицеры, знали, кто он, и догадывались, зачем он приехал. Они были настороже. Но Воронов оказался совсем не похожим на других советских людей, как мелких, так и высоких. Он нашел с лакеями какой-то странный, но общий язык.

— Охота вам в Париже лакеями служить, всяким спекулянтам прислуживать? Поедем лучше со мной домой.

— Когда-нибудь поедем и без вашего приглашения, — заметил лакей, быстро пронося мимо блюдо.

— Ишь, какой гордый, — усмехнулся Воронов, — без приглашения, без приглашения. А ты добудь себе поездку-то без приглашения, заслужи ее.

— Ну ладно, ладно. Что у вас тут позабористее? Молодцы, что трудитесь. Давай сюда, что покрепче.

Воронов всегда уезжал из кавказского ресторана навеселе.

— Эх, беззаботное здесь житье. Были бы деньги, лучше не надо.

Входя в зал, Воронов подмигнул лакею:

— Сегодня с вашей белогвардейкой ужинаю.

Миша быстро сделал свое дело. У Воронова от третьей рюмки затуманилось в глазах.

— Так что же, товарищ, или как вас величать, барышня, — едем на Урал, что ли, — говорил он уже отяжелевшим языком.

— Едьте, едьте. Покажу вам наш Союз, понравится. Англичанину, что можно, рассказывайте, но помните, за запретное никуда. А то разговор будет короток и француз ваш не поможет. А так едьте, едьте. Мне все равно, кто поедет. Только чтобы все было в порядке.

Бернье не понравилось это полупьяное лепетание.

— Ну как, вы решаете ехать? — спросил он, полуоборачиваясь к Тане.

— Да, конечно, отчего же? Я уверена, что полажу с ним. Правда, господин Воронов, мы с вами поладим? — спросила она, смеясь, по-русски.

— У нас «господин» обидное слово. Зовите меня или товарищ, или Иван Иванович.

— Хорошо, хорошо, Иван Иванович. Я-то в России ничего запретного не сделаю. Помните, что я для вас вроде как иностранка, да и паспорт у меня не советский.

II

ОТЪЕЗД

— Конечно, я бы очень хотел, м-ль Дикова, чтобы вы поехали в Россию переводчицей при Паркере. Вы для дела можете оказаться полезнее, чем кто-либо другой, — говорил Бернье Тане, отвозя ее домой в своем нарядном автомобиле.

— Только мне не нравятся эти типы. Приходится и с ними иметь дело, но в общем они отвратны. Лангу ни в чем нельзя верить. А этот Воронов? Тоже субъект, сразу напился. Почему мы были все трезвые, а у него язык заплетался? Он вас может поставить в неловкое положение.

— А потом, милая, вы знаете, мне будет без нас скучно, очень скучно, — продолжал Бернье, осторожно беря Таню за руку.

Таня это хорошо знала, но она не позволяла своему хозяину даже делать намеки и сейчас же освободила свою руку и, чуть отодвинувшись от него, сказала, смеясь:

— Нет, я не боюсь Воронова как человека, но вы должны мне обещать, что если советская власть начнет делать мне неприятности, как русской беженке, вы употребите свои самые высокие связи, чтобы вернуть меня во Францию. А о скуке забудьте. Я ведь только ваша секретарша и всегда останусь ею. У вас есть семья... и потом...

— Что, что потом? — оживился француз.

— Потом, потом... — запнулась Таня.

Она хотела сказать, что он богатый француз, а она бедная русская, но удержалась.

— Потом, потом, еще много впереди. А теперь надо работать. Я еду, если вы мне обещаете то, что я прошу. И знаете, пока я езжу, лучше задержите этого Ланга здесь. У вас найдется сколько угодно предложений.

— Ну спасибо. Я знал, что вы молодец. И Ланга задержу и сделаю все, что просите. Что же касается вашей личной

охраны, я надеюсь на Паркера. Он джентльмен и вас в обиду не даст. Завтра он приезжает. Вы его сразу оцените. Ведь через неделю уже надо ехать.

Длинновязый Паркер явился в контору к вечеру следующего дня, прямо с лондонского поезда.

— Я, конечно, предоставляю это вам, Бернье. Вы вели переговоры. Вы лучше знаете этих типов. Но я бы предпочел переводчика мужчине, меньше возни.

— Правда, Паркер, у мужчины есть свои преимущества в таком длинном путешествии, да еще в дремучие леса. Но и у Диковой большие преимущества. Я совершенно уверен, что вы ее оцените. Она очень спортивна. Идемте, я вас познакомлю.

— Здравствуйте, мисс Дикова, очень рад, что вы назначены ехать со мной переводчицей, — говорил Паркер, протягивая руку девушке. Он старался быть немного более развязным, чем обыкновенно, надеясь этим скрыть некоторую застенчивость, которую он всегда ощущал, знакомясь с молодыми и хорошенькими женщинами.

Паркер только раз взглянул в глаза Тани и сразу запомнил их серый цвет.

Бернье их оставил вдвоем, и Таня быстро направила разговор в деловое русло. Стали обсуждать, что надо брать с собой.

— Завтра сюда приедет Воронов, наша первая встреча втроем.

— Да, да, — смеясь, ответила Таня, — вы проверите, какая я переводчица. Они тоже привезут свою переводчицу для проверки.

На следующее утро Таня позвонила Бернье и попросила разрешения не приходить — ей нездоровилось.

Воронову пришлось объясняться с Паркером при помощи Гали — секретаря Ланга.

— А где же барышня? — с усмешкой спросил он, — надо с ней все обсудить.

Воронов смутно вспоминал Таню в ресторане. Она ему понравилась.

— Таких бы побольше, у нас и жить было бы веселее, — думал он. И сейчас, идя в контору Компании редких металлов, он надеялся ее увидеть.

— Все же я хочу повидать ее до отъезда. Надо сговориться о многом, — объяснял он Паркеру.

Но Воронов так и не увидел Таню. С Паркером она виделась два-три раза, да и то мельком. Оправдывалась, что очень занята приготовлениями. Редко показывалась на службе. Сговорилась с Паркером пойти в синема, но в последнюю минуту позвонила ему, что ее задержали.

Поезд отходил с Северного вокзала вечером.

Уезжали втроем: Таня, Паркер и Воронов. Бернье и Ланг с Галей приехали их провожать.

На Тани было модное парижское пальто с высоким воротником, в который она кутала свое лицо.

— Ну как, барышня, поправились? — спросил Воронов, подходя к ней. — Только вот благодаря французу выправили паспорта заочно. Товарищ Цолин ни за что не хотел давать. Уж сам начальник вмешался. А что же вас никто не провожает? Как же это папаша отпускает дочку в пасть зверю? — спросил он, смеясь. — Ну ничего, ничего, отпустим вас обратно, если будете себя хорошо вести.

— Не пугайте меня все время, Иван Иванович, я не из пугливых, — с улыбкой ответила Таня и отошла от него к Бернье.

— Да, да я уже попрощалась со всеми и просила меня не провожать, не все ли равно, где прощаться?

— Так помните, м-р Бернье, обещание — в случае чего меня освобождать всеми возможными способами. Вам-то всем хорошо. Вы знаете, что с вами ничего не сделают, а я дочь русского эмигранта.

— Не беспокойтесь, я это хорошо понимаю, — улыбнулся Бернье. — Спасибо, что едете для меня. А мне, все-таки, без вас будет очень скучно, — закончил он, задержи-

вая ее руку.

Поезд легко двинулся. Все трое отъезжающих стояли у окон в коридоре.

— Молодчина, м-ль Дикова, я вами люблюсь. Не похожи на этих прогнанных эмигрантов. Дело ставите выше всего, — говорил Ланг, когда поезд трогался.

Поезд быстро скрылся из виду. Бернье сейчас же попрощался и ушел. А Ланг, идя медленной переваливающейся походкой, отдавал распоряжение Гале:

— Сегодня же скажи Цолину, чтобы взял под наблюдение все семейство Диковых. Не верю я этой девице. Зачем ей ехать на Урал? Ей и здесь, в Париже, хорошо. Тут что-то нечисто. Ну, да от нас не уйдет. И Бернье не спасет, если что заметят.

Паркер и Воронов занимали общее купе. У Тани было верхнее место в другом конце вагона.

Поезд отошел поздно. Таня, постояв несколько минут в плохо освещенном коридоре, ушла к себе и легла.

Воронов и Паркер немного посидели. Пробовали объясняться. Воронов старался показать знание английского.

— Россия, бюзизнес уелл, — повторял он улыбаясь.

Паркер тоже улыбался и пытался произносить русские слова. Уже недели две, как он учил русский язык.

— Дикова уелл гэрль, — подмигнул Воронов, — можно будет приятно провести время.

Паркер понял намек Воронова, сухо взглянул на него и сказал полу по-английски, полу по-русски, точно не понимая:

— Да, да милая девушка, уверен, что будет полезна для дела.

Воронов нравился Паркеру гораздо больше, чем Ланг, которого он уже прозвал жабой. Его привлекало могущество этого человека и его цветущее здоровье. Он был предупрежден, что в деловом отношении он ничего не значит и как-то сразу настроил себя, что к Воронову надо относиться как к конвою или особому телохранителю.

Поезд плавно укачивал пассажиров, и Воронова с Паркером скоро потянуло ко сну.

Уже все спало кругом, когда Таня вышла из купе. Она быстро прошла несколько вагонов и остановилась на площадке одного из них.

Через пять минут молодая женщина в пальто с меховым воротником внакидку шла по полутемным коридорам к спальному вагону. Вошла в купе и юркнула на верхнее место.

Все кругом крепко спало.

Утром пошли втроем в вагон-ресторан пить кофе.

Таня с улыбкой болтала то с Вороновым по-русски, то с Паркером по-английски и старалась служить между ними переводчицей.

Воронов был доволен. Чистая скатерть. Вкусное кофе. Против него красивая молодая женщина. Но это не просто его служащая, к которым он привык у себя дома. Какая-то не совсем своя, хотя и русская. Таких он еще не встречал и эта новизна как-то дразнила его и он не мог найти с ней подходящий тон.

— Что сказать, поля здесь у немцев в порядке. Но и у нас так скоро будет. Дайте немного сроку, — говорил он. — Вот вы, барышня, назад вернетесь, своим расскажите, как в Советском Союзе хорошо. Завидно станет. Но только чтобы никакой контрреволюции. На этот счет у нас вот как строго, даже с таким привлекательным женским полом. Чуть что, примут меры и там уже не отвертишься.

Молодая девушка поправила тонкой рукой свои светлые волосы и сказала, улыбаясь:

— Иван Иванович, не пугайте, я не боюсь. А когда найдете нужным, принимайте меры.

Паркер довольно безразлично слушал русскую речь. Он не мог следить за разговором. Он сидел рядом с Таней, а напротив них был Воронов.

Когда он заговорил с Таней, она пила кофе, наклонялась над столом и, не смотря на него, отвечала.

Все было так просто и ясно. От Бернье он знал, что за девушка дана ему в переводчицы, и он спокойно беседовал с ней как с женщиной своего круга. В течение разговора его только немного поразил акцент собеседницы.

«Точно вчера это был другой акцент», — мелькнула у него в голове мысль и он сам усмехнулся ее несуразности.

Но вот Таня во время разговора подняла на Паркера глаза, как раз в тот момент, когда он на нее посмотрел.

«Что за наваждение, — подумал Паркер, — ведь это другие глаза. Те-то серые я хорошо запомнил. И эти серые, да не совсем. В них какой-то синеватый отблеск. Да, но ведь это та же девушка. Те же густые светлые волосы, тот же правильный овал лица с тонкой линией губ. Совершенно та же улыбка, показывающая ряд крепких и белых зубов. Даже тот же часто повторяемый жест — поправлять длинными пальцами прядь волос — и даже ногти так же выкрашены в красный цвет. Не мог же он со вчерашнего дня забыть ее лицо. Конечно, это то же лицо, в этом нет никакого сомнения».

Однако откуда взялся этот синеватый отблеск в глазах? Он придает им особую глубину — точно два густо-дымчатых сапфира смотрят на него. В этих глазах больше спокойствия и какая-то не женская уверенность.

Паркер почти демонстративно протер свои очки. Но у него было достаточно выдержки, чтобы не выдать своего удивления. Он продолжал разговор.

После кофе они разошлись по своим купе.

— Ну и переводчицу нам с вами, мистер, дал француз. Удружил, нечего сказать. — Воронов благодушно старался объясняться на смеси двух языков. — Как говорится, «царь-девица». Не бойтесь, не бойтесь это один из немногих случаев, когда нам позволено употреблять слово «царь». Она еще боится, ерепенится. Ничего, ничего, пока до Урала доедет, сделается податливой.

Паркеру не нравился этот разговор, который к тому же он с трудом понимал. Но ему не хотелось в первый же день обрывать Воронова. Надо было найти с ним верный тон. Он забаррикадировался тем, что не понимает Воронова и взял книжку.

Его очень интриговало то, что он заметил за кофе и скорее хотелось проверить свое наблюдение. Он несколько раз выходил в коридор, но Таня сидела у себя в купе.

Эрика Паркера, молодого химика, специалиста по металлам, давно тянуло посмотреть на Россию. Он много читал о том, что там происходит и, наконец, потерял всякое суждение об установившемся там режиме. Надо было самому посмотреть — единственный способ понять.

Случай представился очень удобный. Эрик работал над редкими металлами. Ему хотелось побывать на уральских рудниках и удостовериться, что в России в последнее время действительно были обнаружены интересные полиметаллические руды с большим содержанием таких металлов, как молибден, тунгусен, кобальт, ванадий и другие.

У него была тайная мечта проверить свое лондонское лабораторное открытие, о котором он ни с кем не говорил. Производя анализ образцов полиметаллических руд, доставленных откуда-то из Восточного Туркестана, ему как будто удалось выделить какой-то неизвестный металл. Когда он его освободил от всех примесей, то его крупинки — он получил только крупинки — оказались сверкающего синего цвета. «Синее золото», — подумал он и подбавил несколько крупинок синего золота в расплавленное железо. Охлажденный сплав ничем не отличался от простого железа. Паркер обдал его водой, чтобы он скорее остыл, и забыл про него.

А на следующий день он был совершенно поражен, найдя железную болванку без всяких признаков ржавчины. Опыт не удалось повторить. У него не было больше сырья и он побоялся истратить последние несколько крупинок своего синего золота.

Потому-то он с такой охотой решился сразу бросить все в Лондоне и быстро собрался для поездки на Урал. Ему было немного жалко бросить библиотеку и лабораторию на четыре месяца и досадно было, что он не увидит своих лодочных гонок и не будет свидетелем победы синего Кембриджского цвета над голубым Оксфордским. Он вперед был уверен в этой победе, потому что всего лет десять тому назад, сидя на втором весле, был участником одной из них.

Паркер ехал в Россию наблюдать и искать. Наблюдать интересный социальный опыт, производимый в таком ши-

роком масштабе, и искать свое синее золото. Появление женщины-переводчицы в Париже ему не понравилось, но он должен был принять во внимание просьбу директора французской компании.

Теперь его раздражало это странное наблюдение — не мог же он ошибиться? Но вместе с тем, хоть он и не признавал этого, хоть никогда бы, кажется, не признался в этом, если бы и сознал, его уже манил дымчато-синий блеск глаз этой молодой девушки, в самом имени которой он вдруг перестал быть уверенным.

Не напоминал ли ему этот блеск тех блестящих синих крупинок, которые ему удалось добыть в лондонской лаборатории?

За завтраком он сел рядом с Вороновым, посадив Дикову напротив себя. Он сделал это под предлогом, что ей одной будет свободнее.

Она опять начала непринужденную беседу с обоими спутниками, все время переходя с одного языка на другой. Расспрашивала Воронова об условиях жизни в России и не боялась обнаружить свое полное незнание ни этих условий, ни каких-либо подробностей о советском режиме.

Воронов был удивлен ее невежеством.

— Вот она, эмиграция-то. У нас всякая пятнадцатилетняя девчонка знает о пятилетке и о всех завоеваниях революции. Ну ничего, ничего, барышня, мы вас скоро научим, если только хотите учиться.

— Но неужели вы действительно ничего не знаете о пятилетке? — удивленно спросил ее Паркер.

Она подняла глаза, и они обдали его синим блеском. Чуть-чуть задорный огонек блеснул в них на одно мгновение.

— Конечно, не знаю. Никогда этим не интересовалась. Какое мне дело, что там была или есть какая-то пятилетка?

— Нет, конечно, я не ошибся, — подумал Паркер, — это не те глаза, у них не тот цвет. Те были совсем серые, а у этих синий отлив. В этом не может быть никакого сомнения.

Но какой это был отлив! Он погружал в себя собеседника, увлекал его куда-то внутрь, не позволял оторваться.

Так казалось Паркеру. Воронов тоже видел этот искрящийся взгляд, тоже окунался в него. Но потом вдруг он менялся и становился порой каким-то совсем стальным. Как у того высокого начальника, которого он только изредка видел и взгляд которого заставлял его терять самообладание. Он отворачивался. Эта переменчивость взгляда мешала Воронову поддерживать беседу с Таней. Он начинал сердиться, а в этот момент опять сноп лучей обдавал его, и он невольно тянулся к ней.

— Вот так девица, посмотрим, посмотрим, что дальше будет, — думал он.

Паркер потерял большую долю своего обычного равновесия. Он это объяснил своим неожиданным наблюдением и решил еще до русской границы окончательно разъяснить все сомнения.

Он не хочет ни маскарада, ни авантюры. Но он еще сам совершенно не понимал, что синий блеск открытого им металла уже нераздельно связался с блеском глубоких внимательно-ласковых глаз этой русской девушки и их тайну, и внутреннюю и внешнюю, для него было открыть еще важнее, чем тайну своего синего золота.

Днем, когда Воронов мирно заснул в купе, Паркер вышел в коридор и постучал к Диковой.

Они стояли у длинного окна и смотрели на плоский, быстро бегущий пейзаж Восточной Пруссии.

Паркер задал несколько незначительных вопросов. Заставил ее скинуть на него глаза и потом в упор спросил:

— Но вы ведь не Таня Дикова? Что за маскарад? Я за вас отвечаю. Кто вы? Где Таня?

Девушка облила его лучистым блеском смеющихся глаз.

— Нет, нет, я, конечно, не Таня Дикова. Я ее астральное тело, — засмеялась она. — А Таня испарилась сквозь крышу вагона.

— Но я не шучу, — настаивал Паркер.

— А если вы не шутите, то...

— Что то? — перебил он.

— То... но я же видала, сколько вы выпили за завтраком, недостаточно для этого... Значит, у вас с Вороновым запас в купе, — и она лукаво посмотрела на него.

— Почему вы мне не отвечаете прямо на мой вопрос? — продолжал настаивать Паркер. — Я спрашиваю, вы Таня Дикова или нет?

— Странно, — ответила девушка смеясь. — Ну что с вами, м-р Паркер? Ну конечно, я Таня Дикова.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Значит, та была не Таня Дикова?

— Нет, и та была Таня Дикова, — подчеркивая слово «та», ответила она, все еще смеясь.

— И в этом даете слово?

— Конечно, даю.

Паркер был смущен. Голос девушки звучал так искренне. Глаза были такими бездонными. Он не мог не поверить. И только удивлялся самому себе.

— «Значит, вагонное освещение так изменило их цвет, или я плохо рассмотрел их в Париже», — старался он найти объяснение своим больше чем сомнениям.

— Простите меня, мисс Дикова. Я не знаю, что со мной случилось. Какая-то фантазмагория. Все, что связано с вашей родиной, окутано в какую-то фантастику. Вот, вероятно, в моем воображении это и сконцентрировалось на вас. Какое-то раздвоение.

— Я надеюсь, что не будет растроения и вам завтра не покажется опять что-нибудь необыкновенное в моей персоне.

— Нет, нет, не будем больше об этом говорить, тогда я приду в себя, — смеясь, прервал Паркер.

— А мне хочется довести разговор до конца, раз вы его начали, — продолжала Таня. — Теперь я прошу вас ответить на мой вопрос. Говорили ли вы что-нибудь о ваших сомнениях Воронову? — Она прищурилась и из ее глаз исчезли все синие искры и осталась только сталь.

— Но почему вы спрашиваете? — ответил он вопросом, — вы же говорите, что вы Таня Дикова. Не все ли вам равно?

— Да, я повторяю в последний раз и настаиваю, чтобы вы мне поверили, что я — Таня Дикова. Только при этом условии я поеду с вами в советскую Россию. В противном же случае я выйду на первой же станции и вернусь обратно в Париж.

— Нет, я верю. Вы останетесь. Я не буду больше спрашивать. Но все же, не все ли вам равно, что я говорил Воронову?

— Нет, не все равно! Они ведь фантазеры и полны подозрения и особенно к нам — эмигрантам. Закиньте в него сомнение в моей самоличности и он мне, да и вам, покоя не даст.

— Нет, я ничего не говорил и, если хотите, не скажу.

— Ну, тогда все хорошо, — ответила девушка и опять насмешливый огонек блеснул в ее глазах.

А в ответ на это у Паркера опять вспыхнуло сомнение. Но он старался его заглушить. Он же обещал верить.

III

ЧЕРТА ПЕРЕЙДЕНА

— Татьяну Дикову требуют к начальнику, — раздался голос в коридоре вагона, когда поезд еще не успел подойти к советской пограничной станции. Статный молодец в длинной шинели с револьвером на поясе заглядывал во все купе.

Паркер вышел в коридор одновременно с Таней.

— Почему такое исключительное внимание? — спросил он некоторым беспокойством в голосе. «Зачем только ее мне навязали, придется возиться» — мелькнула у него мысль.

— Не беспокойтесь м-р Паркер, это они оказывают мне внимание потому, что я эмигрантка. Довольно необычный случай — пассажирка с таким паспортом, — засмеялась Таня.

— Идемте вместе, — сказала она, обращаясь к Воронову. — Теперь вы будете моим проводником. Я ведь боюсь начальства.

Воронов покровительственно повел ее к начальнику пограничного пункта.

— Вот, товарищ Гнейс. Вы вызвали гражданку Дикову. Познакомьтесь. Едет переводчицей при мне. Симпатичная барышня. Парижская белогвардейка. Ну ничего, я ее приучу. Останется довольна путешествием, — засмеялся он.

Гнейс очень вежливо учинил допрос Тани. Он уже все знал о ней. Он даже пошутил о парижских ресторанах, где и ему прислуживали русские, а потом, точно обрезав, сказал:

— Обыскать ее. Идите в соседнюю комнату и раздевайтесь.

— Нет, я не буду раздеваться, — спокойно ответила Таня.

— Как не будете, когда я говорю, что будете? Хотите, чтобы вас раздели?

Он встал и подошел к Тани.

— Вы можете со мной сделать, что угодно. Но вряд ли ваше начальство похвалит вас. Если меня заставят раздеться, я дальше не поеду. Вы хотите осложнений с Компанией редких металлов? Что вам от меня надо? Оружие? Вызовите вашу служащую и пусть она в вашем присутствии меня обыщет. Большого вы от меня не получите.

Гнейс не привык к таким ответам, и Воронов, зная, какой властью он обладает, с удивлением залюбовался Таней.

— Ай да девица, — подумал он. — Если так будет продолжаться, не сдобровать у нас.

Он не смел вмешиваться в разговор. Гнейс с минуту размышлял, потом крикнул:

— Павлова, обыщите эту женщину в моем присутствии.

Таня подняла руки, и Павлова умелым движением быстро обшарила ее с ног до головы.

Револьвера на ней не оказалось.

— Идите, но помните, что вы в нашей власти.

— Помню, помню, очень хорошо помню, что вы меня пугаете, — ответила Таня. — Я и сама понимаю, где я нахожусь.

— А вы его ловко обрезали, барышня, — говорил Воронов, возвращаясь с Таней в вагон. — Небось, не привык к таким ответам. Хоть он и охраняет интересы нашей страны, хоть я и коммунист, но вы, право, молодец. Нам бы таких побольше. Только смотрите, у нас не любят таких, как вы. Начальство приказало и подчиняться.

Паркер не без беспокойства ждал своих компаньонов.

— Что же со мной случится, ведь я под вашей защитой, — сказала, улыбаясь, Таня. — Ведь правда, Иван Иванович, я все сделала, что было надо? Вот и впустили меня. Нашли, что не опасна для советского государства.

Поезд тронулся по русской земле. Стоял конец марта, но все еще было покрыто снегом и реки скованы льдом. Только на больших реках снег почернел и кое-где вода показалась поверх снежного покрова. Странно было смотреть из окна вагона, как нескончаемые обозы везут по этой воде сено или какие-то кули.

— Еще до настоящей воды далеко. Лед толстенный. Снега много на нем. Большая тяжесть, вот вода и показалась из-под льда. А под ней крепко — не провалишься, — пояснял Воронов.

Скоро въехали в полосу лесов. Снег огромными хлопьями лежал на елях, а лиственные деревья стояли совсем голые.

Все трое сидели вместе в большом купе мягкого вагона. Паркер и Таня смотрели в окна и иногда обменивались короткими фразами.

Воронов сидел в глубине купе. Он изредка поглядывал на Таню и с усмешкой вспоминал, как она, выпрямившись, стояла перед страшным Гнейсом.

— Небось, силу свою знает, помнит, что у нее в Париже осталась такая заручка. Но все же молодец, бой-девица, — думал он.

За свою длинную революционную карьеру много посмотрелся он на женщин всяких возрастов и положений. Давно, в те первые годы революции, когда он еще носил матроску и обычно был обвешан пулеметными лентами, была в нем бурная радость всеобщего разрушения. Все было дозволено. Не было никаких преград. Честно служили революции.

Лили кровь за укрепление советской власти, а за это получали все, что было надо. Пищу, вино, одежду, женщин. Просто входили и дом и брали что хотели, что было надо и не надо.

Первой была жена офицера со своего же корабля. Взял ее обманом.

Муж был арестован. Обещал помочь освободить. Ну, потом офицер попал в список заложников. Воронов был бы и рад помочь, да что же он мог сделать.

Сообразительный, исполнительный и с чувством ответственности за дело, которое он считал своим, Воронов быстро поднимался по служебной советской лестнице. Все управления, через которые он проходил, были переполнены молодыми женщинами. Выбор был очень большой. С недотрогами просто не возились — и без них было много.

Несколько раз он зарегистрировывался, но все не мог ужитья. Какие-то все они были не хозяйственные, не похожие на тех деревенских девушек, каких он помнил еще до призыва на военную службу у себя, в далекой пермской глуши.

Переменив нескольких городских жен-барышень, — как презрительно он их называл, — Иван Воронов съездил к себе в деревню повидаться с родственниками — родители у него давно умерли — и в тайной надежде увидеть тех прежних девушек. Такие ли же они остались, или изменились?

Он уже был высоким советским чиновником. Мозоли уже давно сошли с рук и пальцы украшены бриллиантами. Он был хозяйственным человеком и сохранил кольца еще с первых лет революции.

Старухами показались ему немногие из оставшихся в живых его сверстниц, бывших краснощеких красавиц. А молодежь его стеснялась. Смотрела как на начальство. Одни старались быть услужливыми как с начальством, а другие убегали.

Старик-дядя встретил его приветливо, но сдержано.

— Начальством стал, Иван. Высокое место занимаешь. Ну, ну, что ж, хозяева-то новые лучше, чем государь был. Небось, его-то хорошо помнишь. Ведь видывал. Он вас, флотских, всегда жаловал. Часы-то серебряные с его гербом сохранил.

— Цари нашу кровь пили, а теперь власть народная, дядя, забыть то старое надо навсегда.

— Народная, народная, — хмуро отвечал старик. — А вот при народной-то аршин ситцу стоит девять рублей, а при царях-то был тринадцать копеечек, да какой ситец-то был. Эх, Иван, Иван, смотри, не ошибись.

Чужим уехал Воронов из своей деревни.

Бежали годы, и он втягивался все больше и больше в служебную лямку.

Когда начали коллективизацию деревни, то кое-кто из его бывших соратников — те, что грудью отстаивали революцию, — стали получать отчаянные письма от своих из де-

ревень. Они попробовали выразить неудовольствие. Но их быстро ликвидировали.

Иван Воронов оказался осторожнее и дальновиднее. Новая власть произвела его в начальство и обеспечила всеми земными благами, и он верно продолжал служить ей, так же точно исполняя приказания нового начальства, как когда-то исполнял приказания своего бочмана, за что и был у него на хорошем счету.

Воронов многому научился и много понял. Но свою советскую власть он знал хорошо, и никто никогда не слышал от него никакой критики.

Никто не мог бы догадаться, что он больше совершенно ей не верит. За это-то молчание и ценили товарища Воронова. Давали ему самые ответственные поручения и всегда были уверены, что он их с точностью исполнит. А Воронов к сорока пяти годам успокоился. Жил в довольстве, любил пользоваться жизнью и всегда был в благодушном настроении. Даже сыскные обязанности, часто возлагаемые на него, не нарушали этого благодушия. Не все ли равно, какое дело — было бы дело.

Но эта парижская девчонка, — как он прозвал Таню, — чем-то его растревожила. Он был недоволен и не понимал, что с ним происходит. Много он перевидал их на своем веку.

И сейчас, сидя в углу удобного дивана, он поглядывал на профиль Тани не то с презрением, не то с раздражением. Она повернулась к нему.

Лучи заходящего солнца из противоположного окна осветили ее лицо и заиграли в ее глазах.

И вдруг Воронов вспомнил. Он сидел на загребном весле, радостный, весь подтянутый и подобранный. Лодка неслась навстречу закату. Он ненароком взглянул на одну из молодых девушек, сидящих в лодке, и в ее глазах тоже играли лучи заката, точно так же, как сейчас в глазах Тани.

Ту тоже звали этим же именем. Но та тогда для него была каким-то другим, высшим существом. Он знал, и даже постоянно ощущал, что находится в ее полном распоряжении и сделает все, что она прикажет. Но ему даже в

голову не приходила возможность хоть какой-нибудь интимности.

— Что, устал, Воронов?

— Никак нет, Ваше Императорское Высочество, еще духу много, — весело ответил он и показал два ряда белых зубов.

— Разве Воронов может устать, Ваше Высочество, — засмеялся молодой лейтенант, сидевший за рулем. — Посмотрите, какая в нем сила.

Воронов весело осклабился и так навалился на весло, что лодка подскочила вперед.

Воспоминание было из какой-то другой жизни или из сна. Но солнце так же играло в глазах этой Тани, как и той. Глаза были такие же совсем далекие и такие же искристые. Но казалось, что теперь нет той непроходимой черты.

Сладкий ток пробежал по всему его телу. Он хотел заглянуть в них еще раз, но не мог выдержать взгляда и отвернулся.

«Откуда у нее такое, — подумал Воронов. — Не из другого же она теста сделана? Но еще времени много. Посмотрим, долго ли парижская штучка выдержит?»

— Что, Иван Иванович, дремлете? — спросила Таня, улыбаясь. — А вот я смотрю на леса. Хорошо у вас здесь.

Таня отвернулась от Воронова и заговорила с Паркером.

— Вы вот спрашиваете, зачем я поехала в Россию? Посмотреть на эти елки под снегом. Я их вспоминаю, когда была маленькой девочкой. О них, да и о реках и полях, много слышала в Париже. Всегда кругом рассказывали. Вот и захотелось посмотреть, как здесь русские деревья стоят. Спеленные-то русские деревья можно и в Европе увидеть. А вот захотелось посмотреть живые. Вы все меня расспрашиваете, что я знаю о современном устройстве России. А зачем мне это нужно? Ничего знать не хочу. Вот только на природу посмотреть. Скоро будет весна. Птиц русских услышим.

Опять синие искры заблестели в ее глазах. Их отблеск, попадая в светло-голубые глаза Паркера, вызывал в нем какую-то тревогу. Ему это не нравилось. Мешало сосредото-

читься, и он стремился придать нарочитую сухость своему голосу.

— Ну, деревья-то и птицы везде одинаковые, — ответил он. — А вот интересно посмотреть, какие условия жизни созданы в новой России.

— Вот уж мне несколько не интересно. Пусть живут как хотят и делают что хотят. Одним нравится одно, другим другое. У меня свое в Париже, а здесь меня только деревья и птицы интересуют, ну, еще и собаки, — добавила она с какой-то едва уловимой ноткой задора в голосе.

— Почему же собаки?

— Так, хочу понять, нравится ли собакам советская власть, — лукаво засмеялась она.

— Ну, а социалистическое строительство, широкие экономические планы, новый быт? — это разве вас не интересует?

— Нисколько. Я в этом ничего не понимаю и даже не хочу вникать. Для моей женской головы это слишком сложно, — ответила Таня.

Паркер с оттенком явного презрения пожал плечами и замолчал.

На одной из больших станций в купе вошел высокий, довольно красивый человек.

Его внешний вид безошибочно обнаруживал иностранца. Он представился. Оказалось, это был иностранный промышленник, имеющий поблизости лесную концессию. Незнакомец был очень разговорчив и при помощи Тани вступил в беседу с Паркером. Воронов вышел в коридор.

Незнакомец стал рассказывать об условиях жизни населения и о своей работе.

— Ужасная бедность. Полное одичание. Власть тащит с них что может, — настаивал он.

— Но вы, может быть, ошибаетесь. Может быть, вы здесь недавно. Хорошенько не знаете условий. Ваши сведения

расходятся с тем, что я читал, — осторожно заметил Паркер.

— Что вы читали? А кто это все писал? Вот вы посмотрите сами, тогда поймете.

Не возбуждавшая сомнения искренность слышалась в его голосе.

— Но если действительно так худо, как вы говорите, тогда почему же население молчит? Почему не просит правительство изменить порядки? Ведь советская власть самая демократическая в мире, — опять возразил Паркер.

— Почему молчит, почему молчит, а потому, что ничего невозможно сделать. Не позволяют полицейские условия.

Прошло более часа, как они беседовали. Таня, с деловой исправностью служащей, переводила их беседу.

После одного очень красочного рассказа незнакомца о методах расправы власти с населением, Паркер не выдержал и сказал:

— Но ведь так нельзя оставить. Надо что-то сделать. Надо протестовать.

— Я очень рад, что вы об этом первый заговорили, — ответил незнакомец. — Мне не хотелось навязываться. Спасибо вам. Вы англичанин. Я знаю, как вам можно верить. Позвольте быть откровенным. В населении есть тайные организации. Но им трудно, очень трудно работать. Нет средств, нет возможности поддерживать связь с друзьями в других частях России. Я сжился с русскими. Мне верят. Я им помогаю. И сейчас вот еду по этому же делу. Как бы я вас просил об одном одолжении. Мне тоже надо быть осторожным, не обнаружить себя. Не могли бы вы взять на себя часть моих поручений? Я вам дам адрес в Москве, а вы, может быть, будете так любезны зайти туда и передать...

Таня сидела на диване рядом с незнакомцем, напротив Паркера. Ровным деловым голосом переводила она на английский его слова. Паркер, которого интересовала беседа, взглянул на нее и увидел, что она о чем-то предупреждает его.

— В чем дело? — спросил он по-английски.

Но Таня не ответила и продолжала переводить то, что незнакомец просил передать. Она внимательно смотрела на Паркера. Все синее золото ушло из этих глаз, в них остался только серый, стальной цвет.

— Не надо, не надо, прекратите, — прочел Паркер в напряженном взгляде девушки.

— Передайте моему собеседнику, — сухо сказал он, обращаясь к Тане, — что я его очень благодарю за интересные рассказы, но не считаю себя вправе исполнять его просьбу. Я иностранец и не могу вмешиваться в то, что происходит в чужой стране.

Незнакомец выслушал перевод, но не сразу сдался. Он пытался уговорить Паркера, не жалел красок для изображения жизни населения.

Паркер, однако, оставался твердым в своем решении и разговор мало-помалу прекратился.

На одной из больших станций незнакомец вышел. Скоро в купе вернулся Воронов.

— Вы здесь о чем-то мудром толковали, вот я и сходил чаю выпить, — сказал он со своим обычным благодушным видом.

Паркер был уверен, что Воронов не поймет английского, и быстро заговорил с Таней.

— Я верно понял ваш взгляд? — спросил он.

— Да, конечно, — вы молодец.

— Но почему вы не хотели, чтобы я согласился? — настаивал он. — Ведь это такой пустяк. Вы могли бы зайти. Это отняло бы очень мало времени. Почему нам, действительно, им не помочь?

— А вы уверены, что вашей помощью вы не скомпрометировали бы и себя, и их?

— Значит, вы не верите этому человеку. Кто же он?

— Не то что не верю, а совершенно уверена в нем, — это был чекист, он хотел вас испытать.

Паркер внимательно, почти испытующе, посмотрел на нее. Она мило и непринужденно улыбнулась.

— Вы все русские фантазеры. Ну какое основание предполагать, что этот почтенный иностранец был провокатором?

— Я не предполагаю, а знаю это. Посмотрите, Воронов вышел из купе во время разговора. Не хотел смущать нас своим присутствием, — сказала Таня смеясь.

— Значит, он знал, что это переодетый агент? Нет, вы ошибаетесь. Если это был действительно агент, зачем было бы ему рассказывать такие вещи про тяжелые условия жизни при существующем режиме?

— Это надо было ему рассказывать, чтобы вас соблазнить. Понять — можете ли вы быть опасным или нет, — засмеялась Таня. — Кажется, он не понял. Они знают, что про них много правды в Европе написано и позволяют своим агентам ее повторять, когда необходимо поймать жертву.

— Но откуда вы все это знаете? — вдруг спохватился Паркер, вспомнив о том, как эта девушка-простушка только что мило болтала ему о любви к деревьям и птицам.

И снова подозрение закралось в него. Те глаза были совсем серые, а вот в этих синие искры опять заблистали и залучились, маня его в свою глубину. Паркер хотел с ними бороться, но не смог. Он погрузился в ее взгляд.

— Мне рассказывали друзья в Париже о таких случаях. Я читала в русских газетах. Я ваш чичероне и вы должны слушаться, — сказала она наставительно. — В этой стране слушайте, что угодно, но сами помалкивайте.

— Но почему вы так все знаете? Вы же мне только что сказали, что ничего не знаете, что делается в России? — настаивал он.

— Знаю и знаю, что вы ко мне пристааете, — с шутивным укором ответила она. — Лучше поблагодарите меня, что я вас избавила от неприятностей и, может быть, немалых.

«Нет, здесь что-то не то. Не такая уж она невежественная простушка, какой притворяется. Неужели мои способности наблюдения мне изменяют?» — подумал Паркер.

— Мисс Дикова, а помните наш разговор перед въездом в Россию? Вы мне сказали правду?

— Какой вы смешной. Что же, вы будете у меня каждый день спрашивать. Я ведь въехала в эту страну при условии, что вы мне поверили.

Да, да молодой английский ученый должен был верить. Он обещал.

Но для него неожиданно переменился весь интерес путешествия.

Новая Россия. Синее золото. Все это, конечно, было интересно. Но он должен, прежде всего, понять тайну этой синеглазой улыбающейся русской девушки. Он старался себя убедить, что ему надо узнать эту тайну для лучшего выполнения целей его поездки.

IV

КОНТРАСТЫ

— Ланг наделал нам хлопот с этой девчонкой. Все думают кому-то угодить, пользу извлечь, а забывают о безопасности Союза. Зачем только согласились впустить из такой контрреволюционной семьи? Как, товарищ Воронов, вы справитесь один с наблюдением, или дать вам сразу отсюда кого-нибудь в помощь? Вот уж правда, и без этой девчонки дела много, а теперь о ней еще думай, — говорил Полянский Воронову вскоре по приезде в Москву. Он вызвал специально для этого Воронова в управление.

— За кого же вы меня принимаете, товарищ начальник? Что же, я один за девчонкой не усмотрю? Куда же я тогда пожусь, да и что она нам сделает?

— Как что сделает, как что сделает? — воскликнул Полянский. — Ну ладно, я оставляю ее на полную вашу ответственность. Только смотрите... А где она сейчас?

— Пошла погулять с англичанином. Будьте покойны, он и сам того не понимает, а мне помогает. Переводчица, переводчица, а сам не отходит от этой переводчицы, — засмеялся Воронов, не скрывая не то досады, не то раздражения.

— Вот и вы не отходите, товарищ. Даю вам приятное, но строгое поручение. Понимаете, чтобы все без ошибки было, — добавил он тоном, который всегда раздражал Воронова.

«Тоже начальник, — со злобой подумал он. — И откуда такие взялись».

Таня действительно в тот момент бродила по Москве с Паркером. Было уже темно и на одной из людных улиц они друг друга потеряли. Паркер беспомощно оглядывался кругом, но Тани уже не было. Она быстро уходила в боковую улицу. Несколько раз изменила направление, ориентируясь, как в хорошо знакомом месте. Наконец остановилась у

одного из домов, внимательно осмотрела улицу и шмыгнула под ворота.

— На этот раз я к вам важно явилась — в спальном вагоне. Уф... надоело разыгрывать комедию, — сказала она, садясь в просторной столовой, стены которой были увешаны портретами революционных вождей.

— Ну, как у вас тут? Я слыхала, что ты, Павел, продолжаешь быстро подвигаться по служебной лестнице. Начальником отделения стал, верный член партии, товарищ Вагин, — лукаво улыбнулась она. — Ну, ну, двигайтесь дальше и дальше, ближе и ближе к цели. А я думаю на этот раз по-барски съездить и все с легкостью исполню.

— Мы вас уже несколько дней ждали, Таня, — заговорили наперерыв два мужчины и женщина. — Знали, что вы приехали, но понимаем, что трудно выбраться. Не нравится нам, что этот Воронов с вами. Он как машина, как автомат. Что прикажут, то и делает, не рассуждая. Слепая сила, да какая. Хотите, я попытаюсь нажать кнопки и вам заменят Воронова каким-нибудь щупленьким, с которым вы, в случае чего, и сами справитесь.

— Нет, ничего. Я Ивана Ивановича обработаю. Лучше пускай он. В случае чего и защита хорошая. Думаю, что таких ручными сделать легче, — отвечала она, все еще улыбаясь.

— Если услышите что обо мне, примите меры, — продолжала она. — Впрочем, боюсь, что тогда будет поздно. Или сделаю все шито-крыто, или же...

— Предупредите там, что я еду, чтобы все приготовили. Пожалуйте мне игрушку получше и надо торопиться. Пойду упрекать моего англичанина, что потерял меня на улице.

Вагин передал Тане маленький револьвер и пакетик с «инструментами». Он был ее верный единомышленник. Но для пользы дела давно стал коммунистом и занимал высокое служебное положение.

— Что же вы потеряли свою даму? — с веселым упреком говорила Таня, возвращаясь через час в гостиницу. — Я не хочу ходить одна по московским улицам. Мне страшно. Скорее бы ехать дальше. Долго еще вы меня будете мучить

переговорами в комиссариате? Мне противно это советское начальство.

Паркер не спрашивал, почему противно. Ему самому были противны эти самоуверенные и невежественные люди. И таким естественным казался ему протест молодой девушки.

Почти все время он проводил с ней вместе. В свободное время бродили по городу, осматривали достопримечательности.

Таня отводила все разговоры на политические темы, и промолчала на замечание Паркера по поводу огромной разницы между людьми, между магазинами, между домами в Москве.

Сверкающие витрины дорогих универсальных магазинов, и грязь и пустота в маленькой лавочке, куда они вошли, чтобы посмотреть, как покупает обыватель, и где истратили двадцать минут, чтобы купить фунт масла.

Паркера поражал серый вид толпы. К нему часто подходили нищие, но, видно, им было запрещено попрошайничать, и они боязливо оглядывались кругом.

Как-то они шли через площадь перед вокзалом. Их обогнал нарядный Паккард. Рядом с шофером сидел лакей в ливрее. Машина остановилась у вокзала. Лакей ловко выскочил и распахнул дверь. Молодая женщина в великолепных мехах вышла из автомобиля и привычным спокойным голосом отдала распоряжение шоферу. На автомобиле не было иностранного флажка. Значит, он был советский.

— Кто может быть эта женщина? Откуда такая роскошь? — спрашивал Паркер Таню.

— А я почему знаю, — отвечала она как-то безразлично. — Меня это не интересует. Ничего вам не могу объяснить. Вероятно, так нужно в пролетарской стране. Спросите у Воронова.

Ничего, совершенно ничего подозрительного не замечал в ней Паркер. И его напряженное внимание к наблюдаемому объекту, то внимание, которое так развито у людей, занимающихся естественными науками, — постепенно исчезало. Оно заменялось другим чувством. Когда Таня ухо-

дила к себе в номер или выходила с Вороновым, он начинал ощущать пустоту. Мысли как-то ни на чем не могли сосредоточиться, книга выпадала из рук и осмотр этого ни на что не похожего, таинственного и точно замкнутого в себе города, без нее утрачивал интерес.

Бродя иногда в одиночестве по городу, он встречался глазами с проходящими женщинами. Но в них была или полная пустота, или же сдержанная замкнутость. Ни разу ни одной искры, ни одного луча или улыбки. А потом приходил к Тане, и она его обдавала своими синими лучами.

— Охота вам, Татьяна Николаевна, с англичанином да с англичанином, съездите кутнуть и со мной. Мне тоже приятно будет показать своим парижскую барышню, — как-то сказал Воронов Тане.

Она с охотой согласилась.

Московский ночной ресторан отличался от парижского только меньшим вкусом и большей роскошью дамских туалетов.

Когда Таня в своем парижском коричневом платье села с Вороновым за столик, он сразу заметил, что она одета более скромно, чем дамы за соседними столиками. Воронову как-то раньше никогда не приходило в голову сравнивать парижские и московские туалеты. А теперь вдруг его поразила эта разница. Большинство если не дам, то мужчин, он знал. Знал очень хорошо, откуда они черпают деньги для оплаты счетов, которые были гораздо выше, чем в соответственных парижских ресторанах. Больше половины посетителей принадлежали к советской знати. Только самые верхи не боялись посетить этот ресторан, так как велся негласный учет посетителей и, если появлялось незнакомое лицо и тратило большие суммы, сейчас же производилось расследование, откуда у него такие деньги.

Воронов невольно стал присматриваться к лицам и вспоминать парижские рестораны, и казалось ему, что это те

же лица.

— Где же разница между сорящими деньгами в Париже и в Москве? — мелькнуло у него в голове и потом сам собой навязался ответ:

— Разница большая для моего кармана, тут в два раза больше заплачу. Да и свободы в Париже больше, здесь за тобой со всех сторон наблюдают.

— Спасибо, Иван Иванович, что привели меня сюда, — говорила Таня, сидя против Воронова за столиком. — Ведь это не тайна, вы позволите мне рассказать в Париже, как в пролетарской стране дамы наряжаются и веселятся? — лукавая нотка прозвучала в ее голосе.

Маленькой и хрупкой казалась она перед огромным Вороновым. Он взглянул на ее тонкие руки с крашеными ногтями и невольно сравнил их со своей огромной ладонью.

«Справлюсь ли один, усмотрю ли? — вспомнил он вопрос начальника и усмехнулся.

— Вы что, Иван Иванович?

— Да вот на ручки ваши, барышня, смотрю. Хрупкие. Хрясть и готово. И вся-то вы такая хрупкая и одна среди нас, медведей, да и дошлых медведей. Пылинка, одним словом. Дунул и готово — ничего не останется. И чего только вас понесло к нам? Сидели бы себе в Париже. Здесь таким, как вы, одно слово, пропасть, если нету защитника. Ну вот вы на меня и полагайтесь. Я уж в обиду не дам и по уральским лесам славно прокачу.

— Спасибо, Иван Иванович, я уверена, что вы в обиду не дадите и буду на вас полагаться, — ответила Таня с явным оттенком усмешки и Воронов вспомнил, как она разговаривала со страшным Гнейсом на границе и почувствовал, что она не очень-то ищет его защиты. И эта независимость чужой, непонятной для него молодой женщины опять дразняще потянула его к ней.

Таня видела это и лукаво посмотрела на Воронова.

— Ну, Иван Иванович, теперь прокатите меня по ночной Москве. Я в книжках читала, как раньше на тройках катались.

Троек в Москве давно не было, но Воронову удалось, хотя и не без труда, достать такси и они покатали по пустым улицам.

Разговор не клеился. Воронов пробовал рассказывать о Москве, но не выходило. Он слышал ее рядом, почти ощущал ее, и эта близость поднимала в нем желание. Всегда бывало так просто. А теперь он чувствовал полную связанность во всем теле. Это раздражало его. Неожиданно он как-то стряхнулся, точно сбрасывая с себя какие-то путы и, весь повернувшись к Тане, схватил ее за руки и хотел привлечь к себе.

Уверенным движением она высвободила руки. Воронов даже не понял, как он их выпустил. Спокойно глядя на него стальными глазами, Таня сказала:

— Нельзя, Иван Иванович, я не для вас.

И добавила уже насмешливо:

— Что же, у вас своих коммунисток мало, на что вам эмигрантки?

Воронов был поражен полным спокойствием молодой девушки. Оно его обдало, точно холодной водой, и опять возвело непроходимую преграду между ними.

Никогда и никто так не говорил с ним. Он чувствовал себя растерянным. Раздражение поднималось в нем.

— Захочу, раздавлю, только дунуть, — мелькнуло у него в голове. А потом откуда-то из глубины раздавалось возражение:

— Никогда не дунешь и не раздавишь.

БУРАН

Зима в тот год стояла поздняя.

Сперва беспредельная снежная равнина, а потом, за Волгой, леса неслись в окнах вагона. Паркера начинала утомлять эта бесконечная вереница сосен, елей и голых деревьев. Изредка она прерывалась белой полоской реки.

Чем дальше ехали на восток, тем реже были станции. Стояли они по большей части окруженные застывшим под снегом лесом. Только шум поезда прерывал снежную тишину.

Огромные длинные шубы висели в углу купе, заполняя его не меньше, чем люди. меховые шапки с длинными наушниками лежали на сетках, а высокие дорожные валенки стояли под скамейками. Вся эта одежда была выдана путешественникам в Москве, так как им надо было проехать на лошадях около ста верст от железнодорожной станции до приисков. Надо было торопиться проехать по зимнему пути, чтобы не потерять более трех недель, когда, вследствие разлива рек, сообщение с приисками прекращалось.

Неподвижен зимний пейзаж. Только мороз холодным паром дыхания врывается в вагон, когда открывалась дверь в конце коридора. В теплом вагоне царило настроение спокойной уверенности. Пассажиры чувствовали себя в живом оазисе посреди заснувшего зимним сном лесного царства. Все было заковано и заморожено. Даже лучи красно-медного круглого солнца не приносили ни капли тепла.

Путешественники мало разговаривали между собой. Их объяла какая-то теплая лень. Тело не должно было сопротивляться морозу, не должно было быть настороже, и часто нападала дремота.

Сидели все трое в одном купе. У каждого были свои думы. Воронов и Паркер приятно ощущали присутствие Тани. Паркер был совершенно спокоен, и все его сомнения за-

глохли еще в Москве.

Наоборот, у Воронова не было ни ясности, ни спокойствия. Девушка раздражала его своей недоступностью. Но когда он с ней разговаривал, она так же просто, как в первый день знакомства, поддерживала беседу, точно между ними ничего не произошло. Это заставляло Воронова смущаться и терять уверенность. Он сердился на себя за это смущение. Переставал разговаривать, а потом его опять тянуло к ней.

Таня держала себя так, как будто все трое уже давно знакомы между собой. Точно это была семья, в которой она хозяйка. Ее присутствие создавало атмосферу уюта.

На четвертый день рано утром приехали на станцию, где надо было садиться в сани.

Скоро заглох шум уходящего дальше поезда и стало тихо, тихо кругом. Село, где стояли ямщики, находилось в версте от станции. Лошади еще не были поданы. Ни один звук, ни один шорох не нарушал дневного торжественного безмолвия зимнего леса. Под тяжестью снега склонялись длинные ветки елок.

Но вот где-то вдали послышались бубенцы. Их серебряный морозный звон, то затихавший, то возраставший, приближался к станции.

Из-за поворота показались сани, запряженные парой лошадей — гусем. Ямщик хлопнул длинным кнутом и ловко подкатил к станционному зданию.

— Пожалуйста, пожалуйста, по солнышку-то живо доведу вас до Ершова. А там, лошади будут, можно сразу и дальше. Морозно. Ну, да день тихий, хорошо будет ехать.

Путешественники нарядились в шубы поверх пальто. Трудно было двигаться в больших валенках. Сели в ряд, Таню посадили между собой.

Щелкнул кнут ямщика, весело ударил колокольчик под дугой, а за ним залились тонким звоном бубенцы, привязанные к уздечкам. Ямщик, видно, был знаток, и колокольчики были подобраны один к одному. Кольнул мороз в щеки бесчисленным количеством игл и понеслись по сверкающей белой дороге. Скрипел снег под полозьями и мерно

стучали, похрустывая, четыре пары лошадиных ног. Других звуков кругом не было.

Мирно покачиваясь, шли оба низкорослых иноходца. Не было ни напряжения, ни торопливости в их беге. Но сани летели быстро и ровно.

— За полтора часа вас до Ершова докачу, — весело сказал ямщик, оборачиваясь к седокам.

— А сколько до Ершова?

— 30 верст.

— Ну, ну, полно говорить, за полтора часа не докатишь, — добродушно заметил Воронов.

— На водку будет — докачу. В старину и скорее ездили, — ответил ямщик. — Эй, вы, соколики!

Он не ошибся. Едва прошло полтора часа, как сани въехали в покрытую снегом деревню. Лошади привычно остановились около большого дома и обе разом встряхнулись. Их розовые ноздри чуть-чуть раздувались и тонкие струйки пара валили из них.

Приветливо шумел самовар в большой станционной комнате. Какие-то люди сидели в ней на чемоданах. Угрюмым взглядом окинули они всех трех вошедших. Они сразу определили, что это начальство.

— Ну, как лошади, товарищ, есть? — спросил Воронов, стряхивая со своих широких плеч шубу и потирая руки. — Нам до вечера надо еще один перегон сделать.

— Будут готовы. Садитесь обедать. О вашем приезде мы были извещены, — ответил начальник станции.

— Для этих сразу подают, а мы здесь третий день ждем, — проворчал пожилой мужчина в углу. — Иностранцев катают, да еще с девицами. Делать-то нечего.

Воронов не слышал замечания, но Таня обернулась к говорящему и внимательно посмотрела на него. Что-то пробежало между ними.

Пока разминались, обедали и запрягали лошадей, прошло больше двух часов.

Выехали уже после трех пополудни с расчетом приехать засветло на следующую станцию, стоявшую в глухом лесу в овраге.

Лошади резво дернули и скоро деревня скрылась из виду за поворотом. Погода неожиданно изменилась. Небо заволокло тучами и в деревьях стал шуметь ветер. Высокие сосны с голыми стволами и с бело-зелеными шапками раскачивались все сильнее и сильнее. Перегон был нелегкий, почти все время подъемы и спуски.

Начал падать снег. Сперва мелкий, потом гуще и гуще. При подъеме на одну гору вдруг рванул ветер. Завыло, закрутило кругом. Снег подхватило и завертело. Казалось, что его несет со всех сторон. Снежинки, миллионы снежинок вились, крутились, били в лицо. Спускались, поднимались. Вдоль самой поверхности несло целые струи снега и быстро заметало дорогу. Ее трудно становилось различать. Передней лошади не было видно, только ее бубенчик доносился откуда-то издалека. Навстречу мело все сильнее и сильнее. Трудно было смотреть, залепляло глаза. Захватывало дыхание. Ямщик сбавил ходу и вскоре совсем остановил лошадей.

— Сбились с дороги, пойду поищу ее, — сказал он, не оборачиваясь, прыгнул с облучка и кнутовищем стал нащупывать снег.

Передняя лошадь повернула к кореннику и как бы прикрыла его от ветра.

Минут через десять ямщик вернулся и опять двинулись вперед. Лошади еле-еле пробивали себе дорогу, проваливаясь в снег по брюхо.

Было очевидно, что дорога потеряна.

Все трое пассажиров неподвижно сидели в санях. В огромных шубах с поднятыми воротниками они совершенно не ощущали холода, да как только начал падать снег, потеплело.

Каждый по-своему переживал необычную обстановку. Паркер наслаждался новыми впечатлениями. Так все фантастическим казалось в этом заколдованном лесу, где не было ни земли, ни неба, а только одни снежинки.

Воронов и Таня по рассказам знали, что значит попасть в буран, но тоже до конца не отдавали отчета. Больше всего беспокоился ямщик. Он то выходил и осматривал кругом

местность, то медленно двигал вперед лошадей.

Стало совсем темно. Вьюга не прекращалась. Снег продолжал залеплять глаза. По целине, по поляне поднимались в гору. Как только перевалили гребень и начали спускаться, сквозь завывания ветра стал прорываться какой-то другой звук. Он становился все яснее и яснее. Чувствовалось, как лошади напрягаются изо всех сил и дергают сани.

Ямщик обернулся к Воронову:

— Слышишь, лучше остановимся здесь, переночуем. Сена в санях много. Из веток костер разведем. К огню они близко не подойдут.

— Ну, ну, старик, выдумал ночевать. И так не тронут. Я попугаю. — Воронов вынул револьвер и выстрелил. Звук выстрела был сразу заглушен ветром.

Врывающееся во вьюгу завывание все усиливалось. Точно кто-то сзывал товарищей по сигналу. Лошади дергали изо всех сил. Вдруг сани выскочили из глубокого снега и лошади понесли вдоль крутого косогора, с которого снег был сметен ветром.

На повороте сани накренились на сторону Воронова и в одно мгновение он и Таня, в своих огромных шубах, как кули вывалились из них. Ямщик сидел на противоположной стороне. Под его и Паркера тяжестью сани выпрямились и, несмотря на все усилия ямщика, лошади стремительно понеслись вперед.

Таня мягко упала на снег. Стало даже как-то весело. Когда она высвободилась из-под обкрутившей ее шубы, то увидела Воронова, лежащего от нее в каких-нибудь десяти шагах. Он никак не мог освободиться из-под шубы и к нему вверх по косогору несло несколько волков. Вот первый из них уже подлетал к лежащему Воронову. Он, вероятно, заметил опасность и только успел натянуть огромный меховой воротник на голову.

— Пропали, — услышала Таня, как крикнул он, когда огромный волк подскакивал к нему. Но так и не доскочил до своей жертвы. Глухо щелкнул выстрел и волк, изменив направление своего прыжка, грохнулся на снег почти рядом с барахтающимся Вороновым.

Остальные волки сразу отпрянули назад. Все это произошло так быстро, что Воронов не сомневался, что стрелял Паркер. Он думал, что англичанин тоже выпал из саней.

Когда он, наконец, освободился и увидел одну Таню, уже сбросившую с себя шубу и стоявшую рядом с ним в одном парижском пальто, он был совершенно поражен.

— Револьвер-то откуда у вас? — был его первый вопрос.

— А вы что же, предпочли бы, чтобы у меня не было револьвера, и нас загрызли волки? — бросила она насмешливо. — Езди по вашим лесам без револьвера. Ну, да разговаривать некогда, смотрите.

Большой волк бежал на Воронова. Тут только Воронов понял и ощутил всем своим существом, что Танин выстрел его спас. Теперь он уже стоял на ногах. Шуба лежала на снегу около него. Его револьвер, по-видимому, выпал во время падения. В одно мгновение он обмотал мягкой меховой шапкой левую руку и ткнул ее волку в пасть. А свободной правой схватил его за верхнюю челюсть.

Могучие матросские руки сделали свое дело. Волк взвизгнул, взвился задними ногами и грохнулся наземь.

Темное пятно крови виднелось на снегу. Воронов разорвал волку пасть.

— Молодчина, Иван Иванович, чисто сделано, — вскрикнула Таня.

— Ну, да и вы молодчина, без вас меня бы загрызли. Спасибо вам, Татьяна Николаевна. Будьте покойны, не забуду. Какие мы ни на есть, а добро можем и не забыть. Раз вы стрелок, не пускайте вон тех, а я в один миг заграду устрою.

Таня сделала еще два выстрела по наседавшим на них волкам. А Воронов подобрал клоч сена, выпавший из саней, быстро сломал несколько веток и через несколько минут огонек занялся на снегу и скоро весело затрещала в нем хвоя елочных веток.

Больше не надо было тратить патроны — звери не подойдут к огню.

— Меня спасли, а себя выдали. Так парижские барышники не стреляют. Смотрите, как вы голову разнесли, и какой

здоровенный, — сказал Воронов, не без труда оттаскивая мертвого волка от костра. — Ну, ладно, я ничего не знаю. Волка убил я, и все тут. Поняли?

Костер быстро разгорался и через каких-нибудь четверть часа пылал огромным пламенем, озаряя то оранжевыми, то синеватыми отблесками тысячи снежинок, кружившихся над косогором.

Волки больше не показывались, но их вой некоторое время раздавался где-то поблизости.

Таня сидела в своей огромной шубе на снегу, а Воронов все время хлопотал вокруг. Она внимательно следила за ним, за его движениями, точно что-то изучая.

Физического страха перед ним не было никакого. Она знала, что если даже она заснет, у нее есть верный часовой: слишком свежо было впечатление этого фантастического происшествия. Но что он понял? Можно ли было верить этому огромному человеку, на душе которого было немало человеческих жизней и которого и друзья, и враги считали автоматом, всегда с точностью выполняющим приказания начальства?

Еще долго шел снег и кругом, за пределами отблеска костра, стояла плотная стена. Реальный мир был только здесь, в этом узком круге, освещенном весело горящими елочными ветками. А что было за этим кругом, — большой мир с городами и экспрессами, друзьями и врагами, ужасами и радостями казался нереальным, куда-то навсегда ушедшим.

Постепенно ее тревога улеглась или забывалась. По временам она точно начинала дремать. Потом открывала глаза и опять эти мягкие, то желтоватые, то розоватые снежные хлопья по ту сторону костра.

Воронов тоже сидел. Ветер стих и снег падал ровно и густо.

В шубах и валенках было тепло и они оба впадали в какую-то зимнюю нирвану. Воронов почти не говорил. Смотрел в огонь и делал короткие замечания по поводу костра. Таня так же коротко отвечала.

Они не могли определить, сколько прошло времени, час, два, сутки, когда раздался вдалеке выстрел. Один, другой. Прошло еще сколько-то времени. Опять выстрелы, но гораздо ближе, а потом слышались голоса.

Значит, за снежной стеной еще существовали люди.

Их окликнули по именам.

Оказалось, что станция, куда лошади благополучно вынесли Паркера и ямщика, была недалеко, за холмом. Когда снег стал падать не так густо, там заметили зарево костра и отправились на выручку.

— Совсем как в детских книгах о России, — говорил Паркер, подходя к Тане на коротких лыжах, и костер озарил его радостное лицо.

— А мы уж думали, что вам несдобровать.

— С Вороновым-то? — ответила, смеясь, Таня. — Смотрите, что он с волком сделал.

— А что же, смотреть на них было? — осклабился Воронов.

Далеко за полночь добрались до станции. В большой, хорошо натопленной комнате было приветливо и уютно.

Переночевав, утром опять выехали в путь. Все тот же лесной снежный пейзаж, только снег стал еще белее и гуще, и еще неподвижнее стояли деревья под ним.

К вечеру доехали до Отрадного.

VI

ТАМ, ГДЕ МОЮТ ЗОЛОТО

На откосе большого холма или даже, пожалуй, горы были расположены деревянные, новенькие домики. Где-то стучал мотор. На улицах видны были электрические лампочки — первое, на что обратили внимание Паркер и Таня.

— Смотрите как здесь, в этой глуши, все хорошо устроено, — заметил Паркер.

Путешественников встретил заведующий Отрадненской горной группой товарищ Хилидзе. Это был молодой грузин с большим орлиным носом, хорошо выбритый и аккуратно носивший свою кожаную куртку, из-под которой виднелась кобура револьвера.

— Мы вас уже давно ждем, — сказал он своим гортанным голосом, пожимая руку каждому из приехавших. — Буду рад показать англичанину наши достижения. Поживите, поживите у нас, посмотрите, как мы завоевываем природу.

Отрадное было центром целой горной группы. Когда-то, до революции, в речках вокруг Отрадного несколько семей старателей по летам мыли золото, а зимой, кроме осторожной выдры, никто не появлялся на снежной поверхности речек. Шалаши, в которых летом жили старатели, заносились снегом и неподвижно стоял кругом лес в своей зимней девственной красоте. Только изредка по веткам пробирался длинный черный зверек, не подозревавший, какую ценность он носит на себе.

Но вот, лет десять тому назад, лес и холм, где сейчас было расположено селение, оживились. Появились люди. Привезли машины. Стали строить. Выросли домики. На речке была поставлена огромная драга для добычи золота усовершенствованным способом. И зимой уже больше не заглохла жизнь, продолжал шуметь мотор и не прерыва-

ла работу драга.

Добыча золота сильно увеличилась. Приезжали партии геологов, горных инженеров. Вокруг, в соседних речках, тоже были обнаружены новые места с золотоносными песками.

Управление Отрадненским трестом всячески поощряло приток новых старателей и рабочих, и их число возрастало из года в год. Два года назад инженеры обнаружили поблизости, за холмом, платиновые россыпи, а также интересные полиметаллические руды.

В Отрадном была построена лаборатория. Русские химики и металлурги прилежно изучали все обнаруживаемые в окрестностях ископаемые. Установили, что в полиметаллических рудах находится редкий металл молибден, но окончательного анализа, по-видимому, не могли сделать. Начальство считало, что у них нет достаточного умения и знания.

Вот им-то на помощь и приехал Паркер.

Мало-помалу Отрадное сделалось административно-горным центром. В нем самом на речке стояла только одна драга. Ближайшее поселение старателей — Ракитино — было за холмом на другой речке. Но и дальше находились поселения старателей, прикрепленных к Отрадному. Самое отдаленное из них было верстах в десяти. Полиметаллические залежи тоже были верстах в восьми.

В Отрадном помещался весь административный аппарат. Товарищ Хидидзе, уже заслуженный советский деятель, несмотря на то, что ему не было и тридцати лет, был полновластным хозяином: он зорко наблюдал и за техническим, и за административным персоналом. Это считался очень ответственный пост, так как через его руки проходило много золота, которое ему обязаны были сдавать все старатели. Только изредка к нему приезжали ревизоры. У него были хорошие отношения с высшим техническим персоналом, но, как молодой коммунист, он презирал всех старых инженеров, считая, что дух старого режима не окончательно выветрился из них. Поэтому со всеми и всегда он соблюдал большую осторожность.

Летом количество рабочих и старателей в Отрадненском районе достигало нескольких тысяч. На обязанности Хилидзе было заставлять их работать, кормить и держать в подчинении. При нем была команда человек в сорок хорошо вооруженных людей и он очень искусно поставил наблюдение за всеми раскинутыми вокруг поселками. За лишний фунт сахара у него всегда были хорошие доносчики и он был в курсе всего, что происходило в подведомственном ему районе.

Не так легко было держать в руках эту разношерстную и часто меняющуюся толпу.

Продовольствие было самым действительным орудием в руках Хилидзе. В Отрадном были только казенные лавки. Мало что можно было достать помимо них. Летом еще кое-как можно было прокормиться ягодами, грибами, рыбой и дичью, которую ловили силками, так как администрация бдительно наблюдала, чтобы ни у кого не было огнестрельного оружия. Ну, а зимой без советских лавок была бы голодная смерть.

Продовольствие выдавалось старателям только в обмен на золото, а рабочим по запискам от старшего персонала. Бывали случаи, когда запасы истощались, а новые вовремя не поступали, или из-за плохой дороги или из-за каких-то задержек в центре. Тогда особенно внимательно охранялись отрадненские склады, маленькая ферма, свинарники и огороды. Больше думали о том, как уберечь поросенка от ночного вора, чем о золоте. Вообще говоря, главный смысл всей жизни на приисках было продовольствие. Оно всегда вызывало самые оживленные разговоры. Почти весь заработок шел на еду и потому, естественно, она сделалась центром жизни.

На самих приисках золото не имело особой цены. Уезжающих всегда тщательно обыскивали. Было несколько случаев, что люди уходили пешком с золотом. Но на это отваживались только немногие. Такие беглецы не смели показаться на ближайшей почтовой станции, лежащей в 25 верстах. Там проверяли документы и требовали особые пропуска из Отрадного. Идти же через леса и горы, пересекать

реки и болота и неизвестно где найти жилье — на это мало кто решался.

За последние годы в леса с золотом скрылись всего только несколько человек. Да и то скелеты двух из них, пролежавшие всю зиму в лесу, были позже найдены не так далеко от Отраденнского района. Кучка золотого песка сверкала около вымытых снегом и дождем белых костей.

Приезжих поселили в новеньком, чистеньком домике недалеко от дома Хилидзе, в котором также помещалось и управление. Они столовались втроем, отдельно от начальства и инженеров. Но Паркер стремился создать со всеми отношения и время от времени приглашал к себе то Хилидзе, то инженеров, то химиков.

Он сразу с интересом принялся за работу. Все утро проводил в лаборатории, которая находилась внизу у речки на краю селения.

В первые дни, когда он еще не присмотрелся и, кроме дома начальника, своего и лаборатории ничего не видал, его поразили порядок и чистота. Позже, когда он заглянул в рабочие дома, где царили нищета и грязь, в склады и столовую, он изменил свое первоначальное мнение. Но все же упорно повторял Тане, что очень хорошо, что порядок и чистота начинаются сверху — они должны когда-нибудь спуститься вниз.

По утрам Таня часто шла с Паркером в лабораторию. Это были ее служебные часы. Надо было помогать ему разговаривать с русскими химиками. Днем же она ходила гулять, иногда с Паркером, иногда с Вороновым, а то просто одна.

Хилидзе было прислано подробное сообщение о Тане. С первого же дня он взял ее под подозрение и вначале был с ней сдержанно хмур.

— Ничего, товарищ Хилидзе, она бойкая. Дело свое исполняет. Я вот уж две недели с ней, а пожаловаться ни на

что не могу, — успокаивал его Воронов.

— Контрреволюционное отродье, не терплю я их, — сверкая глазами, клокотал грузин. — Всегда от них надо чего-нибудь ждать.

— Подите вы, что она вам здесь сделает? — мирно возражал Воронов.

Через неделю Хилидзе и сам успокоился. Приезжие вошли в общую жизнь и их пребывание уже казалось естественным.

Паркер должен был пробыть в Отрадном неопределенное время, в зависимости от хода его работ. Он увлекался работой в лаборатории. Несколько раз в неделю ездил на разработки, всегда в сопровождении Тани и Воронова. Там он спускался вниз в неглубокие шахты, осматривал породы, стучал молотком.

Воронов обычно ходил сзади и посмеивался:

— Англичанин хитрец, пусть на нас поработает.

Днем, в свободное от работ время, Паркер часто гулял с Таней.

Казалось, что дни текут мирно и размеренно.

Паркер всем был доволен и совершенно покоен. Его подозрения по отношению к Тане совсем заглохли. Но он сам хорошенько не подозревал, как к ней привязался и как ее присутствие сделалось для него необходимым. Она всегда была поблизости и это создавало в нем ощущение полноты и радости жизни. Порой ее смеющиеся глаза разливали сладость по всему его телу. Но он был очень выдержанный человек и не позволял проявляться этому чувству.

Появились первые признаки весны. Почернели деревья. С крыш капало не переставая. Потянуло теплым расслабляющим ветром. Прервался санный путь с внешним миром. Побежали с холмов потоки. Треснул лед на речках и они стали быстро вздуться и заливать лесистые берега.

Сообщение с отдельными приисками и разработками поддерживалось на лодках. Пряный запах весеннего леса кружил голову, когда маленький челнок скользил между деревьев и кустов по разливу.

Воронов быстро научил Паркера управлять челном одним веслом, сидя на корме, и англичанин часто ездил по разливу вдвоем с Таней. Она сидела впереди спиной к движению, а он против нее на корме.

Таня, ловя из воды травы, лениво обменивалась с Паркером впечатлениями и ему хотелось ехать все дальше и дальше. Точно поступательное движение челна могло приблизить его к молодой девушке.

Солнце стогняло снег с открытых мест и изумительно быстро на пригорках показывалась свежая зеленая трава, точно вылезала из-под снега. На пригорках и на открытых местах было жарко, а рядом в лощинах еще лежал снег и оттуда тянуло холодом.

В солнечный день Таня и Паркер влезли на холм, который возвышался над Отрадным и за которым на восток открывалась новая долина и селение старателей, называемое Ракитино.

Наверху открылся поразительный вид. Темно-зеленые леса уходили вдаль беспредельными массивами. Только серебряные ленты рек прорезывали их. Вечернее солнце играло на воде золотом и серебром и придавало красноватый, прозрачный оттенок сливавшимся в один сплошной ковер, макушкам сосен и елей.

Кроме леса и воды, ничего не было видно — ни полян, ни жилья. Солнце смягчало этот суровый пейзаж. Оно делало его радостнее, но сохранило в нем всю стихийную мощь. Хотелось вдохнуть в себя все, что было перед глазами. Набраться сил, охватить все и разлиться в нем.

— Хорошо, — сказал Паркер, делая глубокий вздох.

— Да, хорошо, — ответила Таня, всматриваясь вдаль. — И чего только людям надо? Живи, любуйся и благодари Бога, что дал возможность созерцать такую красоту. А они соберутся в кучу и обязательно начнут грызться между собой.

Она посмотрела на него и солнечные лучи заиграли в ее глазах радостным весенним золотом.

— Нет, мне одной природы недостаточно. Мне нужно, чтобы здесь же, около меня, были эти глаза, смотрели на

меня и были бы моими. — Он взял ее за руку.

— Нет, нет, не надо, — сказала она, но не было окончательного упорства в ее голосе. — Не надо. Любуйтесь Божиим миром и довольны.

— Но это тоже Божий мир. Он-то и создает радость, — настаивал Паркер, почувствовав, что его слова нашли в ней отклик. По правде сказать, он не верил, что будет отклик. Она всегда была с ним приветливая, но в то же время сдержанно-далекая. Признание у него вырвалось случайно, это был непосредственный и даже неожиданный для него самого ответ на ее лучистый взгляд. И вдруг...

— Не надо, не надо, — повторила Таня более упорно. — Мы оба заняты. У нас обязанности. У вас большая работа. У меня...

— Что у вас?

— Ничего, у меня служба, — бросила она, лукаво смеясь, и побежала вниз.

— Как хорошо жить, м-р Паркер. Только не надо так много вместе гулять. Надо работать, — говорила она Паркеру не оборачиваясь, через плечо, когда он еле-еле поспевал за ней вниз.

Паркер послушался совета Тани и еще усерднее стал работать в лаборатории. А она много и далеко гуляла одна. В Отрадное стали стекаться рабочие и старатели, и Таня довольно часто ходила через холм к старателям в Ракитино.

Воронов иногда вызывался сопровождать ее. Она не отказывалась и непринужденно болтала с ним. Впрочем, никогда не заговаривала о той ночи в буран. И он молчал, точно ничего и не было.

Но Воронов хорошо помнил этот меткий выстрел, спасший его. Он давно уже решил, что Таня здесь неспроста. Заключением своим, однако, ни с кем не поделился, а только следил и наблюдал. Наблюдал за всем.

— Что вы все с англичанином, да с англичанином гуляете, нами пренебрегаете? — говорил он как-то ей, поднимаясь по холму. — Долго вы еще здесь пробудете? Побыли и довольно. Возвращайтесь-ка подобра-поздорову назад. Мне-то что. Здесь и лучше. Все же и на вас посмотришь, полюбуешься, какие еще русские барышни остались. А так, для вас. Скажите вы ему, чтобы кончал, да и поедem. Долго здесь жить, до хорошего не доживешь. Народ здесь у нас кругом отчаянный, да и Хилидзе вас не особенно жалуем.

Они медленно поднимались в гору и Воронов ломал ветки, высовывающиеся на тропинку, и машинально срывал с них молодые листики. Таня шла, опустив голову, и изредка останавливалась и концом палки выковыривала из земли камешки.

— Эх, Татьяна Николаевна, Татьяна Николаевна, знаю, что я для вас не человек. Большевик, одним словом. А может быть, и в большевике-то где-то глубоко человек сидит, и Чека человека не всегда может до конца выбить. На вас посмотришь, и человеком захочется стать.

— Это хорошо, Воронов, что вы хотите стать человеком, — улыбнулась она, взглянув на него. — Но почему только эмигрантка вас толкает на человеческий путь, на что же тогда были все ваши завоевания революции?

— Что эти завоевания, да завоевания? Вон Хилидзе рабочим гнилой хлеб выдает да в холодных бараках держит. Так бы раньше разве стали жить? Ну, а теперь попробуй поговорить. Разговор будет короткий.

Стоило из-за этого всю Россию перевертывать, все тряс-ти и перетрясывать так, что кто куда разлетелся, чтобы вот такой, ничего не понимающий мальчишка над народом издевался.

Эх-ма, были мы тогда без понятия. А теперь понимаем да молчим, так зажали, что ничего сделать не можем. Это уж я вам, Татьяна Николаевна, так от души говорю. Знаю, что не выдадите. Только, право, пора вам назад за границу. Посмотрели и будет, пока все тихо и смирно. У нас, знаете, глаз и уши повсюду. В центре знают, что в самых дебрях глухих делается.

В теплый весенний день Таня сидела на скамеечке под окнами лаборатории и лениво читала английский роман. Окна были открыты. Паркер работал в другом конце дома.

— Он может, в конце концов, попытаться до этого. Смотрите, с каким усердием он работает и, главное, берет образцы из разных мест рудника, — расслышала Таня разговор двух русских химиков.

Дунул легкий весенний ветер и куда-то отнес разговор.

— Досадно, — опять донеслось до нее. — Найдет, им расскажет. Новая реклама. Пусть сам-то знает, только бы Хилидзе не говорил. А ведь никак с ним не заговорить, можно нарваться. Тоже эта Дикова. Все твердят, что белогвардейка из заграницы приехала. Так бы и пустили они белогвардейку. Держи ухо остро. Тоже штучка. С матросом-то приятельница.

Полной неожиданностью был для Тани этот разговор. Оба химика ей казались такими преданными советскими специалистами. Они так уверенно держали себя с администрацией и так громогласно говорили о советских достижениях. Паркер всегда удивлялся их сравнительному невежеству.

— Неужели нет лучших? — часто спрашивал он Таню. Теперь она поняла, в чем дело, и даже усмехнулась, когда вспомнила про эти пять недель, проведенных вместе с ними.

— Да, это выучка. Надо у них учиться, — подумала она. Паркеру она ничего не сказала, только внимательнее стала присматриваться к его работе.

В последнее время он чаще ездил на рудник. Заставлял рабочих отбивать куски руды то в одном, то в другом месте. В лаборатории он сидел дольше и несомненно старался оставаться там, когда оба химика уходили.

— Странная вещь судьба, мисс Дикова, — говорил он Тане, когда они сидели на корнях большой ивы над быстро бегущей речкой, песочное дно которой было драгоценным.

— Вот я, лондонский ученый. Написал уже несколько работ. Была у меня определенная налаженная жизнь и ра-

бота налаженная. Но вот попал сюда, в эту глушь, отрезанную от всего мира, и все изменилось в моей жизни. Надо же было найти вас именно здесь. Встретиться с русской эмигранткой в далеких советских лесах.

— Но, Паркер, вы слишком уверенно распоряжаетесь другими, — тихо и с легкой усмешкой ответила Таня, не смотря на него и стараясь прутом задержать щепку, несущуюся мимо.

— Да, но я знаю, что это так. Ведь я прав? Скажите сейчас же — я прав?

Таня посмотрела на него долгим взглядом, быстро встала, выпрямилась и отошла. Она подняла камешек, ловко бросила его далеко в воду, потом опять посмотрела на него, обдала его всего радостью и сказала, хотя ему было и так все ясно:

— Не знаю, Паркер, не знаю. Не надо об этом говорить. Не надо. Пока лучше быть свободными, как птицы.

Паркер вскочил и хотел подойти к ней, но она быстро и легко прыгнула через другой корень, весело засмеялась и побежала вверх по берегу.

Паркер не побежал за ней. Она остановилась, подождала его и медленно пошла рядом.

— Не позволяете пока, не буду. Только знайте это твердо, Таня, — с подчеркнутой серьезностью сказал он. — И другое решилось для меня в этих лесах...

— Как, вы нашли? — живо вскрикнула Таня.

Паркер был ошеломлен.

— Что нашел? А вы почему знаете, что я искал? — и подозрения волной снова охватили его.

«Как все таинственно и фантастично, что связано с русскими», — пронеслось у него в голове.

— Я все знаю, Паркер, от меня ничего нельзя скрыть, — прищурившись, засмеялась она. — И не надо скрывать. А от других скрывайте. Ну, теперь рассказывайте, как вы нашли, — добавила она, слегка касаясь рукой его рукава.

Паркер засунул руку в карман и у него на ладони заблестели на солнце несколько маленьких синих камушков. Самый большой был величиной с ноготь мизинца.

— Вот, смотрите. Таинственный металл. Мои лондонские опыты подтвердились. По-видимому, в здешних рудах его довольно много. Я произведу переворот в металлургии. Железо больше не будет ржаветь.

Синий камушек сверкал на солнце совсем как золото.

— Ну вот хорошо, что вы мне показали, а я ведь не знала, что вы нашли, — лукаво сказала Таня.

— Как не знали? Я ничего не понимаю. Почему же вы заговорили об этом? Что за фантастика? Вы не можете себе представить, как мне было трудно скрывать от русских химиков свою работу. Но откуда вы это узнали?

— А как им было трудно, — задумчиво произнесла Таня.

— Что было трудно?

— Скрывать от вас, вероятно, то же самое.

— Как скрывать от меня? Значит, они тоже нашли синее золото?

— Значит, тоже нашли. Они, Паркер, молодцы. Не захотели его отдавать Хилидзе. Вы человек чужой и свободный, а они подневольные. Вы должны хранить их секрет.

— Но это мой секрет.

— И их.

— Я с ними поговорю.

— Не надо. Вы их можете поставить в очень трудное положение. Понимаете, в опасное положение.

— Но вы с ними разговаривали? Это ваши друзья?

— Да, вероятно, они мои друзья, но я с ними не разговаривала и не хочу говорить об этом. Это их дело, у меня своих забот много.

— Но откуда же вы знаете? Какое же ваше дело? Милая, не будьте сегодня таинственны со мной. Ведь синее золото, которое в ваших глазах, оно тоже мое.

Таня всем своим существом поняла, что еще мгновение и вся их напряженная сдержанность будет смыта волной охватившего их чувства.

— Я все знаю. Не надо, пойдемте. А мое дело...

VII

БДИТЕЛЬНОЕ ОКО

Радостно виляя поднятым вверх хвостом, Шарик внимательно следил, как Таня, прыгая с камня на камень, переходила быструю речку. Когда она была на последнем большом камне, он уже готов был сделать прыжок к ней и весь подобрался. Но она прыгнула на берег первая. Шарик стремительно перевернулся вокруг себя, подскочил и своим горячим языком лизнул Таню в щеку.

— Ну, ну, Шарик, полно, меня с ног собьешь. Вот тебе, получай свое, — и Таня бросила ему кусок сахара.

Сахар хрустнул и моментально исчез в собачьей глотке.

Поджарая, рыжая, довольно большая собака, в которой, вероятно, смешались все собачьи крови, внимательно смотрела на Таню и ждала подачи или приказа.

Из досчатого домика, больше похожего на землянку; вышел приземистый человек средних лет, весь обросший русой бородой. Он приветливо поздоровался с Таней.

— Ишь как радуется, попрошайка. Хвостом-то, хвостом-то что делает, посмотрите, — сказал он, смеясь.

Из соседних домиков-землянок, расположенных вдоль речки, тоже показались мужчины, женщины и ребятишки. Они издали приветливо здоровались с Таней.

За те несколько недель, что Таня жила в Отрадном, она сумела заслужить общую любовь в соседних поселках старателей. В карманах своей куртки всегда приносила им какие-нибудь пустяки — куски сахара, спички, иголки, нитки. Все это в уральских лесах ценилось буквально на вес золота.

Но старатели ее полюбили не только за эти очень нужные им мелочи. Они ценили ее приветливость и многим из них становилось радостно, когда раздавался ее смех.

— Как у вас здесь, Носов? Как работа? Вода-то спадает, — теперь легче, — обратилась она к бородачу.

— Стараемся, Татьяна Николаевна, стараемся, недаром и старателями зовемся, — ответил он, смеясь. — Вон сколько нового народу прибыло. Сегодня им участки отводили вверх по реке. Золото-то засверкает. Придется Хилидзе новый несгораемый шкаф выписывать, — подмигнул он лукаво.

— Свои есть? — тихо спросила Таня, обращаясь не столько к бородачу, сколько к собаке, которую, немного наклонясь, она трепала по голове.

— Еще не разобрал. Этого сразу не сделать. Может быть, есть. Но и наседки есть. Такую партию без них не пришлют, — ответил он, подбирая сучки около своей двери.

Их разговор был очень короткий, почти на ходу. Таня кивнула ему головой и пошла вдоль берега к другим домикам. Собака бросилась за ней.

— Шарик, — окликнул Носов, — назад.

И собака нехотя, но покорно повернула к нему.

Навстречу молодой девушке выбежали ребяташки. Они здесь зимовали и уже успели познакомиться с ней.

Таня остановилась около женщины, которая усердно сажала капусту на маленьком квадратике около домика, расчищенном от кустов и деревьев.

— Вот дали рассаду из управленческого огорода. Даст Бог, вырастет, с пищей легче будет, — ответила она на приветствие Тани, не без труда разгибая спину.

Дальше стояли бараки для холостых. Туда накануне приехало больше сорока человек. Люди еще хлопотали вокруг собственного устройства. Один прилаживал стол и скамейки перед баракom. Другие бродили вокруг по лесу или вдоль берега — кто искал дров, кто-то уже закинул удочку.

— Это кто же такая будет, видно, что иностранка. Курточка-то синяя какая, и трогать не надо, и так видно, как кожа-то выделана.

— Переводчица из Отрадного. Там при англичанине. С ним приехала из заграницы. Говорят, русская, да и поговору наша, ну, а по одеже никак не признаешь за свою, — расслышала Таня, пройдя маленькую группу столпившихся старателей.

В следующей группе стояло несколько человек, которых она уже знала.

— Ну, как доехали? — спросила она, подходя, и быстро почесала сперва левую ладонь правой рукой, а потом правую два раза левой.

— Благодарим, ничего, где ехали, а где пешком шли. Дорога-то еще не устоялась, — ответило несколько голосов и она заметила, как стоявший сбоку молоденький белобрысый паренек тоже по очереди почесал сперва левую ладонь правой рукой, а потом два раза правую левой рукой.

— Доехали-то ничего, — продолжал кто-то из толпы, — да вот здесь непорядки, не можем добиться ни сахара, ни постного масла. Вы бы, гражданка, похлопотали там за нас в управлении, а то там толку не доберешься. Волынка одна и сиди без сахара.

— Хорошо, я передам, только это не мое дело. Беритесь за работу. Золото принесете, вам сразу дадут.

— А до золота-то, что же, без сахара сидеть? — с раздражением ответил длинновязый детина.

— Я здесь не хозяйка, а такая же служащая, чего от меня-то хочешь? — сухо ответила Таня и пошла дальше.

Она перевалила еще одну маленькую возвышенность и спустилась в лощинку, где вдоль другой речки тоже стояли домики старателей.

Было уже довольно поздно. Солнце спряталось за гору, на западной стороне которой было расположено Отрадное.

Таня медленным шагом прогулки прошла вдоль поселка, обмениваясь короткими фразами со встречными. Кое-где у речки сидели удильщики. Она останавливалась у некоторых из них и следила за леской, или делала вид, что следит.

В конце поселка стояла землянка, немного поодаль от других. Против нее на берегу сидел юноша лет семнадцати. Казалось, что он был совершенно поглощен двумя удочками.

— Ну как, Степа? — спросила Таня, подходя к нему.

— Третьего дня отправляли, да слишком уж много привязали. Подумаешь только, тридцать верст тащить почти

два фунта по таким трущобам, да еще две большие реки переплывать. Оттуда сообщили, что прибежал измученный, язык висит на боку и тяжело дышит. Надо меньше класть. Груз-то шею оттягивает. Хорошо так. Ну, а если уходить от кого в лесу придется, с килограммом не уйдешь ни от собаки полицейской, ни от волка. Оттуда тоже советуют меньше класть.

— А еще что сообщают?

— Пишут, что хотят Шарика еще испытать. Ценность уж очень большая. Да и здесь его надо лучше приучать не бежать прямо к Носову, а вон в той лощинке ждать. Вчера я вышел рано-рано с удочками. Чуть светало. Удочки закинул, в лощинку спустился, а он там под корягой лежит. Я сахару ему дал, записку отвязал. Он смотрит, точно не понимает. Пока я не сказал «пошел», — не встал с места.

— Эх, собака, такой во всем свете не найдешь.

— Не собака, а золото, — оборвал юноша и дернул одну из удочек.

— Ну, конечно, золото. Степа, сколько уж перетаскала-то? — спросила Таня.

— Да за два года больше пятидесяти килограмм. Вот третий год начинаем. Там в Европах бы рассказать, небось не поверили бы.

Таня усмехнулась.

— Ну ладно, подождем еще. Когда снова отправляете?

— Только через три дня.

— До свидания, Степа, темнеет, надо домой.

Когда она поднималась на последний холм, то стало уже совсем темно. Она уверенно шла по знакомой тропинке, когда навстречу из-за дерева выросла высокая фигура.

— Кто идет?

— Человек, — спокойно ответила Таня.

— Знаю, что человек, а какой человек-то?

Таня разглядела детину, требовавшего от нее сахара.

— А, заграничная барышня. Идем, идем, разлюбезная моя. Вот и попалась.

Он схватил Таню за руку. Она вырвалась и отскочила в сторону. Он бросился за ней и быстро схватил ее опять.

— Руки прочь, — раздельно произнесла она.

Слова были так властны, что он было отпустил ее. Но потом опять схватил и как перышко поднял наверх.

— Чего там прочь? Что захочу, то и сделаю. Тоже штучка.

Он ждал, когда она начнет биться. Так привык к этому и это ему доставляло особое наслаждение. Но Таня была совершенно невозмутима и ее полное спокойствие сковывало его движения.

— Оставьте меня сейчас же, — опять произнесла она медленно и холодно.

— Не оставлю...

— Нет, оставишь, — раздался сзади голос Воронова и он так тряхнул нападавшего, что тот отлетел в сторону.

— Ну и влетит же тебе шомполами. Идем, сукин сын, в управление, — сказал Воронов, взяв его за шиворот.

— Оставьте его, он больше не будет, — заступилась Таня. — Иди и другой раз по ночам в лесу к женщинам не приставай, — добавила она.

— Зачем отпускать, Татьяна Николаевна, надо проучить.

— Ну его, пусть идет. Он больше не будет. Правда, не будешь?

— Простите, барышня, сам не знал, что делал, — отвечал он, дрожа всем телом.

— Спасибо, Воронов, что меня выручили. Мне противно было до него дотрагиваться, — сказала Таня, отходя со своим телохранителем от места нападения.

— Вот видите, Татьяна Николаевна, всегда говорил вам, не ходите вы к старателям, хорошего там не увидите. Ну что бы вы сделали с таким, если бы я не встретился?

— Что-нибудь бы сделала, Воронов, это еще не так страшно. Есть вещи куда страшнее. Если бы только такие опасности были на свете, жить было бы просто.

— Как волка? — спросил он, в первый раз напоминая ей о той зимней ночи.

— Ну зачем? За кого вы меня принимаете? Как-нибудь бы иначе, — ответила она нехотя.

— Эх, Татьяна Николаевна, уезжайте вы поскорее из этих мест, по дружбе вам говорю.

Начальник Отраденского горного района нервничал. Ему прислали запрос из центра, почему трест в этом году добывает меньше золота, когда рабочих и старателей прислано больше. Хилидзе произвел тщательное обследование работ во всех пунктах района.

За холмом в Ракитино в прошлом году было около ста человек и они сдавали каждую неделю больше килограмма золота. А в этом году там более двухсот старателей и они не сдали и полутора килограмм.

Он потребовал объяснения у старых старателей, с которыми он работал уже по несколько лет.

— Пески обеднели. С утра до ночи работаешь, работаешь, а толку не видно. Хоть бросай, — объяснил Носов.

Хилидзе приказал принести образцы песков в лабораторию. Русские химики нашли, что пески стали действительно беднее.

— А ну, что англичанин скажет, пусть он анализ сделает. Так-то вернее будет, проверка на проверку, — сказал Хилидзе главному инженеру, с которым обсуждал результаты анализа русских химиков.

Паркеру принесли пески, взятые из разных речек.

— Какое богатство здесь на дне речек, — сказал он Тане, выйдя с ней днем на прогулку.

— Богатства нет и пески бедные. Вы понимаете, Паркер, они обеднели, — настойчиво сказала она, лукаво взглянув на него.

Он вдруг все понял и ему казалось, что понял окончательно. Если бы знал это раньше, до въезда в Россию, конечно, не взял бы ее с собой. А теперь благодарил судьбу за то, что не понял тогда, за то, что привез ее в уральские леса. За то, что все это время был с ней.

Опять вспомнил ту парижскую Дикову с серыми глазами. Значит, эта действительно не та. Значит, эта его обманула. Значит, нельзя верить ее словам... мелькнуло у него в голове...

Но не все ли равно, которая эта, как ее настоящее имя. Он твердо знает, что вот именно с этой он не хочет расставаться, — возражал он сам себе.

— Вы мне сказали неправду тогда в вагоне, — ответил Паркер на Танину настойчивую фразу.

— Нет, правду, я же вам дала слово.

Он не мог не верить. Он верил. Но опять все становилось таким нереальным.

— Хорошо, если вы хотите, пески обеднели. Я делаю это только для вас. Но мы через два дня уезжаем, я закончил работу. Нашел свое синее золото и там... и здесь, — он взял ее за руку и внимательно посмотрел в ее глаза.

— Нет, мы уезжаем через неделю или десять дней, — ответила она, отдавая его своими лучами.

Паркер подчинился ее требованию. В ту минуту он подчинился бы всему, что бы она ни попросила. Он был в полной власти ее женской силы.

— Нет, товарищ начальник, здесь ошибки быть не может. Мы за ними следим с прошлого года. Друзья неразлучные стали, — со злой усмешкой говорил старатель Дышко, сдавая золото Хилидзе.

— В прошлом году нас тоже к нему на Медвежьих приисках подсадили, — недаром мы наседками зовемся. Он и сам не знает и своих подвел. Осенью их всех переловили, а его оставили и сюда на развод прислали. Он ей знак ихний подал, а она ответила, — продолжал Дышко.

— Да вы, может быть, ошибаетесь?

— Как же тут ошибиться. Сперва левую ладонь правой рукой один раз, а потом левой рукой правую ладонь два раза. Нету тут ошибки, это все те же. Мы на то и поставлены,

чтобы понимать. Будьте покойны, это все та же банда.

В тот же вечер Хилидзе разговаривал с Вороновым, причем обставил этот разговор так, чтобы он не вызвал подозрений.

— Вы что-либо замечали за Диковой и за англичанином? — спросил грузин.

— Еще бы не замечал, конечно, замечал.

— Что такое?

— Да все вместе гуляют. Он в нее совсем влопался. Переводчица тоже.

— На это мне наплевать. А еще что?

— Что же еще-то замечать? Кто бы они ни были, что они тут сделать могут? У нас в руках? Поди, золота от нас не украдут, — с оттенком презрения ответил Воронов.

— Из моей-то комнаты не украдут. Да раньше-то, чем ко мне попасть, оно куда-то исчезает. Смотрите, сколько народу работает, а добыча все не увеличивается. Уж третий год, как по приискам действует шайка. Куда-то сбывают золото. Сколько не следили, а до сих пор не могли обнаружить организации. Так, отдельных лиц ловили, они твердят, что для себя крали. Но в центре считают, что это какая-то большая организация и крадут они не для простой корысти. У нас у всех инструкция внимательно следить и постараться обнаружить шайку. Тут уже даже не так золота жаль, как необходимо раскрыть контрреволюционную организацию. До сих пор не было никаких признаков связи с границей. А вот третьего дня ваша Дикова дала знак.

— Какой знак?

— Да секретные сотрудники говорят, что они давно заметили этот знак. Он и раньше им давал возможность выживать бандитов — ладонь чешут. Сперва одной рукой один раз, потом другой два раза. Дикова, проходя мимо вновь приезжих, его подала и ей ответили.

— А может быть, у страха глаза велики. Комаров-то в лесу много, зачешешь не только ладони, но и подошвы, — опять возразил Воронов.

— Да я тоже, товарищ, думаю, что надо проверить и прошу вас усилить наблюдение за обоими. Только нельзя спугивать. Может быть, удастся обнаружить всю организацию. Ах, здорово было бы, товарищ. Нас бы с вами за это похвалили. Малашка-то, что вам прислуживает, уже осматривала все их вещи. Все перевернула. Только и нашла у нее, что маленький револьвер — я его оставил на месте, винтик малюсенький отвинтил, больше действовать не будет. Кроме револьвера, совершенно ничего. И вещей-то почти у нее нет. Белье, книги да походная аптечка. Я и ее велел принести. Фельдшер говорит, и там ничего нет. Я уже послал донесение, а вы пока не спускайте глаз.

«Вот тебе и да, еще одна попалась, — думал Воронов, выходя от Хилидзе. — И какая девчина, — почти вслух произнес он, — около таких-то, даже ничего не получая, жить веселее. И чего только ей тут нужно? Не золото же везти, тяжелое, много не увезешь. Откуда такие отчаянные только берутся? Эх жаль, пропадет. От наших не уйти».

Он был опытный наблюдатель и при первой встрече с Таней и виду не показал. Обменялись несколькими обычными шутками и она попросила его взять ее с собой на утиную охоту.

Рано, на заре, вышли они из дому и на челне бесшумно скользили мимо камыша по лугу, с которого еще не ушла весенняя вода. Таня куталась от утреннего холодка в свою кожаную куртку. За изгибом леса на свинцово-оранжевой предрассветной воде они увидели несколько уток.

— Эх ты, утка, утица, беззаботно плаваешь, а не знаешь, что к тебе подкрадываются... Вот и человек так, Татьяна Ни-колаевна, — оборвал Воронов.

Она внимательно посмотрела на своего спутника.

— Да, конечно, Воронов, только и хороший стрелок не всегда попадет в птицу. А другой, хоть и охотник страстный, но не всегда поднимет ружье на птицу. Увидит, залюбуется и выпустит. Тоже тварь Божья.

— Ну, а если птица та хищная, вредная, народное добро портит? — спросил Воронов.

— Какая портит, а какая уберегает, Воронов. Какая семена выклевывает, а какая — вредных насекомых, подтачивавших эти семена.

В это время утки, видимо, услышав шорох челна, поднялись и полетели. Воронов вскинул ружье и два раза выстрелил. Крайняя из уток как будто дрогнула, но сейчас же вновь вытянулась и догнала подруг.

— Вот видите, Воронов, — засмеялась Таня, — и промахнуться можно. А зевать не надо. Что намечено — делай и в рассуждения не пускайся, — добавила она, как бы дразня его.

— А вы все же молодец, Иван Иванович, — продолжала Таня. — Страж революции и суровый страж, а я контрреволюционный отпрыск, люблю с вами поболтать. Спасибо за сказки и присказки, — и она положила свою тонкую руку на его огромную ладонь.

— Что можем, рассказываем, а там не взыщите, Татьяна Николаевна, служба. А в Париж-то скоро? Пора, пора. Что вы тут торчите? Погуляли и довольно. Ох, право, довольно.

Она внимательно и пристально посмотрела ему в глаза. Сдержанная радость разлилась по всему его телу. Он уже твердо знал, что она окружена непроницаемым панцирем, но и сквозь этот панцирь ее присутствие всегда радовало его.

— Да, Паркер как будто кончает работу, скоро поедем.

— Чего там, кончает да кончает. А вы бы собрались да поехали.

— Зачем же мне торопиться? Чего бояться? Вас? Вы же поставлены наблюдать за мной. Вот и наблюдайте повнимательнее, — с задором ответила Таня, выпрыгивая из челна на берег.

— У меня-то пара глаз и пара ушей, Татьяна Николаевна, — отвечал Воронов. — А кругом-то их сотни, все-то они принадлежат одному существу, всеведующему и всевидящему.

— Все ли видящему, Воронов?

— Обязательно все, от него не скроешься, — резко и с раздражением ответил он. Таня не могла уловить, к кому относится это раздражение.

— Что-то Воронов мне все намеки делает, даже притчами стал говорить. Советует скорее уезжать. Уж не проследили ли они? — говорила Таня бородатому Носову в тот же день вечером.

— Мне о нем много рассказывали, — продолжала она. — Такие самые страшные. Мы для них материал — пальцем сжал и захрустело, — и она хрустнула своими тонкими пальцами. Но кажется мне, что он для меня сделает все возможное, конечно, не портя своей карьеры. Надо его слушать и торопиться. В чем задержка? Дайте знать туда, чтобы прислали. После этого вам надо будет сделать перерыв, а то смотрите, как Хилидзе плачется, что золота мало поступает.

— Да, я тоже так думаю, — отвечал Носов. — Пора, а то тянуть будем, где-нибудь и прорвется. Пошлю записку, чтобы на следующей неделе прислали. Вы к нам эти дни лучше не ходите. Тут такую сборную команду прислали, что не разобрать их. Я уже для осторожности предохранительный знак употребляю. Не нравится мне кое-кто здесь. Как бы нам самим после вас не пришлось уходить. Реки-то еще вздувшиеся, нелегко пробираться сейчас было бы.

— Всему должен настать конец и все в конце концов обнаруживается, — продолжал он. — Сижу уже здесь третий год. Сколько людей мимо прошло, сколько презренного металла переправил. Все под самым их носом. Кажется, всех местных насквозь видишь, приезжих быстро разгадываешь. А не уйдешь. Рано или поздно просыпешься. Мы-то здесь сидим, совсем земляными людьми стали. В случае чего и земля близко. Кажется, совсем забыли как люди-то живут. Вот только когда на вас посмотришь, так вспомнишь, что жизнь другая есть. А как подумаешь, что такие, как вы, у

нас есть, так и веселее становится. Значит, и в большом мире наше дело не забыто. Вам бы, Татьяна Николаевна, на балах блистать, а вы все по лесным тропинкам.

— Какой же по тропинкам, я в спальном вагоне, — пошутила она.

— А сколько раз по тропинкам-то переходили?

— Да всего раз пять, — нехотя ответила она.

— Тоже, Татьяна Николаевна, надо знать меру. Этот раз удастся, сами понимаете, какое дело сделаете, ну и смирно посидеть надо, и подольше. Послушайте меня, земляного человека. Дайте передышку. Нельзя полагаться на то, что всегда везет без ошибки. Удача тоже не любит, чтобы ею злоупотреблять. Вот и в Великую войну были такие, которых пуля не сразу брала. «Ах, еще та пуля не вылита, что нас возьмет», и лезут, и правда их пуля как будто не берет. Только пули-то все время новые и новые льют, миллионами льют, ну, под конец-то и выльют ту, которая такого счастливчика возьмет.

Через день Хилидзе получил из центра телеграфное распоряжение усилить наблюдение над Паркером и Диковой. А еще через несколько дней заезжал в Отрадное по производственным делам красивый молодой человек. Он пробыл в Отрадном два-три дня, но так сумел всех расположить к себе, что даже Таня пожалела, что он так скоро уехал.

Прошло еще несколько дней, когда Хилидзе получил короткую телеграмму: «Очень серьезный случай. Вместе с Вороновым держите под постоянным наблюдением. Подробности письмом».

Он показал телеграмму Воронову, который с полным внешним спокойствием ее прочел. Ни один мускул не выдал его. Он, конечно, был готов сделать все необходимое, а Хилидзе был предупрежден, каким доверием Воронов пользуется в центре.

Но Воронов бродил по Отрадному сам не свой. Даже иногда сердился на себя. Что с ним случилось? Сколько он во время своей революционной карьеры выловил «вредного элемента». Всегда все было так ясно и просто. А здесь вдруг какая-то не то жалость, не то... Он не хотел додумывать, не хотел окончательно признаться сам себе.

Через три дня после телеграммы Хилидзе показал Воронову секретную бумагу из центра:

— Вот, читайте, товарищ.

Воронов как-то нехотя взял и стал внимательно читать:

«После снятых на днях фотографий специалистом, который приезжал к вам, нет никаких сомнений, что именующая себя Татьяной Диковой является одной из очень опасных и активных контрреволюционеров.

По наведенным в различных пограничных пунктах справкам она, то в одиночку, то в сопровождении других лиц несколько раз проникала в пределы Союза из заграницы. Последний раз, в июне прошлого года, она вместе с двумя мужчинами наткнулась на нашу заставу. Пограничники открыли огонь, но бандиты были вооружены такими совершенными пулеметными пистолетами, что солдаты не выдержали и, оставив одного раненого, отошли. Бандиты подошли к раненому и один из них хотел его прикончить, но женщина, бывшая с ними, не позволила это сделать. Этому пограничнику, ныне выздоровевшему, была показана фотография Диковой и он не сомневается, что это именно та женщина, которая спасла его в прошлом году от смерти. Кроме того, ее фотография хранится в одном из пограничных пунктов, где ее успели снять, но не успели поймать.

Вам и Воронову предписывается с чрезвычайной осторожностью, не наводя подозрения, следить за каждым шагом Диковой и сделать все возможное, чтобы выяснить, за каким делом она и англичанин приехали в Отрадное. Ваше донесение о таинственных знаках, которые она подавала старателю, имеет огромный интерес. Может быть, удастся раскрыть целую организацию, о существовании которой нам известно, но которая до сих пор оставалась неуловимой. Все будет зависеть от вашего и Воронова умения.

Главный начальник приказал передать вам обоим, что в случае успеха, каждый из вас получит денежную премию и трехмесячный отпуск, по вашему желанию внутри Союза или за границу. Вопрос о вашем перемещении ближе к центру тоже будет зависеть от степени раскрытия организации.

В Париж Лангу послано сообщение с изложением всех обстоятельств дела и с запросом дополнительных сведений».

— То-то, товарищ, она мне с первого же дня не нравилась. Опыту-то достаточно. Сколько этих бандитов перевидал, — с молодым задором сказал Хилидзе.

«Молокосос», — с неожиданной для себя злобой подумал Воронов, а вслух согласился с Хилидзе и похвалил его.

— Да, дела, сказал Воронов. — Вот ведь каналы, всюду пролезут, всюду вредят. Но теперь от нас не уйдут. Мы с вами все разберем.

— Значит, виду не показывать, а следить. Главное, постараться понять, с кем из старателей она в сношениях. Тот рассказ Дышко не дал никакого развития. Больше никаких знаков не было замечено. Может быть, и тогда ему только показалось. Хорошо, что показалось, иначе бы мы ее не раскрыли. Подождите, все раскроем, еще по ордену получим.

Хилидзе уже вызвал дополнительных секретных сотрудников, которые были вкраплены в качестве старателей во все соседние участки.

— Товарищ начальник — нашел. Верное слово, нашел. Теперь не уйдут, — говорил ему взволнованный Дышко через день. — Только обещание не забудьте. Собака носит, собака. Вот вам крест, тьфу ты — хотел сказать — вот вам мое пролетарское слово. И чья собака-то — носовская. Верно говорю, носовская. Вот уж не думал. И другим бы не поверил, если бы сам не видал.

Вчера поздно ночью видел, как он ей мешочек к шее привязывал, и она как стрела полетела.

— Ты пьян, Дышко, что ты брешешь про Носова. Он у нас первый и самый старый старатель. Ни за что не поверю.

— Вот вам и первый. Не верьте, не верьте. Я сам себе не верил. Уж поздно было. Я на косогор вышел, смотрю, там шагах в семидесяти человек около собаки возится. Лес шумит, ветер с их стороны. Я к земле припал, месяц-то из-за туч вышел — смотрю, борода, другой такой бороды у нас нету и собака-то его — Шарик. Он ей что-то привязал к шее, хлопнул по спине она и пошла, да как сразу взялась — видно, не первый раз, привычно.

— Куда пошла-то, в какую сторону?

— Да так к Грозной горе.

— Так-так, а ты не врешь? Смотри, бабы засмеют, да и сверху нагоняй будет.

— Ну вот, врешь да врешь. Я за ним потом до дому смотрел. Утром рано часов в семь мимо прошел — Шарика не было, да впрочем, он его всегда к себе внутрь берет.

— Ну не врешь, молодец, тебя не забудут. А пока и виду не показывай и от Носова подальше, чтобы он чего не подумал.

— Носов, Носов, — не мог успокоиться Хилидзе. — Неужели это Носов, самый лучший мой старатель? Всюду измена, всюду предательство. Но карающая рука пролетарской власти достанет всех своих врагов.

VIII

НЕ ДОНЕСЛА

Сперва по Европе, а потом по Азии, уральские леса тянутся на сотни верст. В течение нескольких столетий уже стараются люди проникнуть в них и окончательно завоевать их. Проведены дороги. Стоят города и селения. Уходят вглубь земли шахты. Вырастают все новые заводы и жуткий монотонный стук мощных машин отчетливо раздается в ночной лесной тиши, а зарево от огромных печей бросает зловещие тени на высокие ели.

Но много еще есть мест в уральских лесах, куда кроме одиноких охотников да лиц, неудобных властям, не проникали еще люди, не начинали еще рубить, копать, расчищать. Есть места, где на много десятков километров тянутся почти девственные лесные острова. Часто они окружены болотами, отделены от населенных мест порожистыми речками, труднопроходимыми оврагами или беспорядочно наваленными огромными камнями, точно кем-то сброшенными с неба.

В былые, очень старые времена в таких островах бродили разбойники, грабившие золото или драгоценные меха у проезжих купцов. Там скрывались каторжники, которых вели пешком за тысячи верст в Сибирь и которым иногда удавалось где-нибудь под вечер отстать от партии.

Некоторые из них оседали в лесу, проявляли какое-то исключительное упорство. Оставались там на суровую зиму и, если не погибали, то, мало-помалу, через несколько лет, вырастало жилье. О прошлом такого лесного строителя никто не спрашивал. Он был нужен государству как аванпост для проникновения в лесные тущобы.

За последние двадцать лет состав людей, забредавших в эти леса, людей, гонимых существующей властью, сильно изменился и число их увеличилось. Количество человеческих костей в уральских лесных дебрях за последние двад-

цать лет увеличилось гораздо больше, чем за предыдущие два столетия.

Часть этих лесных бродяг была совершенно необычайна. Вместо воровского языка былых времен, там иногда можно было услышать французскую речь. Тонкие лица и руки выдавали людей, видимо, еще совсем недавно принадлежавших к верхним слоям общества. С другой стороны, совсем за последние годы в лесах стал появляться, иногда даже с семьями, крепкий рослый тип людей — это были зажиточные крестьяне-кулаки, как их именует существующая власть, — изгнанные из собственных домов и объявленные врагами нового общества, точно так же, как и их предшественники.

У подножия высокого холма, на склоне которого были навалены каменные глыбы, так никогда и не докатившиеся до низу, на весеннем солнцепеке сидели четыре человека и внимательно наблюдали, как через быстро текущую реку плыла собака. Несколько выше бурлили пороги. Быстрые струи воды иногда заворачивали голову четвероногого пловца, но она опять выпрямлялась и держала путь на следящих за ней людей.

— Я только теперь понял по-настоящему, что такое собачья привязанность, — сказал один на них. На вид это был самый старший из четверых. Ему было лет пятьдесят. Длинная черная борода с проседью как-то не шла к его общему подтянутому виду. На его ногах были новенькие, видимо, только что сделанные лапти. Синеватые брюки и красно-бурый пиджак имели очень древний, поношенный вид. Но все сидело на нем очень аккуратно, видимо, старая привычка заботиться о своем костюме сохранилась и в лесной глуши.

Его более молодые товарищи тоже были обуты в лапти и на них тоже были ветхие сборные костюмы.

Вокруг сидящих не было заметных признаков жилья, точно они, проходя мимо, присели погреться на солнышке. Только внимательное обследование лужайки и склона могло бы обнаружить жилье и, видимо, довольно прочное. Земля в разных местах лужайки беспорядочными клочка-

ми была разработана и на этих неаккуратных клочках, по-видимому, было что-то посажено.

На склоне за большим камнем виднелась темнеющая щель почти в человеческий рост.

— Устала, небось, надо сразу дать ей что-нибудь, — сказал высокий молодой человек и скрылся в эту щель.

— Да, — задумчиво продолжал старший, ни к кому не обращаясь. — Ну чего они стараются, жили бы где-нибудь на советских хлебах в холе. Таких ведь собак всякий оценит. Нет, не хотят от нас уходить. Собака, так ее и тянет к собачьей жизни, а вот мне что-то человеческой жизни захотелось. Надоело быть Робинзоном да скрываться от чернокожих — или они краснокожие, — которые за тобой на аэропланах охотятся.

— Ну, ну не брюзжите, ваше превосходительство. Чего вам, солнышко светит, лес зеленеет и золото течет. Может быть, и доживем до другой жизни. А нам жаловаться и здесь нельзя. Хорошо и привольно, и достать нас трудно. Вон Василий всего только три месяца пробыл в лагерях на принудительных работах и теперь, пожалуй, никуда отсюда не захочет уходить. А, Василий, как, хочешь опять на люди попасть? — спросил один из юношей.

— На люди бы не прочь, только не на советские люди-то, впрочем, они и не люди, — ответил Василий, деловито выстукивая топором тонкую палочку.

Он никогда не расставался с топором, который служил ему во всех случаях жизни. Приходилось действовать им и против большого зверя, но он мог также делать им себе маникюр.

Уже год, как Василий жил с уральскими робинзонами. Он набрел на них случайно. Встреча вызвала большую тревогу среди лесных людей. У Василия отобрали топор и долго к нему присматривались. Не верили фантастической истории его бегства из концентрационного лагеря, куда он был сослан как кулак. На лесорубках под вечер он снял двух часовых и ушел в лес.

— Ведь за тебя другие ответили, — строго заметил ему генерал, — ведь там у них круговая ответственность за беглецов.

— Все равно пропадут. Там долго не выдержишь. А так хоть я один ушел, — возразил крестьянин.

Лесные люди долго и внимательно присматривались к Василию, взвешивали каждое его слово и под конец сделали его полноправным членом своего сообщества.

Посвятили его в дело и он оказался исключительно полезным человеком.

Острый вопрос обуви исчез. Василий всех снабжал лаптями. Он завел огород, причем сразу понял наставление генерала, как надо его разбивать, чтобы не быть замеченным с аэроплана.

Только через несколько месяцев показали Василию дорогу до следующего пункта, но потом он часто стал ходить туда.

Генерал был старшим в первом лесном звене. Только старший в звене знал, сколько еще таких звеньев тянется через уральские горы на восток и где их конечный пункт. Через них текло золото, контрабандой получаемое от старателей с приисков. В обмен на золото поступало оружие и другие ценные в этих местах предметы.

Не было принято говорить и обсуждать, куда идет золото. Известно было только, что оно идет на работу против советской власти, работу, которая происходит далеко от Уральских лесов. Лесные люди делали только подсобное дело.

Звенья были расположены в малопроходимых местах, и пока не выпадал снег, их обитатели мало беспокоились, что их могут обнаружить. Зимой же некоторые звенья совершенно покидались и лесные люди устраивались сравнительно большими группами в таких трущобах, куда редко заходили и самые выносливые охотники.

Звено со звеном поддерживало сообщение отчасти при помощи собак, а отчасти, когда лес подсыхал и надо было нести большой груз, сами люди пробирались через леса, болота и речки по известным только им тропинкам.

Суровое правило существовало в лесу — встречному советскому человеку не давали пощады, а беглецов от советского режима брали на долгое испытание. Но места были такие глухие, что за три года работы встречено было всего два-три человека.

Следующее звено на восток от генерала находилось в сорока километрах. Пока не появился Василий, людям туда очень трудно было пробираться раньше июля, когда вода в реках совсем спадала. Кроме многих маленьких речек, их отделяла одна широкая река и только во второй половине лета можно было переходить ее по камням, и то с большим трудом.

Но Василий выдолбил маленький челн, что упростило сообщение между звеньями.

— Смотри, Толя, какой осколок бутылки притащил вчера Василий, — говорил генерал, передавая своему юному помощнику не то кусок бутылочного стекла, не то прозрачный камень. — Говорит, подобрал около маленького ручейка, знаешь, в той узкой долинке между двумя холмами.

Солнечный луч вдруг заиграл на чуть зеленоватом камне всеми оттенками радуги, так что трудно было на него смотреть.

Толя сбегал в пещеру за бутылкой и провел куском по стеклу. На стекле остался след.

— Горный хрусталь?

— Нет, он в ручейках не бывает.

— Но ведь в этих местах нет брильянтов?

— А ты почему знаешь? Мало ли что тут есть, да еще не найдено. Тут кроме нас и люди-то не проходили.

— Но если это брильянт, то какая же ему цена?

— Да, наши тогда сразу смогут работу усилить.

Было решено не отправлять камень по длинному восточному пути, где он должен был пройти через много рук, а ждать okazji для отправки прямо на запад.

Командировка французской Компании редких металлов в Россию и явилась этой оказией.

Генералу очень хотелось переправить камень без ошибки. Он внутренне усмехался, когда представлял себе, сколько смогут друзья выручить за него и как им удастся развернуть работу.

Потому-то он все время медлил с отправкой и принял окончательное решение, только когда получил извещение от Носова, что надо это сделать на этой же неделе — иначе будет поздно.

Верстах в десяти от своего жилища, по дороге к Отрадному, генерал устроил нечто вроде передового поста. На высоком холме у развесистой ели оставляли Шарику сахару и он был приучен бежать мимо этой ели. Когда поклажа была слишком тяжелая, тогда кто-нибудь из лесных людей выходил к ели навстречу Шарику и, переменяв его сумку, отправлял его обратно.

С холма далекий вид в обе стороны. К западу, к Отрадному, шла широкая долина, которую перерезывала река. Дальше за рекой опять шла цепь холмов.

Генерал положил в маленькую кожаную сумку зеленоватый бриллиант величиной с кулачок ребенка, крепко зашил сумку и часа в четыре вечера вышел с Василием на передовой пост, куда к вечеру должен был прибежать Шарик. Они взяли с собой одну из своих собак. У генерала через плечо висел бинокль и карабин. Он только недавно приучил Василия обращаться с ружьем, но тот продолжал твердить, что с топором куда сподручнее, чем с ружьем.

— Напейся хорошенько чайку, там не позволю огонь разводить, а домой не раньше утра вернемся, — сказал генерал.

Лесные люди давно научились с большой точностью определять время переходов — не даром они несли курьерскую службу.

Генерал с Василием пришли на передовой пост всего только за каких-нибудь полчаса перед тем, как туда прибежал Шарик. Уже было совсем темно. Им показалось, что они посидели всего несколько минут, как их собака встала, насторожилась и потом начала радостно вилять хвостом и бросилась вперед.

Они расслышали, как где-то близко бежал зверь, и скоро Шарик выпрыгнул из кустов и не успели они опомниться, как он к ним подскочил и лизнул каждого по очереди.

В его сумке почти ничего не было. Видимо, с той стороны берегли его силы.

Шарик волновался, вертелся около людей, терся около их ног. Потом настораживался, оборачивался в ту сторону, откуда прибежал и прислушивался. Раза два он даже не то взвизгнул, не то зарычал.

В темноте ни генерал, ни Василий не могли наблюдать за собакой и не видели всех ее движений.

А Шарик не мог им рассказать, как там, на далеком холме, он удирал от полицейских собак, как там поднялась тревога и даже раздалось несколько выстрелов. Все это случилось километра за три от места, где сидели генерал и Василий. Выстрелы они, конечно, не слышали, вероятно, их заглушил ветер.

Уже в течение трех дней где-то между высокой елью, где сейчас сидели лесные люди, и Отрадным на пространстве более двадцати километров был расставлен военный кордон.

Когда секретный сотрудник рассказал Хилидзе историю с Шариком, грузин сообщил об этом по начальству. Сейчас же были приняты экстренные меры и солдаты вместе со специально выдрессированными собаками были расставлены кордоном между Отрадным и Грозной горой, той самой, которую лесные люди могли видеть со своего наблюдательного поста.

Были приняты особые меры, чтобы о передвижении солдат ничего не было известно в Отрадном. Люди были расставлены на расстоянии полуверсты друг от друга и у них было много собак.

Шарику повезло, когда он бежал из Отрадного, так как ветер дул на него. Он почуял собаку справа, подался несколько влево, но и оттуда пахло собачьим запахом. Он на мгновение остановился, повел носом во все стороны, как-то бесшумно огрызнулся, видимо, на что-то решился и пошел вперед еще быстрее.

Не успел он сделать и несколько десятков прыжков, как почти наткнулся на сидящего человека, возле которого лежала собака. Солдат видел, как мимо промелькнул зверь и, не целясь, выпустил по нему всю обойму. Но Шарик уже спускался по косогору и пули пролетели высоко над его головой. Ищейка, лежавшая около солдата, бросилась за Шариком, а справа мчалась другая. Шарик на бегу оглянулся, сперва как будто задержался, потом вдруг еще прибавил ходу, весь вытянулся и, когда собаки почти нагоняли его, плюхнулся в свежую воду речки.

Собаки не решились последовать его примеру.

По обыкновению, генерал выдержал Шарика около полутора часов. Дал ему поест. Заставил лечь. И два человека и две собаки тихо отдыхали на вершухе лесного холма. Люди слышали иногда разные ночные лесные звуки, то близкие, то далекие. Где-то хрустнет ветка, точно кто-то упадет с дерева, внизу в долине шумели пороги. Человеческое ухо не могло различить всех звуков. Собачьи уши различали гораздо больше. Собаки чуяли, что где-то там, на западе, люди и собаки. Они вставали. Ходили по полянке, куда-то вглядывались.

Когда прошло положенное время, генерал подозвал Шарика, потрепал его по шее и стал прикреплять драгоценную кожаную сумку. Он обвернул вокруг шеи два широких кожаных шнура и попробовал, крепко ли. Когда все было готово, он скомандовал:

— Айда домой.

Вопреки обыкновению, Шарик не сразу бросился вперед. Он покрутился около обоих людей, провел спиной вдоль их ног, как-то не то угрожающе, не то жалобно тявкнул, отбежал несколько шагов, потом вернулся и опять тявкнул.

— Да что ты, Шарик? — удивился генерал. — Айда скорее домой. Хан, беги его провожать, туда, до речки. Ну, пошли.

Генерал кинул сухую ветку в сторону, куда должны были бежать собаки. На этот раз Шарик послушался и обе собаки быстро исчезли, спускаясь с холма в долину. Генерал и Василий знали, что Хан не поплывет за Шариком через

речку и вернется к ним.

На этот раз преимущество было за полицейскими собаками. Они почуяли Шарика и Хана, когда те были еще на другой стороне речки.

Солдаты увидели, что их собаки волнуются и тоже насторожились.

Добежав до речки, Шарик остановился, повел носом во все стороны и пустился вправо вдоль берега. Он помнил, где была опасность. Отбежав около километра, он остановился, подошел к воде, понюхал ее, обнюхал Хана, лизнул его, точно прощаясь, и плюхнулся в речку.

Хан остался стоять на берегу, внимательно наблюдая за своим товарищем.

Сквозь тучи выглянула луна и солдаты наверху холма увидели, как через луг в их направлении бежит собака. Но у них была инструкция по возможности взять ее живьем. Сейчас же по линии было дано знать о приближении собаки.

Свежий ветер мешал Шарiku почуять опасность и он понял ее, только когда увидел, что с двух сторон на него мчатся две большие собаки. За ними он увидел бегущих людей.

Шарик присел и как-то по-волчьи щелкнул зубами — может быть, и волчья кровь текла в его жилах. Потом он взвесил, добегут ли собаки одновременно. Он увидел, что левая придет первой и по-своему, по-собачьи, решил, что у него будет несколько мгновений для единоборства и что поэтому его дело не так уже плохо, хотя он успел каким-то верхним зрением рассмотреть и людей и увидел в их руках предметы, которых он не любил даже в руках своих хозяев.

Он приготовился к нападению слева. Не успела собака наскочить на него, как он впился в ее горло, рванул и собака, судорожно задержав задними ногами, бездыханно грохнулась на землю.

Шарик слышал, что в это время другой пес уже бросается на него. У него не было время оборониться от первого удара. Острые зубы полицейской собаки впились в шею Шарика.

Собаки яростно сцепились, перевернулись сперва в воздухе, а потом на земле. Уже подбегали другие собаки и люди. Шарик сделал отчаянное усилие, рванулся, вырвался от собаки и прыгнул в лес. В тот же момент он услышал гул выстрелов и почувствовал, как его кто-то больно хлестнул кнутом по задней ноге. Так больно, что даже неудобно было бежать, а бежать было необходимо, потому что собаки с двух сторон мчались за ним. Шарик присел, лизнул ногу, ощутив вкус крови, своей крови, который он так хорошо знал и, стараясь не опираться на раненую ногу, бросился дальше.

Полицейские собаки не могли догнать лесную собаку даже с раненой ногой, и через какие-нибудь четверть часа Шарик уже опять переплывал новую речку по направлению к Отрадному.

На место боя собак сбежались солдаты, стали рассматривать загрызенного Шариком пса и один из них заметил на еловых иглах темный кожаный мешочек: полицейский пес перегрыз шнурки драгоценной сумки.

— А вот и военная добыча, товарищи, — говорил один из солдат, смеясь и вытаскивая из сумки брильянт. — Недаром мы здесь столько ночей провели. Эх, жаль только, что собаку упустили. Ну и пес, смотрите, что с моим Марсом сделал. Контрреволюционное отродье...

Хан внимательно слушал, как убегал от него Шарик. Сперва спокойно следил за удалявшейся темной точкой, потом вдруг насторожил уши, заволновался, стал беспокойно бегать вдоль берега и подвывать. Он было хотел броситься в речку, но потом точно раздумал, повернулся и стремглав бросился назад к своим хозяевам. Он примчался к ним совершенно взволнованный, жалобно воя и поджимая хвост. Все время оборачивался в сторону холмов, расположенных по ту сторону долины, точно что-то показывал генералу и Василию. Но они и без предупреждения Хана почуяли не-

доброе. Они слышали собачий лай. Сперва приняли его за лай своих собак, но потом до них донеслись выстрелы.

— Нехорошо, Василий, это ведь по Шарiku, — сказал генерал.

— Чего уж хорошего. Тут охотников не водится, а особливо ночью. Идем вниз, пока темно, да и осока высокая. Посмотрим, что там.

Они спустились к речке. Хана держали на привязи. А с другой стороны вслед за собаками, которые шли по следу Шарика к речке, подходило человек десять солдат.

— Речка широкая и холодно, они не полезут сюда. А ну, Василий, заляжем-ка вон за той корягой, может быть, что и услышим, — тихо сказал генерал. — Хан, молчание, — отдал он приказ собаке, потрепав ее по голове.

Они недвижимо лежали за корягой, когда солдаты подошли к самому берегу. Полицейские собаки, вероятно, почувяли людей и чужую собаку и яростно лаяли.

Луна то заходила за тучи, то показывалась из-за них, и лесные люди хорошо видели силуэты людей в длинных шинелях на том берегу речки. И вспомнил старший из них, как давно-давно, точно в другой жизни, он, молодой командир батальона, как-то ночью вот так же лежал у речки в секрете и внимательно рассматривал людей в острокопанных касках, двигавшихся на противоположном берегу.

Только тогда его враги говорили на чужом языке, а теперь он слышал за речкой родную речь. Тогда он ощущал себя маленькой единицей великой армии и у него за спиной был спокойный тыл.

А теперь вот он, да Василий, да Хан, да где-то еще за холмами и лесами такие же, как он, лесные люди. А потом миллионы и миллионы русских людей, среди них тоже много своих, но нам не разгадать, где друг и где враг.

Генерал отмахнулся от праздных мыслей и стал прислушиваться.

— Вишь как лают, верно, кого чуют, — расслышал он.

— Перейдем, что ли, на тот берег? — ответил другой голос.

— Глубоко, надо вплавь, да и холодно.

— Пусты собаку одну.

— А чего она там найдет? Загрызут как твою, жаль.

— Не стоит соваться. Трофей-то у меня в кармане. Вот он здесь, — хлопнул он себя по плотной шинели.

Генерал с Василием переглянулись.

— Возьмем, что ли, сразу? — прошептал Василий.

Генерал не сразу ответил. Он внимательно рассматривал группу и как будто что-то соображал. Потом заметил, что к солдатам по лугу подходят еще несколько человек.

— Нет, Василий, на рожон нечего лезть, надо уходить.

Полуползком, под прикрытием высокой осоки, они стали уходить, передвигаясь, только когда луна скрывалась за тучи. Они двигались вверх вдоль берега и, только отойдя километра два, стали подниматься на холм, и потом уже повернувшись к себе на наблюдательный пункт.

Оттуда они еще долго видели вдаль внизу группу людей, которые разошлись, когда уже встало солнце.

— А Шарика-то они, кажись, не поймали, — сказал Василий. — Вот собака так собака.

— Шарик-то, по-видимому, ушел, но только камешек-то твой в их руки попался. Эх, жаль. И как они его сорвали? — сказал генерал, с досадой ломая сучок. — Ну, ладно, он еще из лесов не уехал. Здесь они не полные хозяева.

Вернувшись домой, генерал сейчас же отправил собаку на следующий пункт с требованием немедленно прислать трех людей в его распоряжение. Не в привычках лесных людей было давать разъяснения даже своим.

Степа долго ждал Шарика в ложбинке. Рыба уже давно склевала всех червей с его удочек. Когда Шарик появился из-за дерева, хромая и жалобно подвывая, Степа сразу понял, что что-то случилось.

Он внимательно осмотрел собаку, точно надеясь где-то на ней найти драгоценную сумочку. Увидев следы укуса и ранение в ногу, он прошептал:

— Выследили, мерзавцы. Кто-то предал. Ну, как ты-то, Шарик, от них ушел? — спрашивал он собаку с таким видом, что сейчас последует ответ. — Молодец, что ушел. Ну, беги домой, нельзя показывать виду. Ах, Шарик, Шарик, как же это вышло, что же теперь будет?

Разговор Носова с Таней, которая утром спустилась в Ракитино, был короче обыкновенного. Она обходила многие домики, у каждого останавливалась и болтала, а у Носова почти не остановилась.

— Несчастье, Татьяна Николаевна, Шарик вернулся подстреленный и без сумки. Пока не поздно, надо сразу же всем уходить. Сегодня же вечером. Подумать только, как выследили? Значит, много глаз следит. К вечеру все соберу для похода. Приходите часам к восьми, все шестеро и двинемся. Завтра будет поздно, — говорил ей Носов.

— А камень-то?

— Камень пропал.

— Так нельзя, дорогой друг, подумайте только, какая ценность.

— Что же делать? Ведь мы даже не можем туда дать знать. Собака-то на трех ногах не пойдет. Нам одним ничего тут не сделать. А завтра всех захватят и сумеют развязать языки. Из-за камня все дело может провалиться. Будьте здесь в восемь и сразу двинемся. Жаль только, что к генералу нельзя идти, ведь там где-то, видимо, кордон.

— Как же их бросить-то? Нет, так нельзя, надо туда дать знать, — возразила Таня. — Вы уходите и как-нибудь до них кругом добирайтесь. А я не уйду. Надо обязательно понять, что случилось. Где камень? А может быть, он еще наш будет.

— Нет, Татьяна Николаевна, из их рук нам его не вырвать. Будем медлить — пропадем все. А меня послушаете — через месяц по лесам выберетесь.

— Нет, Носов, я не уйду, не могу так бросить.

— Да что же бросать-то? Просыпались и кончено. Ведь вас же возьмут.

— Ну, меня-то не так легко взять. Я ведь не здешняя и в Париже у меня заручка. Да они меня и не подозревают.

Что я им, переводчица и больше ничего. Нет, дорогой друг, я и назад в удобном вагоне поеду, а не через леса.

— Как же мы вас оставим? Невозможно. Уходим все вместе.

— Нет, вы уходите сегодня же ночью, а я останусь, — мягко, но решительно ответила она, дотронувшись до его рукава. — Вы все еще будете нужны, очень нужны, а я посмотрю, что еще можно сделать и потом как-нибудь выкручусь — не впервые.

Носов пристально посмотрел на Таню. Вспомнил, что ему рассказывали об ее предыдущих делах и залюбовался ею.

«Пропадет, рано или поздно пропадет, не здесь, — так в другом месте», — пронеслось у него в голове, но он не имел власти ею распоряжаться. Она в организации стояла выше его.

— До свидания, дорогой друг. Привет друзьям. Значит к утру вас не будет в Ракитино, — сказала Таня и, не пожав ему руки, быстро пошла к следующему домику. Вокруг на речке были люди и Носов не смел даже проводить ее взглядом. Тяжело было у него на сердце.

IX

ЕЩЕ НЕ ВСЕ ПОТЕРЯНО

Таня была достаточно опытна, чтобы сразу понять всю опасность положения. Организацию, которая действовала в Отрадном больше двух лет, выследили. Тайну брильянта обнаружили. Камень захватили. Знают ли об ее причастности к этому делу? Знают ли, кто она такая?

Она вспомнила намеки Воронова за последние дни и ее потянуло послушаться совета Носова и сегодня же вечером бросить все и уйти с ним в лес. Там было все так хорошо налажено, что через несколько недель она выберется и снова сможет приняться за работу.

А здесь она в их лапах. Все может обнаружиться, и тогда, несмотря на самые высокие иностранные связи, ей не выскочить. Но если она сегодня же уйдет, вся ее поездка окажется бессмысленной, а главное, тогда камень пропадет уже наверное. А там ждут, надеются. Деньги так нужны. Так все хорошо и выгодно складывалось. И потом... Паркер. Как же она бросит его? Ей вдруг, неожиданно для себя, стало скучно от мысли, что с ним пришлось бы расстаться.

Неужели, неужели все провалилось и ей не достать от них камня? Нет, нет, она обязана до конца испробовать все возможности. Еще далеко не все кончено. Она еще свободна и, по-видимому, ей ничего не угрожает. Кроме этих намеков Воронова, она ничего не заметила. Решительно ничего. К ней никто не переменял отношения. Да и у Воронова, вероятно, ничего конкретного нет. Просто он за все время совместного житья что-то почувствовал, ну и по дружбе, — она как-то верила в его дружбу, хотя хорошо знала, что он приставлен следить за ними, — советует ей скорее уезжать.

Нет, друзья должны сегодня же уйти, а она останется. Посмотрит. Еще будет время уйти.

Она оглянулась вокруг и полной грудью вдохнула лесной пахучий воздух.

За последние годы несколько раз непосредственная опасность нависала над ней. Угроза смерти витала где-то совсем близко. Уже слышны были взмахи ее больших всеоблакивающих крыльев. Тане всегда было легче переносить эти моменты, длившиеся порой часами, вне города, в природе, и в особенности в родном лесу. Ей всегда казалось, что между деревьями она как-то ускользнет, спрячется. В крайнем случае, ее догонит пуля. Но это так быстро, почти незаметно. Но ее не поймают, не запрут — негде запереть.

А в городе было страшно, каждый дом казался для нее тюрьмой, гробом, куда ее могут запереть и откуда уже никак не выбраться.

Жуть пробежала по спине, когда она вспомнила, как несколько месяцев тому назад, ночью, она уходила от сыщиков по длинным, бесконечно длинным и пустым улицам большого города. Она была одна, осталась одна, чтобы не выдать компаньонов. Она знала, что сыщики идут по пятам. Арест казался неминуемым, а арест в городе для нее был концом. Сразу за четыре каменных стены и стать бездушным объектом в руках этих людей, которых так ненавидишь. Из-за каменных стен уже никогда не выйдешь. Если и не убьют сразу, то перестанешь быть человеком. Не доживешь до тех пор, когда настанет общая перемена.

Сыщики играли с ней, как кошка с мышью. Она бродила по городу больше часа и никак не могла от них ускользнуть.

На одной из улиц навстречу проехал грузный и большой «черный ворон» — тюремный автомобиль. И она уже представляла себя в нем. Но он ее спас. Его огни пробудили в ней мысль. Она с нетерпением стала ждать следующего автомобиля. Даже нарочно вышла на середину улицы. Машина загудела и обдала ее снопом света. Автомобиль ослепил ее, а за ней, в каких-нибудь ста метрах, и сыщиков. Было достаточно времени, чтобы шмыгнуть в боковую улицу и тут же, за углом, плотно-плотно прижаться к впади-

не в стене и пропустить их вперед.

То было в городе, ее любимом городе, где она выросла и который раньше для нее был таким безопасным, нарядным и веселым, а теперь, как и все города России, стал страшным и чужим, захваченный злыми духами, воплотившимися в человеческие образы. Теперь она бродила по родному городу как лесной зверь, пробирающийся по населенному месту, чувствуя, что охотники караулят его за каждым углом.

Вне города она тоже пробиралась осторожно и с опаской. Но тут было привольнее. Почти на каждом шагу есть укромный уголок, куда можно спрятаться, где можно укрыться. А главное, нет этого ужасного ощущения непроходимости этих страшных каменных стен, из которых нет спасения. Просто запертая комната, в обыкновенном деревенском доме — это не так еще страшно, это не так безнадежно.

Она по опыту знала, что не так легко укараулить арестанта в обыкновенном деревенском доме. Два раза она уходила из-под замка. Один раз, ночью, когда кругом все уже спали, караульный, огромный детина, открыл дверь в комнату, где она была заперта. Он хотел посмотреть, что она делает. Но де успел он опомниться, как его глаза стал ужасно сильно щипать какой-то порошок.

Пока он их тер, арестованная уже была на улице и быстро скользнула вдоль забора к камышам около речки,

В другой раз она спустилась на одеяле из окна второго этажа. Самое трудное было бесшумно разбить стекло.

Здесь, в Отрадном, где она жила уже почти два месяца, ни один дом ей не был страшен. Ну куда они ее могут посадить? В дом Хилидзе или в арестантскую рядом с казармой. Правда, там решетки на окнах, но против решеток есть простое средство. А потом повезут сто верст на лошадах до железной дороги. Сколько возможностей бежать.

Но главное-то, это все ее фантазия. Ну хорошо, Шарика проследили. Им нужно уходить. Но не могли же они заметить ее связи с ними. Она все время была так осторожна. Почти никогда не оставалась ни с кем из своих нае-

дине. Казалось, не могло возникнуть никаких подозрений.

Тане было так досадно, что дело провалилось, так не хотелось в этом признаваться, с этим мириться, что она просто отмахивала мысли о том, что она ничего не может сделать. Не хотела думать об этом. Рассудком она понимала, что ничего больше сделать нельзя, но упрямо не хотела окончательно отказываться, хотя и знала, чем она рискует.

Она медленно поднималась по холму, задумчиво подбирая ветки и отбрасывая их в сторону. Время от времени она посвистывала и ее мысли были где-то очень далеко.

Время уже шло к вечеру, и холодные тени легли на поляны и кусты.

— А я вас давно ищу, где вы были, Таня? — окликнул ее Паркер, появившись из-за поворота тропинки. Как всегда последнее время, при встрече с нею радостная улыбка озарила его спокойное лицо.

— Но что с вами, что случилось? — продолжал он уже с тревогой в голосе. — В чем дело?

— А что? Ничего не случилось. Почему вы спрашиваете?

— Неправда, я вижу. Я знаю, что что-то произошло. Я никогда не видел у вас такого лица.

— Нехорошо, Паркер, вы меня испортили. Смотрите, как я распустилась. Больше этого не будет. Так нельзя, — ответила она, грустно улыбаясь и прямо смотря в его глаза. — Больше не буду, — и она положила свою руку на рукав его толстой, рыжей в крапинку куртки.

— Но в чем же дело? Что же произошло? Таня, мне надо поговорить с вами.

— О чем, Паркер? Опять о том, Таня ли я Дикова? — задумчиво спросила она и он понял, что ее мысли где-то очень далеко.

— Нет, не о том, а о более важном для меня, а может быть, и для вас, Таня.

— Что, Паркер? — она была все еще где-то далеко, но уже поняла, о чем он хочет говорить с ней.

— Таня, хотите быть моей женой? Милая, я вас так люблю.

Он взял ее за обе руки и пристально посмотрел ей в глаза. В них он прочел ответ. Он весь окунулся в их радость и счастливый блеск. Они сверкали синим золотом и теперь он знал, что это его золото.

— Паркер, не надо... Сейчас не надо... Я не принадлежу себе.

— Вы замужем? Вы помолвлены? Я ведь ничего не знаю о вас. Решительно ничего. Даже до сих пор не уверен в вашем имени, хотя и обещал верить вам.

— Нет, я не замужем и сейчас не помолвлена, но...

— Что но? Я же вижу в ваших глазах ответ. Что же вас связывает?

— Паркер, я связана гораздо сильнее, чем замужеством или помолвкой. Милый, не нужно сейчас об этом говорить — нельзя. У меня есть обязанности, долг, который я должна исполнить до конца, как исполняли и исполняют мои друзья. Нельзя, не надо ни о чем говорить, мой дорогой... Пойдемте, сейчас нельзя. А потом... Если будет когда-нибудь потом...

Она говорила с большим сдержанным волнением, стоя рядом с ним на узкой лесной тропинке. Молодые весенние листья их закрывали со всех сторон. Она держала Паркера за руки выше кистей. Ее мизинец соскользнул с материи и коснулся его кожи. Ток пробежал в каждом из них. Он видел, как две жилки забились с обеих сторон ее уже захваченной весенним загаром шеи. Под тонкой голубой кофточкой, которая виднелась из-под расстегнутой синей кожаной куртки, он ощущал дыхание ее груди. Всем своим существом он знал, что она так же тянется к нему, как он к ней.

Их лица были так близко друг от друга, так, что почти не надо было делать движения, чтобы коснуться ее приоткрытых губ. Они обожгли его и он, высвободив свои руки, привлек ее к себе. Он ощутил ее ответ, ответ всего ее существа. Ему казалось, что больше нет времени и никогда бы не сказал, что не прошло и минуты, как она, быстро выскользнув, отошла в сторону, пригибая березовые ветки, поправила рукой прядь волос, одернула куртку и стала ее

застегивать на все пуговицы.

— Не надо, милый, я же сказала, что нельзя.

Он видел, что в ней происходит борьба, что она приносит эти слова не только для него, но и для самой себя. Он подошел к ней, но она повернулась и быстро пошла по тропинке.

— Таня, я настаиваю. Почему не надо? Вы же свободны, вы же... — Он никак не мог произнести — «вы меня любите». Замялся и сказал:

— Я же вам нужен.

— Я же вам ответила, милый, разве надо еще спрашивать? Только об этом сейчас больше не нужно разговаривать. Сейчас нельзя друг друга связывать. Меня нельзя связывать. Я...

— Что вы?

— Но вы же сами догадались. Что-то подозреваете. Не спрашивайте меня, я не могу вам всего рассказывать.

— Значит, вы мне сказали неправду о вашем имени.

— Нет, Паркер, я ответила правду на ваш вопрос в вагоне. Я Таня Дикова, и в Париже была Таня Дикова, моя родная кузина и моя тезка. Она осталась, а я уехала. Вот вам и вся правда. Видите, я не солгала вам, но ваш вопрос был не полный.

— Но неужели кузины могут быть так похожи друг на друга? — вырвалось у Паркера.

— Как видите, но, Эрик, — она впервые назвала его по имени, — об этом никто не должен знать, что бы ни произошло.

— Но где же вас подменили? В Париже, в поезде?

— Зачем вам это знать?

— Значит, у вас какая-нибудь цель?

— Значит, цель, Паркер. Пойдемте в Отрадное. А вы знаете, что значит по-русски Отрадное? Как бы оно не стало несчастным...

— Таня, вы мне должны сказать больше. Я должен знать. Таня, ведь вы же моя.

— Но, Эрик, вы же даже не знаете, кто я. Может быть, я преступница, воровка, грабительница, убийца, — бросила

она с задором. — Нет, я никого не убивала, хотя я и меткий стрелок! Вот Воронов это знает.

Мистер Эрик Паркер, подумайте, кому вы делаете предложение. Вы навсегда испортите свою карьеру. Нет, впрочем, не навсегда, а только до... До тех пор, пока они правят моей родиной. Сейчас я, Паркер, только лесной зверь, за которым гонятся охотники, много охотников, со всех сторон. Но настанет время, когда меня, или моих преемниц и преемников — я не знаю, сколько их ляжет — будут интервьюировать и записывать наши рассказы. Будут удивляться, как мы работали.

Сейчас весь мир узнает в тот же день все подробности о самых ничтожных и самых отвратительных преступниках и преступницах. А скажите, вы, например, когда-нибудь раньше слышали о таких, как я? Я бы с вами не разговаривала об этом, если бы не знала, как вы ко мне относитесь. Скажите, сейчас же скажите, вы слышали раньше о нас? — ее голос стал резкий до сухости, щеки покраснелись и было видно, что ее волновал этот разговор.

— О ком милая, о русских эмигрантах, об антибольшевиках? — тихо спросил Паркер и по его тону чувствовалось, как ему хотелось смягчить разговор.

— Эмигранты есть разные, а вот о таких, как я, людях, которые, как звери ночью по лесу, пробираются в свое отечество и работают там над свержением ужасного ига, под которое попал наш народ. Сколько поколений моих предков служило России, сколько их пало на полях битвы. Но счастливы были они, что умирали в рядах великой армии, окруженные ореолом героизма и одобрением всей страны. А вот мы здесь в одиночку, по-звериному...

— Но что же вы делаете? Ведь это бесполезно и безнадежно, — осторожно возразил Паркер. — Бесполезно, потому что существующая в России власть постепенно приводит все в порядок и улучшает положение, а вы ей только мешаете. Безнадежно потому, что это самая сильная власть в мире.

Таня остановилась, удержала Паркера за рукав и, смотря на него в упор глазами, в которых не осталось ни час-

тички синего золота, стала быстро и отрывисто говорить:

— Эрик, вы ученый, вы не позволите себе в области науки говорить то, что не знаете. Почему же вы с такой легкостью говорите то, что вы не знаете о моей стране? В ней все явное ложно, а все правдивое спрятано, подавлено и молчит. Моя страна в руках дьявольских, но рано или поздно цепи будут разбиты. Вам смешно это слово — дьявольский — вам кажется, что это преувеличение. Но вот вы сами, умный и наблюдательный человек, являетесь доказательством того, насколько здесь вся организация власти дьявольская. Они создали такой фасад, за которым для многих, для очень многих, закрывается вид настоящей жизни. Они создали такие формы рабства, которые только немногие иностранцы могут заметить. Мы-то знаем, что им нужно не благо народа, а использование этого народа для своих целей, которые ничего общего не имеют с благом.

Знаете ли вы, например, что вот там, на севере, за теми горами, сотни тысяч людей томятся на принудительных лесных работах и только за то, что они были хорошими хозяевами у себя дома? Современные властители России убивают в народе человеческий дух, превращают его в скот, которым они беззастенчиво пользуются в своих интересах. Они уничтожают, понимаете ли вы, физически уничтожают все, что им непокорно и заставляют непосильно работать. Посмотрите, что получают старатели, не больше, чем трансваальские негры. Только там неграм не надо часами ждать в очереди у складов, чтобы получить затхлую муку или подмоченный сахар.

Они убили сотни тысяч людей, может быть, миллионы людей, и так терроризировали народ, что больше никого не боятся, кроме нас. Перед нами они дрожат, потому что знают, что мы угрожаем их личной безопасности. А эти проповедники мировой революции больше всего дрожат за свою шкуру, выше всего ценят ее...

Поймите же, наконец, что они ежедневно убивают в тюрьмах десятки людей и морят медленной смертью в лагерях сотни тысяч. Нигде нет, и думаю, никогда не существовала в таком масштабе людская мясорубка, какую уст-

роили эти страшные люди, заявляющие, что через потоки людской крови они поведут человечество к благосостоянию.

Вы вот тут живете и видели это благосостояние почти через двадцать лет после установления их власти. Вспомните, как меня благодарят за каждую спичечную коробку или иголку.

Вы меня просите ответить на ваш личный вопрос. Милый, а может быть, и для меня это вопрос такой же важный, как для вас, — она взглянула на него и он поднял голову, взгляды их встретились и он опять понял, что она принадлежит ему. Он хотел взять ее за руку, но она не позволила и быстро пошла вперед.

— Я ведь вам ответила, — продолжала она. — Я солдат, в окопах у которого враги спереди, сзади, со всех сторон. Для одних я грабитель и убийца, хотя повторяю, я лично никого не убивала, а для других я герой. Да, Паркер, я знаю, что герой, и смотрю на это просто. Я хочу заразить моим героизмом моих соотечественников. Я знаю, что многие из них, даже те, которые раньше способствовали этой дьявольской власти и совершили много преступлений перед родиной, пойдут за мной.

Паркер, я вам сказала больше, чем имела право. Потому что...

— Потому, что?

— Вы знаете, почему, но вы все должны забыть. Вы ничего не слыхали от меня. Вы не отвечаете за свою переводчицу и совершенно ничего не знаете о ней. Сегодня я есть, а завтра меня, может быть, не станет, как не стало многих из моих друзей. Но приходили и придут новые. И мы победим, Паркер, и когда раскроем всю дьявольскую махинацию, тогда вы все ахнете и будете упрекать нас, почему мы раньше вам этого не объяснили.

Милый мой, вы понимаете теперь, почему мне не только радостно, но и горько было слушать ваши слова. Я бы их хотела услышать позже. Когда все будет сделано, все кончится, все переменится. А сейчас забудьте все.

Паркер опять удержал ее за руку.

— Таня, я ничего не хочу забывать. Я не хочу, чтобы вы были травимым зверем. Это не дело женщин. Что же, у вас нет мужчин, если посылают женщин?

— Нет, дорогой мой, мужчин у нас больше, чем средств для их отправки. Но и женщины нужны. В некоторых случаях они совершенно незаменимы, а главное, они поддерживают дух. Женщина создает легенду, а к легенде тянутся все новые и новые люди. Нет мужчин, говорите вы. Вот я сейчас здесь одна, а их сколько. Но, увы, сейчас все оборвалось...

Но нет, не спрашивайте, не надо. Только, если меня арестуют, сейчас же пошлите по этому адресу в Лондон открытку, что вы плохо себя чувствуете и предполагаете, что у вас малярия, — и больше ничего. Вы не должны быть замешаны ни во что. Слышите, Паркер, я буду сама выкручиваться. Найдутся другие помощники.

Она передала ему бумажку с адресом.

— Но скажите же мне, наконец, зачем вы сюда приехали?

— Какой вы смешной, ну, какое же я имею право это сказать?

— А та Дикова в Париже знает, зачем?

— Та знает, что я работаю и все. Но главное, помните, что та и есть я. Это мне может очень помочь в случае каких-либо неприятностей. Никто не должен знать, что нас двое, Я — Татьяна Николаевна Дикова, дочь капитана Дикова, погибла вместе с моими родителями еще в самом начале революции. Только очень немногие знают, что тогда меня случайно спасли. Если вы хотите мне помочь, то будьте осторожны, не сбейтесь. Что бы ни случилось — я секретарша Бернье, директора Компании редких металлов.

Там, в Европе, у меня есть другое имя. Много разных имен. Пока я не возвращусь, моя кузина — бедная, как она беспокоилась, когда я уезжала — не появится у Бернье.

Паркер внимательно посмотрел на Таню. «Я никому не отдам ее», — подумал он и так сжал свои зубы, что они хрустнули.

— Уедем сегодня, — предложил он.

— Нет, я не могу уехать, не исполнив моего поручения.
— А сколько раз вы уже исполняли поручения?
— Много, не помню и видите, жива и сюда даже в мягком вагоне приехала, — ответила она, смеясь.
— А как вы начали?
— Увидела, как работают другие. Я долго работала по ту сторону границы, а когда погиб мой жених, пошла сюда.
— Давно?
— Уже несколько лет.
— А как он погиб?
— Он хотел устроить взрыв в центре. Снаряд не взорвался. Тогда он вскочил в полицейский автомобиль и заставил шофера гнать через весь город. Он сидел рядом с шофером и держал револьвер так, что его не было видно. Они благополучно выскочили из города. Но всюду дано было знать по телефону. Закрыли все шлагбаумы. Он выскочил из автомобиля и стал уходить в лес. В конце концов, его окружили, но два часа не смели подойти близко. А потом у него вышли все патроны. Его взяли, в горячке он не успел оставить последнего для себя.
— Откуда же вы знаете эти подробности? — удивленно спросил Паркер.

— Мы многое знаем, очень многое. У нас свои люди или наши благожелатели в таких местах, где никто не подозревает.

Мой первый поход был не страшный. Не страшно было идти и второй раз. А на третий раз меня на границе арестовали. Арест для нас — это смертный приговор. Счастливы те, кто гибнет в перестрелке. Когда я почувствовала всю свою беспомощность в кабинете страшного начальника пограничного пункта, — ужас напал на меня. Я видела, что я превратилась в вещь, которую скоро уничтожат. Я решила, как можно скорее, покончить с собой. Но знаете, — продолжала она, как-то виновато улыбаясь, — это не так просто. И в первую же ночь мне посчастливилось удрать из сторожки, куда меня посадили. Через некоторое время я пошла опять. Но, по правде сказать, было очень жутко. А потом втянулась. Мы, женщины, исполняем всегда пору-

чения подсобного характера. Впрочем, не спрашивайте, что мы делаем.

Наша главная задача создать панику среди правителей, заставить их дрожать за их драгоценную шкуру.

Спасибо вам за все, Паркер. Забудьте то, что вы мне сказали и что я вам говорила. Спасибо, милый. Но я сейчас не женщина, а солдат. А потом, позже, если когда-нибудь доживем до этого «потом»... — она оборвала и только посмотрела на него своим лучистым взглядом.

— Дорогой друг, — продолжала она, — наступает трудное, очень трудное время для меня. Ваша помощь в исполнении моих поручений, — письмо и подтверждение, что я секретарша Бернье. А так, подальше от меня — это тоже может мне помочь.

Кругом уже темнело. Они перевалили холм и спускались к Отрадному. Она шла так быстро, что Паркер как-то не мог приспособить разговор к такому шагу. Уже почти у самых строений он взглянул на нее сбоку и увидел, как переменилось ее лицо. Обычная мягкость и готовые к улыбке черты исчезли. Оно стало сосредоточенным и как-то заострилось. Глаза смотрели в даль.

— Подождите же, Таня, послушайте меня, мы не dokonчили.

— Dokonчили, Паркер, пока совсем dokonчили. Идем скорее, поздно.

— Нет, нет, слушайте, — задержал он ее за рукав. — Я ничего не хочу забывать и ни от чего не отказываюсь. Я не допущу вас до безумных поступков. Я не позволю. Что вы хотите сделать? Нет, нет, не надо...

Он до конца не знал, что не надо. Но всем своим существом хотел он удержать ее от какой-то стремительности, замедлить ее шаг и исполнение каких-то для него таинственных решений.

— Паркер, я сказала и теперь довольно об этом. Правда, какой хороший вечер. Сегодня надо устроить чай на воздухе, — сказала она, улыбаясь.

Они подходили к дому, где жил Хилидзе, главному дому в Отрадном. К перилам крыльца были привязаны три

верховые лошади. Крепко подвязанные узлом хвосты придавали им поджарый вид. Их ноги до самого крупа были забрызганы грязью. Видимо, всадники торопились, не обращали внимания на дорогу и не задерживали хода на лужах. Все три лошади были в мыле и еще тяжело дышали.

Верховые часто приезжали в Отрадное с соседней станции. Обычно они привозили почту.

Но почему на этот раз три коня? И кто этот незнакомый молодой человек в какой-то полувоенной форме, который стоит на крыльце?

— Славные лошади, — беззаботным тоном заметила Таня, проходя, и потрепала одну из них по шее. — Вот бы прокатиться.

— Ускачем, Паркер, — полусерьезно сказала она по-английски. — Нет, нельзя. Они так загнаны. Кому-то надо было торопиться.

Они пошли к домику, который стоял невдалеке.

Торопиться действительно надо было. Только к вечеру доставили в Отрадное брильянт, потерянный Шариком накануне ночью в лесу. Пока передавали камень по линии, пока делали объезд, чтобы не вызвать подозрений, прошло много времени.

— Вот, полюбуйте товарищ, зачем вы ее из Парижа привезли, — говорил Хилидзе Воронову, подбрасывая перед ним на ладони камень. — Ничего себе вещица, вероятно, стоящая. Знали, кого и послать за нею. Где только они его достали, и кто же они такие? Ну ладно, все разберем. Все они, товарищи, будут наши, а пока, чтобы и виду не было. Пусть ходят еще. Там кордон остался. Может быть, еще что выловим. Здесь-то они все наши, а может быть, и тех поймает. А нас с вами, товарищ, не оставят. Здорово все это выходит.

— Чтобы ничего не заподозрили, сегодня вечером я их зову на чай, — продолжал он. — Недолго ей осталось рас-

пивать. Пусть попьет. Потом-то похлебка наскучит. Впрочем, пожалуй, и хлебать-то не очень долго дадут. Только, товарищ, нам ошибиться ни в чем нельзя. Каждый шаг надо рассчитывать и глаз верный иметь. Камень я у себя оставляю. Приехавшие товарищи тоже пусть лучше останутся. На всякий случай лишние люди. А приехали они меня проведать. Старые приятели. Раньше вместе служили.

Товарищ Воронов, вы уж теперь с нее глаз не спускайте, мало ли что.

После того, как была получена из центра бумага о Тане, Воронов почти не оставался с ней наедине. Так казалось все просто и ясно. Ему посчастливится участвовать в раскрытии какого-то важного заговора и в задержании важной преступницы. Никаких затруднений нет, а впереди повышения, спокойный отдых за границей, которую он теперь так любит.

Все это он сразу оценил и взвесил. Сколько раз ему приходилось участвовать в слежке и поимке «вредных элементов». Иногда, казалось, накладывал руку на людей совершенно невинных. А сейчас такой явный враг той власти, которой он всегда так верно служил. Какие же могут быть сомнения?

Но Таня все время стояла перед ним. Он никак не мог представить себе ее захваченной, и потом... Он хорошо знал, что будет потом. Через несколько недель это цветущее, улыбающееся неотразимой улыбкой лицо превратится в живые мощи. Молодая девушка станет старухой. Исчезнут из глаз эти искры жизни. В них появится безразличие и покорность.

А потом в одну ночь...

Он не хотел, отмахивал от себя свои мысли. Всю жизнь служил и не рассуждал, и за это всегда получал похвалы. В чем же дело сейчас... Служба, ничего не сделать. Пройдет эта, будет другая. В чем же задержка? Надо делать свое дело и все тут.

Но опять перед ним появился образ Тани.

— И откуда такие берутся? Что ей надо? Одна в пасти зверя. Ах, молодец, какая бесстрашная. Как она тогда волка хлопнула. Почему у нас таких нету?

— Что надо? — громко ответил Воронов сам себе. — Мы все перед этой сволочью на брюхе ползаем. Не смеем слова сказать, хоть все и знаем, все видим. А вот она бесстрашная — за правду-то на смерть идет. Для кого делает это, для кого старается? Там бы небось в шелках ходила. Перед ней бы все кланялись да любовались бы ею. Золото ведь девица.

А вот теперь звереныш и уж поймали его охотники. А охотники-то кто? Знаем мы их всех насквозь. Все их дела известны. Народу-то сколько переморили. А кто они, откуда взялись? Все вместе ее не стоят. Такую бы посадить командовать, народу-то сразу стало бы лучше, заботливая какая. А от этих-то смотри, будет лучше? — он поднял голову, задержал свой шаг, почти остановился.

— У-у, — погрозил он мысленно кому-то и сжал кулаки.

И опять на фоне его памяти пронеслись молодые, жизнерадостные, приветливые девичьи лица там, далеко, на тихом берегу Финского залива, на песке около сосен. Худого слова от них никогда не слышал. Все, казалось, было в их распоряжении. И до чего все скромно. Кому только помешали? Небось, сразу не смели и признаться, что с ними сделали.

— А ты сам-то тогда что делал, что говорил? — ответил ему другой внутренний голос. — Своими-то руками сколько невинных душ загубил.

— Загубил, загубил, Ну, да загубил, — громко ответил он сам себе. — Потому что без понятия был. Что с нами-то сделали. Ведь думали, что за правду стоим, ее врагов уничтожаем. Затуманили нам головы обещаниями-то. Реки молочные, берега кисельные обещали. А вышло-то — реки с протухшей водой, а берега с протухшей селедкой. Ну, с голoduхи-то и это кажется прелестью.

— А как не по ним, так и голову долой...

— А ты свое дело не будешь делать, так и с тебя голова-то слетит, — опять ответил ему другой голос. — Взятся, так служи, а то и самому несдобровать. Куда хочешь сунуться? Потом конец, не выскочишь, небось, их хорошо знаешь...

Он тряхнул головой, точно стряхивая навязчивые мысли и подумал — только бы поскорее развязаться. Отпуск дадут. Там посмотрим. Мир-то велик.

— Татьяна Николаевна, а Татьяна Николаевна, — окликнул Воронов, входя в дом.

Таня сидела в столовой и читала или смотрела в книгу. Еще в коридоре Воронов заметил, что служанка уже ушла домой.

— Что, Воронов? — спросила Таня, поднимая глаза и пристально, но мягко смотря на него. Воронов вдруг весь ушел в этот взгляд. Он его почувствовал во всем своем теле. Танин лучистый взгляд всегда был для него подарком. Он уже давно понял, что она для него недоступна, как он говорил, из другого теста. И кроме взгляда, большего не ждал и не требовал.

У него вдруг точно закружилась голова. Этого с ним никогда не бывало. Вдруг он представил себе, какой она будет после двухмесячного заключения. А потом дуло револьвера у затылка...

Он даже сделал движение, чтобы схватиться за косяк двери. Все это длилось одно мгновение.

— Плохо, Татьяна Николаевна, — как-то прохрипел он слово, которое не думал произносить. Он должен был только передать ей приглашение Хилидзе на вечерний чай.

— Что плохо, Воронов?

— Эх, плохо, очень плохо...

— Да что?

— Ваше дело плохо, очень плохо. Не уйти вам. Эх, барышня, барышня, что вы наделали.

— Да что с вами Воронов, что я наделала? — прикрывая волнение резкостью голоса, спросила Таня.

— Да что говорить-то, все известно. И камень сюда привезли. Видели лошадей-то у крыльца?

— Что известно-то? Какой камень? — не вставая, спросила Таня и сильно провела ногтем по открытой странице.

— Да про вас все известно, и камень у собаки наши отняли.

— Что же про меня известно? А камень-то при чем? Ничего не понимаю, — ответила она. Но Воронов видел, как трудно ей сдерживаться.

— Все известно, все известно, Татьяна Николаевна. Что же теперь делать-то, ведь не выскочить...

— Да бросьте вы, Воронов, — оборвала она, но спрятала руки под стол, чтобы он не видел, как они задрожали.

Она сразу всем своим существом ощутила опасность. Но одновременно чувство радости охватило ее. Воронов выдал такой секрет. Если уж они не могут полагаться на автомата Воронова, то где же их верные слуги?

— Все, все известно, из центра сообщено про вас. Хилидзе знает кто вы.

— Кто я? Служащая Компании редких металлов.

— Татьяна Николаевна, что я вам открыл, за это, сами понимаете, что мне может быть. Я только для вас.

— Спасибо, Воронов, за хорошее пожелание, только обо мне нечего беспокоиться. У меня все чисто. Пусть запросят Париж.

— Уже запросили.

— Ну и что?

— Пока нет ответа. Да что толку-то в ответе? Они все знают. Что делать-то? Ведь не уйти. Сами понимаете, что будет, — добавил он почти шепотом.

— Бросьте, Воронов. За пожелания добра спасибо, а обо мне не заботьтесь. Делайте свое дело, — сказала она, вставая и подходя к нему совсем близко.

Огромный, он стоял перед своей маленькой и хрупкой жертвой или повелительницей. Он слышал ее всю. Но неприступная черта между ними делала это ощущение нетелесным.

Он не сомневался, что ее скоро не будет.

— Спасибо, вы мне ничего не говорили. Ступайте, а мы сейчас придем с м-ром Паркером. — Она быстро обвила рукой его шею. Нагнула его голову и поцеловала его в лоб. Он не успел опомниться, как ее уже не было в комнате.

НАШЛИСЬ ПОМОЩНИКИ

Как только Воронов ушел, Хилидзе сразу же вызвал химиков — заведующих лабораторией.

— Это что такое, товарищи? — спросил он, перекладывая камень с ладони на ладонь.

Пожилой, чисто выбритый химик с желто-коричневыми от кислот концами пальцев нагнулся над брильянтом, внимательно посмотрел на него через очки в старомодной золотой оправе и сказал равнодушно:

— Не знаю, надо исследовать. Вы, товарищ Бейслер, что думаете?

— Что можно думать? Надо посмотреть в лаборатории. Сразу не скажешь. Завтра скажем.

— Ну, берите. Под вашу ответственность. Я завтра часов сов в пять приду. Смотрите, чтобы камень в сохранности был, а то...

Химики молча вышли от своего начальника. Молча прошли некоторое расстояние и тогда только переглянулись.

— Какой камень! Откуда у него? Ведь о таких находках обычно телеграммы во всех газетах мира печатаются. Наверное, кто-нибудь из старателей нашего же округа принес?

— Нет, откуда же здесь. Мы с вами, кажется, здесь все обследовали. Сколько времени сидим. Теперь я все понимаю. Как научились работать. Ну никогда бы не разгадал эту женщину, право, не разгадал бы. Так, думал, парижская штучка, за англичанином приехала.

— Да при чем же она-то здесь?

— Как при чем? Да ведь она же приехала за этим брильянтом. Ей его лесные люди хотели доставить. Да что-то сорвалось. Он вместо нее и попал Хилидзе в руки. Жаль ее. Небось, и не подозревает. Хорошо бы помочь, но нам надо быть особенно осторожными. Нельзя рисковать своим де-

лом. Но какая молодчина. Как бы предупредить? Сделаем все возможное, чтобы помочь, но самим сорваться нельзя, тем более, что их-то дело уже сорвалось. А там в Ракитино сегодня ночью всех переловят.

— Ловят, ловят, когда только конец будет.

— Паркер, мои дела неважны, милый, — говорила Таня спокойным голосом, когда они шли к Хилидзе, как будто разговор шел о каких-то самых обычных делах.

— Помните, что если хотите мне помочь, надо исполнить то, что я вам сказала, — письмо в Англию и подтверждение, что я секретарша французской компании. Отрекайтесь от меня и клеймите нас, контрреволюционеров, — последнее вам будет легко, — добавила она полулукаво, полувывызывающе. — А если вы вмешаетесь и попыгаете мне помочь — мы погибнем оба.

В своей работе за последние годы Таня встречалась с врагами или с оружием в руках, или же как пленница. В эту поездку впервые ей пришлось жить среди врагов и вести тонкую игру, иногда поддакивая, иногда притворяясь, иногда отмалчиваясь. Она хорошо вошла в эту роль, и не только с Вороновым и другими представителями власти, но и с Паркером.

Последнее, впрочем, становилось для нее все труднее и труднее. Те для нее были враги, с которыми все позволено, а Паркер...

Сейчас она понимала, что ее игра становится гораздо сложнее и труднее. Нельзя выдать себя и показать, что ей все известно. Надо помочь Воронову и не обнаружить себя перед Хилидзе и другими. В то же время, надо действовать и действовать очень быстро. Если завтра ничего не удастся, то надо уходить. Уходить вон туда, в черную глубь леса, на первый взгляд неприветливую и даже жуткую, но на самом деле дружественную и спасительную. Ей рассказали про тропинки. С вершин холмов видна та далекая гора, где

ее ждут. Там около сосны на утесе... Но надо будет идти в обход. Ведь там где-то кордон. А реки... Все эти мысли мелькали в ее голове, когда они молча подходили к дому Хилидзе.

«Не знает, ничего не знает», — подумал Хилидзе, когда Таня и Паркер здоровались с ним.

Таня подала ему руку и улыбнулась, казалось бы, без всякого принуждения.

— Здравствуйте, представитель пролетариата. Иностранцы капиталисты пришли пить ваш пролетарский чай, — засмеялась она и ни одна черточка не обнаружила ее напряженности.

За столом, кроме Воронова, сидели трое приезжих мужчин в военных куртках.

В противоположность Тане, все чувствовали какую-то неловкость. Хилидзе пытался прикрыть ее любезной развязанностью, но слова не шли ему на язык. Воронов, вопреки своему обычному спокойствию, суетился, угощал, предлагал чай, передвигал стулья. А главное, старался не смотреть на Таню.

Паркер, до конца не отдававший себе отчета о положении, казался спокойнее всех. Он сел и сразу начал густо мазать хлеб маслом. Таня наладила разговор и направила беседу в какое-то русло. Она заставила рассказывать Хилидзе о Кавказе и очень деловито исполняла обязанности переводчицы. Грузин быстро увлекся и временами как будто забывал о переводчице, которую он уже считая своей пленницей.

— Товарищ начальник, вас просят по срочному делу, — вдруг раздался голос сторожа и его голова высунулась из-за двери.

Внизу у крыльца под самым фонарем стояли два милиционера. По их запыхавшимся лицам сразу было заметно, что они откуда-то не то прибежали, не то торопливо пришли.

— В чем дело? — крикнул сверху Хилидзе.

— Пожалуйте сюда, так что дело важное.

Хилидзе быстро сбежал по ступенькам, почему-то отстегивая кобуру револьвера, висевшего у него под курткой.

— Убегли, все убегли, так что часа полтора как ушли, — в один голос отрапортовали оба милиционера.

— Кто убег, куда?

— Да эти, с Ракитнова, которых вы велели караулить.

— Как? Носов, Степа, Рогов, Рыжий и вся шайка? Да куда же они ушли? Да вы что? Понимаете ли, что вы сделали? — горячился Хилидзе. — Вместо того, чтобы ко мне, идти вам надо было сразу в погоню. Вы у меня ответите за это.

— Да мы, товарищ, сразу за ними пошли. Минут через двадцать уже тревогу подняли. Только куда там. Нас двенадцать человек было. Семен впереди шел. Карабин наготове. Темно. Идем по тропинке-то. Как Семен-то к большому камню подошел, ему оттуда колом по ногам. Мы и оглянуться не успели, как его смяли. Карабин отняли, да на нас. Кричат — руки вверх.

— А вы что же, олухи, и подняли?

— Не подняли бы, к тебе не пришли бы. Ведь народ-то отчаянный, на что решились-то.

— Ну?

— Ну, отобрали от нас все карабины и обоймы. Еще речи стали говорить.

— Какие речи?

— Да нас особой звать.

— А вы что же не пошли? Тоже стражи революции. Мне таких не надо. Марш с моих глаз. А за карабины поработаете вы у меня под драгой.

Хилидзе сейчас же прошел в караульное помещение, которое находилось рядом, разбудил начальника и приказал немедленно снарядить погоню.

— Ночью трудно, товарищ начальник, можно и на засаду наткнуться.

— Как трудно? — вспыхнул Хилидзе. — Для нас ничего трудного не может быть, у нас железная рука. — Когда он волновался, то гортанные звуки его грузинского акцента становились еще более резкими.

Возвращаясь к гостям, он решил сейчас же арестовать Таню и даже Паркера, но, уже когда вбежал по лестнице, передумал.

— Оставлю до завтра, посмотрю еще. Никуда не уйдет.

Хилидзе не мог скрыть своего волнения и, когда вошел в столовую, то все в один голос спросили:

— Что с вами, что случилось?

— Ничего, ничего, — отвечал он. Но потом, поняв, что себя выдал, добавил:

— На далеком прииске вода прорвала плотину и, как будто, бревнами изувечено несколько человек.

Он сел и угрюмо молчал. Таня вся внутренне насторожилась. Ее больше всего беспокоило, чтобы ее не арестовали в присутствии Паркера. Он может вмешаться и тогда все пропало. У нее не было ощущения обреченности. Она привыкла к этой обстановке. Знала всех в Отрадном, и мысль не вязалась с тем, что именно здесь она будет лишена свободы и навсегда.

Но с другой стороны, она отдавала себе отчет в том, что и здесь представители власти такие же решительные и не остановятся ни перед чем для выполнения своих решений.

Разговор больше не клеился и скоро Таня встала первая.

Когда Таня и Паркер спускались по лестнице, Хилидзе задержал Воронова в передней.

— Все бандиты из Ракитина сбежали. Ее нельзя упустить. Но еще рано арестовывать. Надо посмотреть, кто у нее здесь еще есть. Поставить на ночь охрану у вашего дома? — спросил он Воронова.

— Будьте покойны, товарищ, не упущу. Укараулю и один. Охрану поставите, — она заметит.

Тане очень хотелось остаться с Паркером наедине. Просто тихо побыть с ним. В нем она чувствовала опору, хотя больше всего боялась его вмешательства.

Она была очень рада, что Воронов ее предупредил. Она понимала, что он выдал важнейший секрет, раскрыл ей план Хилидзе. Ощущала свою власть над ним. Но все же с ним надо быть очень осторожной.

— Автомат, автомат, — повторяла она про себя.

До какого же момента ее власть будет действительна? Рискнет ли он своей карьерой? Нельзя перегибать палку. Нельзя ничего у него просить, а только принимать, что он дает.

Воронов шел с ними. Все трое молчали. Уже у самого дома Таня быстро сказала Паркеру:

— Помните, отрекайтесь от меня.

С Вороновым же она не обменялась ни одним словом. Только уже наверху, в коридоре, протянула ему руку и, улыбаясь, сказала:

— Покойной ночи, Иван Иванович. Устала, надо спать. Утро вечера мудренее.

Воронов с несвойственной ему торопливостью стал говорить:

— Ваши ушли в лес. Уходите и вы, завтра будет поздно.

Таня внимательно посмотрела на него, чуть-чуть крепче обычного пожала ему руку, и, ничего не сказав, прошла в свою комнату.

Она понимала, что сейчас, в эту ночь, дорога для нее была еще свободна. Она подошла к окну. Стояла прохладная весенняя звездная ночь. Пока темно, ей надо пройти по знакомым тропинкам до соседнего холма, а с рассветом двинуться дальше на восток. Приставленный к ней страж сам ее гонит. Казалось, так просто уйти, что она совершенно спокойно стала взвешивать все обстоятельства, точно дело не касалось ее жизни.

— Завтра будет поздно, — вспомнила она слова Воронова. — Но что поздно? Ее арестует тот самый Хилидзе, у которого она только что пила чай. Раньше, когда она думала о своих врагах, они были неизвестны до отвлеченности. А здесь вот этот молодой грузин, которого она привыкла видеть и беседовать с ним каждый день. Ей даже стало немного смешно. Она представила себе, как Хилидзе возьмет ее и посадит в свой дом где-то рядом с его комнатой. А у двери поставит Петра, который всегда был так вежлив и приветлив с ней и которому она часто давала папиросы. Она никак не могла связать Хилидзе с миром врагов, с

подвалами, где сидели ее погибшие товарищи, с беспощадными следователями и их страшными методами.

Вероятно, если бы она ощутила эту связь, она ушла бы в лес в ту же ночь, но ее мучил вопрос о брильянте. Где же он? Надо же его унести вместе с собой. Нельзя пропустить этот случай.

Она достала из чемоданчика свой маленький револьвер, который не трогала со времени приезда в Отрадное, и положила его под подушку.

Утром, как обычно, Паркер спустился по крутой тропинке к речке, у которой стояла лаборатория.

С обоими химиками у него были чисто формальные отношения. Как ученых, он их презирал. Вначале он пробовал установить с ними товарищеские отношения научных работников, но как-то ничего не выходило. Иногда оба химика начинали нести такую чепуху о связи коммунизма с наукой, что Паркеру казалось, что у него самого ум за разум заходит.

Ему становилось досадно за науку, которую он так высоко ставил.

Паркер видел, в каких добрые отношения были оба химика с Хилидзе и каким они пользовались у него доверием.

Он уже полчаса работал в лаборатории, когда старший химик подошел к нему.

— Коллега, вот тут около вашего столика мы нашли, — сказал он, протягивая на ладони крупинки синего золота.

Паркер вспомнил рассказ Тани о химиках. Он не очень верил, что им тоже удалось открыть синее золото, их методы работы казались ему слишком грубыми для этого. Сам он не оставлял крупинок, значит, это они их обнаружили в руде.

Ему стало досадно, что его секрет известен другим.

— Что это, я не знаю? — спросил он с некоторым замешательством.

Его собеседник заметил это замешательство и, неожиданно улыбнувшись добродушной улыбкой, которую Паркер раньше не видел на его лице, сказал:

— Это может остаться между нами. Хотите?

Паркер колебался. Выгодно ли выдать себя?

— Как хотите, — продолжал химик. — Но решайте сразу.

— Но что такое? — попробовал отговориться Паркер.

— Новый элемент, хорошо известный и вам и нам. И жду вашего ответа.

Паркер вспомнил Таню с ее притворной наивностью. Вспомнил ее рассказы, как в теперешней России людям всегда нужно притворяться и врать, посмотрел на пожилое лицо русского химика, на его умные глаза и понял то, что раньше не понимал. Он не стал расспрашивать.

— Хорошо, — ответил он.

— Да, но мне за это от вас кое-что нужно, — улыбнулся химик.

Паркер насторожился, и вопросительно взглянул на химика. Они стояли напротив окна, и солнце падало на столлик перед ними.

— Мне нужно честное слово английского джентльмена и ученого, данное русскому коллеге, который находится в подвластном состоянии.

— В чем честное слово?

— В сохранении тайны, касающейся и меня и других лиц.

— По поводу этих крупинок? — спросил Паркер.

— И других вещей, — ответил химик, внимательно смотря на него.

Паркер прищурился и тоже посмотрел на химика. Перед ним стоял не тот человек, к которому он уже привык за время, проведенное в Отрадном. Лицо неожиданно стало открытым и мягким и больше не чувствовалось в нем какой-то почти тупой замкнутости.

«Чужая тайна меня не свяжет», — мелькнуло в голове у Паркера.

— Хорошо, даю, — ответил он.

Химик вытащил из кармана брильянт и положил на солнечный луч.

Все цвета сразу заиграли на камне. Паркер сразу увидел, что это такое, и от удивления даже сделал шаг назад.

— Скажите ей, что Хилидзе придет сегодня за ним около пяти вечера. Моя официальная экспертиза будет неопределенная, — может быть, брильянт, может быть, и нет. Потоварищески же скажу вам, что вряд ли был когда-нибудь найден такой большой брильянт и такой чистой воды. Если спросят вас, тоже не давайте определенного ответа. И больше ничего, лучше поменьше говорить, — он отошел от англичанина к соседнему лабораторному столику.

Паркер не мог больше работать, да по существу ему больше и нечего было делать. Он давно все кончил.

— Значит, кто-то камень перехватил и вместо Тани он попал к Хилидзе, — рассуждал он сам с собой. — Но ведь ей же не отнять его у Хилидзе. Это безумие. Хотя, видимо, у нее есть сообщники, кто-то камень нес.

Он передал Тане, что его просили.

— В пять? — переспросила она.

— Да, около пяти, — но что вы можете сделать? — забеспокоился Паркер.

— Дорогой друг, — мягко сказала Таня, — ваше участие кончено. Больше ни во что не вмешивайтесь. Это может спасти все дело. Если я исчезну, не беспокойтесь обо мне. Делайте вид, что возмущены мною. Вас могут даже арестовать, но только до Москвы. Кроме ямщиков, о вашем участии никто не знает, а они — могила молчания. Все складывается гораздо лучше, чем я думала. Когда-нибудь, может быть встретимся.

Они сидели вдвоем перед их домиком. Таня посмотрела на Паркера, облила его синим золотом своих глаз, встала и пошла в дом. Он даже ничего не успел ей сказать.

Хилидзе возвращался из лаборатории с камнем в кармане. Несмотря на ночную погоню, беглецы не были пойманы. Часть его игры провалилась. Было досадно. Теперь надо арестовать Дикову. Это тоже трофей и немалый, но все же он прозевал тех, кто воровал золото, упустил. Он сердился на себя. Начальство скажет — «ворона» — и настоящей награды не будет.

В пять часов вечера еще все работают в Отрадном и Хилидзе никого не встретил по дороге. Он вошел в рощицу, которая отделяла нижнюю часть Отрадного от центра.

— Руки вверх, — раздался сдержанный женский голос. Таня стояла почти вплотную около него, и дуло ее револьвера было направлено на него. Сперва злая усмешка искривила лицо грузина, а потом он побледнел.

«А вдруг исправила, — мелькнуло у него в голове. — Нет, не может быть, это было сделано так чисто». Винтик, который он вынул из ее револьвера, был такой маленький.

— Зачем? — спросил он, смотря на Таню в упор.

— Ну, — повторила она, — иначе...

— Иначе стреляйте, ну живей, — засмеялся он.

Таня нажала курок, но выстрела не последовало. Она этого совершенно не ожидала и растерялась. Хилидзе схватил ее за руки и быстро скрутил их. Сопротивление было бесполезно. Она молчала и сразу же решила, что выгоднее притвориться совершенно пассивной.

— Вот он, — злобно сказал Хилидзе, вытаскивая камень из кармана. — Что же, берите, руки-то короткие. У пролетарского государства есть суровые и бдительные стражи. Нате, возьмите, попробуйте, — он поднес камень почти к Таниному лицу.

Таня молчала.

— Следуйте за мной. Помните, что попытки к бегству не может быть, — говорил грузин.

Они молча поднялись по тропинке, быстро прошли дом, где жила Таня, и вошли в двухэтажный дом начальника отрадненского района.

— Наверх, — коротко скомандовал Хилидзе и они поднялись по лестнице во второй этаж.

— Сюда, — он отворил пустую комнату и пропустил туда Таню. За ней щелкнул замок.

Все это произошло так быстро, что Таня по-настоящему опомнилась только в запертой комнате. Ей совсем не было страшно. Она никак не могла отнестись серьезно к происшедшему, хотя и понимала, что арестована своими врагами, теми страшными врагами, попасть в руки которых для нее или ее товарищей значит почти неминуемую гибель.

Но предыдущие разы ее арестовывали неизвестные люди, окруженные страшным ореолом таинственной беспощадности. А здесь Хилидзе и Петр, который охраняет его дом. Она даже усмехнулась. Но все-таки ясно отдавала себе отчет о том, что начальник пограничного пункта, который ее когда-то допрашивал, и Хилидзе, у которого она вчера вечером пила чай, — это то же самое.

Она была заперта в комнате с решеткой в окне. До земли было довольно далеко. Но все же спрыгнуть можно. Мешала только решетка.

В углу комнаты стояла грязная кровать без белья. Под самым потолком тускло горела электрическая лампочка.

Прошел час, два. Никто ее не навещал. Таня несколько раз подходила к окну. Она не хотела, чтобы ее увидели и особенно, чтобы увидел Паркер, а он, конечно, явится, как только она не придет ужинать.

И действительно, когда уже темнело, она заметила, как Паркер быстро подходил к управлению, размахивая одной рукой в такт ноге. Она уже знала, что это у него признак волнения.

— Да, да она здесь. Но она мною арестована. Она на меня напала, — донесся до Тани с крыльца голос Хилидзе. — Я не могу вам больше ничего сообщить. Дело Диковой

очень серьезное. Она опасный враг республики. К счастью, этот враг теперь под замком...

Голоса Паркера она не смогла расслышать. Он обычно говорил очень тихо. Видимо, однако, он вскоре ушел.

Немного погодя до Тани донеслись отрывки разговора Хилидзе с Вороновым.

— Когда же отправим и кого мне дадите в сопровождение? — спрашивал Воронов.

— Я запросил телеграфом. Раньше утра не будет ответа. Может быть, за ней кого-нибудь пришлют.

Потом все стихло. Прошло еще больше получаса. На улице стало почти совсем темно.

Опять взошли яркие звезды. Из нижнего этажа доносились шаги Хилидзе. Вот раздались шаги по лестнице. Поднималось несколько человек. Таня расслышала за стеной голос Хилидзе:

— Вот тут в коридоре сиди и чтобы не спать. Услышишь шум в комнате, сейчас же зови меня. Понял?

Настала ночь. К Тане так никто и не зашел. Хотелось пить, но она была довольна, что ее не тревожили.

Она слышала, как у входа в дом был поставлен часовой, но за углом не видела его.

Таня потушила свет. Около полуночи, когда в доме все заснули, она почти бесшумно подошла к окну. Казалось, что кругом все крепко спит. Огней нигде не было видно, только на улице горели редкие фонари. Она вытащила из обшлага своей кожаной куртки тоненькую металлическую пилку, которая скорее была похожа на нитку, и провела ею по пруту решетки. Звука почти не было слышно. Она быстро стала пилить и уже перешла на второй прут, как против окна на улице потух фонарь. Таня сразу это заметила, так как его отблеск немного освещал окно и помогал ей направлять пилку.

— Эх, черт, лампочка перегорела. Не могут даже лампочки хорошей поставить, — проворчала она.

Оставалось перепилить еще три прута.

Вдруг среди ночной тишины она расслышала какой-то шум или отдаленные звуки. Они шли со стороны, где нахо-

дилась электрическая станция. Только теперь она обратила внимание, что больше не слышно равномерного стука мотора. Но ведь он только что работал.

Значит, не лампочка перегорела, а мотор остановился. И опять раздались звуки, теперь более явственные.

«Да ведь это же борьба, кому-то затыкают горло», мелькнуло в голове у Тани. Она вся насторожилась.

На мгновение опять все затихло, а потом в ночную тишину ворвался отчаянный вопль.

— На помощь, бандиты...

Вслед за ним раздался удар, по-видимому, каким-то тяжелым предметом и голос сорвался на полуслове.

— Неужели?.. — мелькнуло в голове Тани. Она тряхнула обеими руками решетку, но та не поддавалась. Тогда она неподвижно застыла у окна.

Через минуту из соседнего домика, где помещалась охрана, раздался резкий свисток, но он оборвался на полувзвук.

Вслед за этим послышался громкий голос Хилидзе:

— Огня, зажгите же электричество.

— Да оно повсюду потухло, — кто-то испуганно громко шептал ему.

— Все сюда, ко мне, — командовал Хилидзе. — Все бросить. Только этот дом отстаивать...

Не успел он кончить, как бодро и весело цокнули по стенам дома несколько пуль.

Дзинь, дзинь, — где-то задребезжало окно.

Генерал с четырьмя людьми встретил партию Носова в лесу километрах в десяти от Отрадного. Было решено сразу же произвести нападение на Отрадное и освободить Танию, в аресте которой никто не сомневался.

Их было двенадцать человек, а в Отрадном вокруг управления было более пятидесяти солдат и три пулемета.

Носов служил проводником, он знал каждый дом, каждое дерево в поселке.

По его предложению было решено сперва напасть на электрическую станцию, испортить машины, а потом в темноте тихо подкрасться к караульному помещению, напугать

спящих солдат и захватить Хилидзе врасплох.

Моторы они остановили, но один из сторожей вырвался и побежал. Василий, который действовал в темноте как кошка, нагнал его и хотел зажать ему рот. Но сторож упрямо не давался и кричал. Тогда Василий хватил его дубинкой.

Эту-то борьбу и слышала Таня.

Несмотря на крики сторожа, генерал с тремя людьми успел вскочить в казарму, когда солдаты еще не разобрали оружия, и приказал им не шевелиться.

Как только начались выстрелы, сторож в коридоре забеспокоился. Слышно было, как он подошел к двери и, видимо, слушал, что делается в комнате. Таня уже раньше заметила, что она не могла со своей стороны закрыть дверь. Она быстро юркнула в постель и притаила дыхание.

«Безумие, — думала она, — им же ничего не сделать против нескольких десятков солдат».

Иначе думал Хилидзе. Он увидел, что на его крики нет ответа из соседнего дома и понял, что там случилось. У него в доме ночевало только шесть человек. Он сам вытащил на крыльцо пулемет, в темноте схватил за руку одного на толпившихся в коридоре людей и приказал:

— Стреляй туда.

Ввиду ареста Тани в управлении ночевал и Воронов. Но Хилидзе, не привыкший его видеть ночью у себя, точно забыл про него.

Опять зазвенело стекло, разбитое пулей, и опять пуля ударила где-то рядом с Хилидзе. Он на минуту остановился, точно что-то соображая, потом сквозь зубы процедил:

— Ах, так. Но у нас есть заложница. Води, товарищ, пулемет, а я сейчас.

Он побежал по коридору к лестнице, ведущей во второй этаж. У самой лестницы он увидел Воронова, и вспомнил о нем.

— Товарищ, а мы сейчас выставим на крыльцо Дикову, они в нее не будут стрелять. Если же не уйдут, я ее застрелю на глазах у них. Идем за ней, — и он быстро побежал вверх.

ХІ

БЕГСТВО

В темноте Хилидзе споткнулся на лестнице, чуть не упал и больно оцарапал себе палец. Это возбудило в нем личное раздражение против Тани. Ведь он бежал к ней, значит, она была виновата, что ему больно.

«За мной», — мелькнуло в ее голове. Она вскочила в кровати и прижалась к стенке, прилегающей к коридору. В комнате было совершенно темно, только в окно была видна звездная бесконечность ночи.

— Не выпускай ее, — на ходу бросил Хилидзе сторожу.

Щелкнул ключ и он ворвался в комнату. В левой руке он держал револьвер.

— Гражданка Дикова, вы ответите за бандитов, это ваших рук дело. Но теперь вы не уйдете.

Он повернулся вокруг себя и старался в темноте рассмотреть Таню. Она замерла у стены.

«Вместо подвала в комнате второго этажа», — пронеслась мысль. Прямо против нее ярко светил Сириус. У Тани всегда кружилась голова, когда она думала о расстоянии, отделяющем его от нас.

«Сейчас исчезнет это расстояние, опять пронеслось в ее голове. Узнаю тайну».

Стало страшно до больного холода. Захотелось ничего не узнавать, а только любоваться звездным небом, которое смотрело в окно.

На экране ее памяти пронеслись города с миллионами людей, так крепко цепляющихся за жизнь, откуда-то выросли детские лица, яркий солнечный день и Паркер, говорящий о синих лучах в ее глазах. Потом встали погибшие друзья, вообще погибшие люди... тот страшный подвал в Екатеринбурге и, наконец, холм с тремя крестами.

Смерти нет — она всегда твердила это, подготавливала себя к последнему моменту. Но все же так не хотелось...

Она следила за каждым движением Хилидзе, тыкающегося во все стороны. Там за дверью стоит еще один, и внизу другие. Куда же уйти. Но все же... Не успел Хилидзе чиркнуть зажигалку, как Таня сильно ударила его по руке, в которой он держал револьвер. От неожиданности он выпустил его.

— Все равно от меня не уйдешь, дрянь. С бабой справлюсь, — почему-то прошептал Хилидзе и своей сильной рукой схватил Таню за шею. Она изогнулась и с быстротой лесного зверя укусила его другую руку и нагнулась, чтобы схватить лежавший на полу револьвер. Но он ногой отбросил его в сторону и сбил ее с ног.

— Петр, бери ее, надо снести вниз. Как укусила, дрянь! Ну, да недолго осталось ей кусаться.

Все это произошло в одно мгновение, и Таня не могла еще понять, зачем ее поведут вниз. Куда?

— Не буду руки марать, пусть свои же кончат, — бросил грузин, как бы в разъяснение Петру.

Таня поняла, но сопротивляться двум мужчинам было бесполезно. Петр взял ей руки.

— Идите, — злобно прохрипел Хилидзе.

На улице раздавались выстрелы.

Она пошла, замедляя в темноте шаг, чтобы выиграть время. Уже не было ощущения ни страха, ни конца. Все ее мысли были сосредоточены на том, что еще можно сделать.

Ее руки были туго скручены сзади и тонкая веревка резала кисти. В коридоре было еще темнее, чем в комнате, потому что не было окон.

«Лестница, — мелькнул в ее голове план. — Поскользнуться, вырваться, входная дверь открыта. Несколько прыжков и она будет на улице. Пусть даже случайная пуля, своя или чужая, но это не расстрел».

Она споткнулась на первой же ступеньке, но Петр крепко держал ее за руку выше локтя.

Хилидзе чиркнул зажигалку и осветил ею лестницу.

Таня увидела внизу огромную фигуру Воронова. Он смотрел на спускающихся по лестнице. Таня взглянула на

него, но их взгляды не успели встретиться, как зажигалка потухла.

«Почему он в высоких сапогах? — подумала Таня. — Он их почти никогда не надевал».

Когда шествие было уже в конце лестницы, опять вспыхнул тусклый свет зажигалки. На этот раз Таня увидела глаза Воронова. В них, как и во всей фигуре, была сдержанная решимость. Никакой торопливости или суетности. Точно в десяти шагах не трещал пулемет, и не цокали пули по стенам дома.

Таня ничего не могла прочесть в глазах Воронова.

«Автомат», — вспомнила она слова друзей и опустила глаза.

Зажигалка опять потухла, и она в полной темноте проошла мимо Воронова.

— Ай, — услышала Таня глухое восклицание за собой, кто-то упал и одновременно сзади раздался выстрел. Юбка хлестнула по ногам — пуля пробила ее.

— Крикнешь, убью, — услышала она за собой голос Воронова. Петр разжал руку, и она почувствовала, как мокрый нож слегка царапнул ее запястье и разрезал веревку, связывающую ей руки.

Воронов ударил Хилидзе ножом в бок. Грузин, падая без чувств, машинально спустил курок револьвера и чуть не подстрелил Таню.

— Вот, Татьяна Николаевна, — Воронов сунул в ее руку револьвер. — Стойте тут, чтобы этот не двигался. А я сейчас.

С быстротой молодого юнги он бросился к крыльцу, где стрелял пулемет.

— Прекратить стрельбу, — приказал он. — Кто слово скажет, убью.

— Да что вы, товарищ, ведь бандиты...

— Я тебе покажу бандиты. Слушайся, а то...

Пулемет затих, и точно по сговору прекратилась стрельба из темноты. Таня еще не понимала, что из пленницы она стала госпожой положения.

— Держи свечу, — властно распоряжался Воронов, сунув кому-то в темноте свечку.

Он чиркнул свечу, и Таня увидела его напряженное лицо — казалось, каждый мускул стремился к одной цели.

— Татьяна Николаевна, зовите их сюда, да скорее, медлить нельзя.

Тане не надо было повторять. Отобрав от Петра револьвер и быстро молча обшарив его, она уже стояла на крыльце рядом с Вороновым.

— Спасибо, я давно верила, что вы должны проснуться, — она быстрым движением пожала ему руку выше кисти и свистнула каким-то особым свистом.

Справа из-за угла сейчас же раздался ответ. Тогда Таня крикнула:

— Носов, скорее сюда.

Но первый, кого она увидела, был не человек, а собака. Шарик, немного прихрамывая на раненую ногу, быстро взбежал по ступенькам крыльца и лизнул ей руку.

Потом она рассмотрела две человеческие фигуры, осторожно приближающиеся к крыльцу.

— Татьяна Николаевна? — окрикнули ее, и она узнала голос Носова.

— Да, да, друг, торопитесь. Я здесь хозяйка, а это у нас новый помощник. Скорей сюда, никто не тронет.

— Воронов, отберите у них оружие, — сухо приказала она.

— Первый, кто тронется с места, будет застрелен, — бросила она милиционерам, которые столпились в коридоре с карабинами в руках.

Но Воронов, предупредив ее распоряжение, быстро отбил ружья у людей, бледные и испуганные лица которых тускло освещала мерцающая свечка.

— Что же это такое, что же будет? — прошептал кто-то из них.

Носов и генерал быстро взбежали по лестнице. Лапти делали их походку почти бесшумной.

— Здравствуй, Таня, где встретились, — приветливо бросил генерал. — Что же ждать, идем скорей. Туфельки-то у тебя, вероятно, не лесные, — промочишь, шагая по мху.

— Подождите, дорогой друг, а камень, а золото, что же с пустыми-то руками уходить?

— Камень не знаю где, а вот золото здесь, в этой комнате, только ключа нет, надо дверь ломать, — сказал Воронов.

Генерал снизу вверх посмотрел на гиганта, стоящего рядом с револьвером в руке, и вопросительно тронул Таню за рукав.

— Да, да, я Воронову обязана жизнью. Он пойдет с нами, он понял все.

— Под твою ответственность.

— Да, да, будьте покойны. Он нам будет полезен и нужен.

— А ну, Василий, вон эту дверь, — приказал генерал.

Василий ударил обухом топора по двери, но она не поддавалась — была сделана специально для комнаты с золотом.

— Подержите-ка, Татьяна Николаевна, — передал Воронов Тане револьвер. — А ты сбегай в кладовку за ломом, — приказал он Петру, который стоял у стены и все еще дрожал.

Он был рад что-то исполнять и быстро побежал по коридору. Через минуту в руках Воронова был почти пудовый лом. Он взял его как перышко и так ударил в дверь, что задрожали стены. После нескольких ударов вход в золотую комнату был открыт.

— Василий, позови свободных людей, каждый возьмет фунта по четыре золота, не больше, иначе будет тяжело, — приказал генерал.

— А вы, ребята, смотрите, как мы от советских бандитов народное добро отбираем, — продолжал он, обращаясь к солдатам, которые молча стояли с видом арестованных.

Дальше за ними, у лестницы, раскинув руки, в луже крови лежал Хилидзе. Время от времени он хрипел. Две свечи, все время задуваемые сквозняком, колебали тени на напряженных лицах людей.

На улице у крыльца раздавался сдержанный шепот. Жители Отрадного, разбуженные выстрелами, сходились к

дому управления.

В это время на крыльцо быстро вбежал Паркер и поспешно прошел в коридор. Он был без шапки и под пиджаком виднелась пижама. Свет свечи заколебался в его очках и блеснул по их золотой оправе, по его взволнованному лицу. На его щеках подергивались мускулы.

Паркер быстро окинул всех взглядом и, увидав в руке Тани парабеллум, неожиданно для себя успокоился. Точно так и надо было, и в этом не было ничего удивительного. Он заметил лежащего Хилидзе, узнал его, но как-то не заинтересовался им. Наоборот, Воронов, стоявший с ломом в руке, привлек его внимание.

«Как же мне раньше в голову не приходило, что он ее сообщник? Какая выдержка», — пронеслось у него в голове.

Не успел Паркер открыть рта, как Таня сухо спросила по-русски:

— Вам здесь что надо, м-р Паркер? Тут вам нечего делать. Будьте любезны уйти.

— Но, Таня... я пришел к вам, я беспокоюсь о вас, что случилось? — тревожно спросил он по-английски.

— Я не желаю с вами говорить по-английски, пусть все понимают наш разговор.

— Что вам делать? Оставайтесь со своими друзьями. Вон, сделайте перевязку Хилидзе, а нам не мешайте. У нас здесь свои дела.

Ее тон был сух до резкости. Паркер даже растерялся. Но ведь это же она, Таня? Ведь еще утром он чувствовал, как ей нужна его опора. И вдруг эта чужая женщина с таким властным голосом.

— Отойдите с дороги и займитесь раненым, — продолжала она, а когда в соседней комнате застучал топор, то она подошла к нему совсем близко и сказала по-английски:

— Помните мою инструкцию, это необходимо для обоих.

Больше она не обращала на него никакого внимания.

— Все готово, — кто-то доложил генералу, — надо уходить, там собирается толпа.

— Идем, идем, — ответил он. — А вы, ребята, помните и другим расскажите, — опять обратился он к солдатам, — что мы золото взяли не для себя, а для освобождения народа от бандитов. Пока не уйдем, не двигаться. А то будет плохо.

— Ну, Таня, в путь. Ты вместе с твоим новым телохранителем следуй за Носовым, а мы замкнем шествие.

Они подошли к соседнему домику, где находились солдаты и где трое лесных людей их караулили.

Свечи освещали напряженные лица стоявших людей. Большинство было босиком и без гимнастеров.

Генерал быстрыми и бесшумными шагами подошел к козлам, у которых стояли винтовки, и умелым жестом стал вынимать замки и выбрасывать их на улицу.

— Кто старший? — строго спросил он, ни к кому не обращаясь. Солдаты угрюмо молчали.

— Ну, скорей, я никого не трону, если будете исполнять мои приказания. А иначе...

Из угла вышел молодой парень с расстегнутым воротом на рубахе, но уже в сапогах.

— Что нужно? — спросил он исподлбья.

— Возьми еще одного и пойдешь с нами. Если твои ребята будут сидеть смирно, через час отпустим. Если же только попробуют броситься за нами, ты больше не жилец на этом свете.

— Все ли слышали и поняли? — генерал обвел взглядом стоящих людей.

— Поняли, — нехотя отвечал один. — Но слово сдержишь, вернутся?

— Сказал, вернутся.

— Ладно, и мы обещаем, — раздался голоса.

В течение часа молча гуськом шли лесные люди по тропинкам. Носов уверенно вел их, все время меняя направ-

ление, так что Большая Медведица была то налево, то совсем прямо.

Позади солдат, у которых были скручены руки, шел генерал.

Когда перевалили три холма, генерал приказал остановиться. Было еще совсем темно.

— Ну вот, ваши слово сдержали, можете идти домой, или до свету здесь сидите.

Опять пошли дальше. Все молчали. Взошли на высокий холм. Небо как будто стало менее темным. Повеяло прохладой.

— Привал, — сказал Носов, — сюда не доберутся ни с какой стороны.

Небо на востоке светлело.

— Садись, Таня, — он показал на место под елкой и сам опустился на землю.

Воронов с шумом стряхнул с плеча пять карабинов, которые он успел отобрать у солдат, и сел рядом. Остальные расположились вокруг.

— Папироску, — предложил он генералу, протягивая большой кожаный портсигар, набитый папиросами.

— Спасибо, давно таких не курил. Однако, у вас их много.

— Да запас сделал для похода, — улыбнулся Воронов.

— А вы разве знали, что мы придем?

— Нет, вот уж не ожидал. А только я-то приготовился. Вы бы не пришли, я все равно ночью увел бы Татьяну Николаевну. Потом было бы куда труднее.

— Куда же вы бы пошли? — спросил генерал, пристально вглядываясь в лицо Воронова.

— Вас искать.

— А вы почему знали, что мы существуем?

— Как же, раз камень Татьяне Николаевне посылали, значит, кто-то в лесу сидит.

— Камень, камень, а вот не унесли камня, эх, что потеряли, зачем я посылаю. Ужасно досадно, — не то с сожалением, не то с раздражением сказал генерал и даже встал.

— Где же камень-то остался? — спросил он, подходя к сидящему Воронову.

— Да Хилидзе его куда-то спрятал, я уж смотрел, да нигде не было, — как бы оправдывался Воронов.

Генерал стоял совсем над ним и внимательно рассматривал его сверху, невольно любуясь его могучей фигурой.

— Что же, надоело быть советчиком? Зачем к нам пошли? Жизнь у вас была спокойная. Все было в вашем распоряжении. А у нас жизнь звериная, бывает холодно и голодно. А главное, от вашей пули берегись — многих уже настигла.

— Спокойная, спокойная, все есть, — хмуро повторил Воронов. — Вот только воли нету. Делали ее, революцию-то, себя не щадили. Думали, народу служим, а вышло-то наоборот. Кто пенки-то снимает? Я, ваше превосходительство, знаю, как они о народе-то заботятся. Им ведь Россия не своя, только взять да припрятать. Спасибо, Татьяна Николаевна мне дорогу показала.

— Я ничего не показывала, Воронов, вы сами.

— Да, да, сам, правда, вы не показывали, — усмехнулся он, — но все же спасибо вам. Вы уж меня теперь, ваше превосходительство, в свою компанию возьмите. О старом не будем говорить. Я вам пользу принесу. Небось, силы-то еще хватит. Вон, карабинов-то вам сколько притащил, да и тут кой-что есть для лесного обихода, — и он стал вываливать большой мешок, который нес за плечами. В нем, кроме сахара и чая, были разные вещи, вроде катушек, каких-то мелких инструментов, ремешков и, наконец, с самого дна вынул две большие фляжки с коньяком.

У Василия, который подошел поближе, разгорелись глаза.

— Да ты, видно, хозяйственный, это нам все пригодится, молодец, что подумал, с понятием.

— Ну ладно, Татьяна Николаевна вас рекомендует, оставайтесь с нами, — сказал сухо и почти строго генерал. — Только смотрите, работа сами понимаете какая. Должны обещать полное повиновение, а за предательство кара корот-

кая. А когда получим награду, не знаем. Может быть, о ней только с того света услышим.

Двое суток шли беглецы по лесам в обход кордона и не знали, что в это время весь округ был поднят на ноги.

Делали далекий крюк и все же к концу второго дня наткнулись на цепь солдат.

Полицейские собаки залаяли, когда они были уже совсем близко. Генерал в сумерках не сразу заметил фигуру с ружьем за плечами.

Солдаты не успели опомниться, как генерал скомандовал своим:

— Готовься к бою, в прорыв.

Щелкнул десяток ружейных затворов и раздались выстрелы. Два солдата, стоявшие перед ними упали, перевернувшись в воздухе и упала собака, бросившаяся на них.

— Не останавливаться, вперед, вперед, — командовал генерал.

Лесные люди быстро перебежали через поляну и вошли в густой лес. Справа и слева по ним стреляли.

Таня шла впереди за проводником, остальные следовали за ней цепью, но почти не отстреливались.

— Скорей, скорей, — торопил генерал.

Лесные люди почти бегом спустились с холма и были уже вне выстрелов. Однако их след был обнаружен. Полицейские собаки с соседних постов шли за ними, указывая солдатам направление. Когда стемнело, беглецы присели на короткий срок отдохнуть и закусить, но не спали. Их спугнули собаки и они опять пошли вперед. На вершине холма, перед рассветом, когда у всех уже горели ноги от долгой и быстрой ходьбы, генерал сказал:

— Мы их тут денек задержим, а ты, Таня, с Вороновым, Василием и вот двумя молодцами отправитесь дальше. Отойдете версты три, отдохнете и дальше. Василий вас доведет куда надо. Он у нас следопыт. А мы к ночи уйдем в другую

сторону, через речку, не найдут нашего следа.

Тяжело было у Тани на сердце. Все это было напрасное напряжение, утомление, риск. Те двадцать килограммов золота, которые они унесли из Отрадного не могли оправдать их поход. Провалилось хорошо налаженное дело, не удалось унести камень. Там, сзади, остались под выстрелами друзья.

Она молча шла со своими телохранителями по мягкому мху. Только изредка обменивались они друг с другом деловыми замечаниями.

— В сапогах-то, гляди, тяжело, нам в лаптях-то куда легче, — смеялся Василий, обращаясь к Воронову. — Здесь тебе на тракторе не проехать.

Они сделали привал на несколько часов и потом опять пошли. Вдруг Василий остановился и прислушался. Он даже как будто повел носом.

— Ложись и нишкни. Пока не скажу, не стреляй, — прошептал он. Все послушно опустились на землю, точно давно ждали этой команды. Пролежали около четверти часа.

— Смотри, сколько их сюда нагнали, — сказал Василий, дотрагиваясь до лежащей рядом с ним Тани. — Все тебя ловят. Важная какая.

Она раздвинула перед собой густые кусты и увидела приблизительно в полуверсте, на краю полянки, человек тридцать солдат.

Беглецы лежали за кустарником и их нельзя было заметить.

— Идем сюда, только не выпрямляться, — и Василий быстро стал раздвигать кусты и пошел влево. Все полубе гом, нагнувшись, следовали за ним. Карабин оттягивал Тане руку.

Так они шли с версту, поднимаясь по пологому склону. Уже чувствовалось, что близко перевал.

Вот они вышли на открытое место и перед ними раскрылся далекий, далекий лесной вид. Спуска не было видно, но где-то внизу шумела вода.

Не успели они оглянуться, как увидели шагах в трехстах от себя новую группу солдат.

Их сразу заметили и раздались выстрелы.

— Не стреляй, за мной скорей, — крикнул Василий. Он быстро перебежал узенькую поляну и прыгнул в какой-то овраг. Его товарищи следовали за ним. Таня слышала, как где-то совсем рядом прожужжала пуля. Но она об этом вспомнила, когда уже была в овраге.

Василий, раздвигая кусты дикой малины, быстро спулся вниз. Раза два спуск был почти отвесный. Камни скользили под ногами. Но все четверо покорно следовали за ним.

Наконец они остановились, точно на крыше какого-то навеса. До земли было метра два.

— Надо прыгать и внизу переждать. Сюда только по нашему следу можно спуститься. А спустятся, мы их поодиночке переловим. Да не спустятся, побоятся, — говорил Василий.

Спрыгнув, они очутились как бы на площадке веранды. В двух шагах впереди был очень глубокий обрыв.

Таня взглянула наверх. Они находились приблизительно посередине почти отвесной скалы, она не могла понять, как они спустились. Перед ними шумела река. Немного выше по течению бурлили и пенились пороги, а внизу под ними неслась еще неуспокоившаяся вода, то завиваясь во вьюны, то выпрямляясь в стремительные струи.

В первую минуту Тане показалось, что с веранды нет выхода. Ей стало жутко.

— А теперь что же? — спросила она.

— А вы вот с Вороновым направо по тропинке вниз — да не сорвитесь, — говорил Василий. — Там внизу за корнями челн, ну, на тот берег. Переедете, держите путь вон на ту гору. Давеча показывали часы-то северные, — он вспомнил, как ему показывали компас. — Тут всего верст тридцать осталось. Там вас ждут.

— А вы?

— Что мы? Нас тут никак не достанут. Обождем денка два и к своим тронемся. Смотрите, с голоду-то не умрем.

Он прошел вглубь навеса или пещеры, где было сделано что-то вроде двери, и приотворил ее. Таня увидела

вход в комнату или землянку.

— Тут у нас всего хватит. Могли бы и подольше пожить. Да надо к своим двигаться, — пояснил он.

Таня и Воронов передохнули с полчаса, закусили копченой рыбой и сухарями и стали спускаться по указанной тропинке.

— Вот вам и парижское путешествие, — смеялся Воронов, поддерживая Таню, скользившую за ним.

Все время приходилось держаться за кусты и деревья. Тропинка вилась над самым обрывом и казалось, что внизу вода подходит к самому его подножью.

Они спустились с трудом. Там внизу у самой воды стояла старая ива. Ее корни образовали бухточку, в которой и стоял маленький челнок. На дне лежало весло.

— Все припас, — хозяйственный мужик, молодец. Таким бы не в лесах скрываться, да вот дожили... — заметил Воронов.

— Прыгайте, Татьяна Николаевна, я вас вмиг на ту сторону перемахну. Сидите, не шелохнитесь. Он вертлявый.

Воронов взмахнул веслом и челнок почти прыгнул вперед. Его нос завернулся вниз по течению, но Воронов умелым и ловким движением выпрямил его и держал поперек реки.

Вода бежала совсем близко, недовольно бурлила под бортом, а там, немного выше, пенились пороги. Челнок несся вперед, преодолевая быстрые струи течения.

Когда они были приблизительно на половине дороги, раздался выстрел и где-то близко о воду шлепнулась первая пуля. Таня резко обернулась назад и чуть не перевернула челнок.

Воронов с трудом устоял на ногах.

— Тихо, тихо, Татьяна Николаевна, откуда-то нас заметили, — и он еще сильнее налег на весло.

Таня увидела далеко наверху обрыва людей.

— Я отвечу? — сказала она вопросительно и взялась за карабин.

— Нет, нет, не надо. Главное нам скорее переплыть. Вы будете только мне мешать.

Опять, совсем близко, шлепнулось несколько пуль. Одна ударила о борт челна и расщепила дерево.

— Нагнитесь, — приказал Воронов, точно это могло ее спасти.

Еще рой пуль и Воронов сразу пошатнулся, побледнел, но потом оправился. Под взмахами его весла челн быстро скользил вперед. Порой казалось, что он не касается поверхности воды.

Таня внимательно посмотрела на Воронова.

— Что с вами, Иван Иванович?

— Ничего, подъезжаем, — как-то с трудом ответил он.

Пули уже больше не долетали до них.

Через минуту челн с размаху ударился о мягкий берег. От удара Воронов упал вперед на руки. Он хотел подняться, но не мог.

Таня взглянула на него и сразу по смертельной бледности его лица поняла, что он ранен, а потом заметила кровавое пятно на спине куртки.

— Довез, Татьяна Николаевна, идите, а я здесь. Мне дальше некуда, — тихо говорил он слабеющим голосом. — Испить бы. Видно, старому матросу от воды не уйти. А все-таки свое сделал, у них в долгу не остался. Попомнят меня.

— Что вы, Воронов, что вы? Я вам сейчас перевязку сделаю, все будет хорошо.

— Нет, Татьяна Николаевна, таких уже не перевязывают. Я здесь, у водицы. Вон она бежит, живая, никому-то не мешает. А вот мы все друг друга стреляем. И кому это только надо. Нет, здесь мое место, я уже отсюда никуда не уйду.

Он лежал почти ничком на дне челна. Таня с трудом повернула его на бок, подложила мешок под голову и положила руку ему на лоб. Он стал искать ее руку и слабым движением притянул ее к своим губам.

Таня затихла над ним в неудобной позе. Она стояла на коленях на дне челнока. Кровавое пятно залило почти всю спину Воронова.

— Ох, поскорее бы, — простонал он и, с трудом открыв глаза, посмотрел на Таню.

— Спасибо вам, спасибо, что человека вернули, — сказал он заплетающимся языком.

Он опять закрыл глаза и лежал спокойно минут пять, держа ее руку у своих губ. Потом вдруг встрепенулся, задрожал и приподнялся. Таня видела, что это было предсмертное напряжение.

— Тише, тише, не сюда, Ваше Императорское Высочество, тут ножки зашибете. Вот сюда, через эти камешки, — бормотал Воронов в бреду. — Так что не ходите к ним, они хуже зверей. Никого не пощадят.

— А мы не допустим, пальцем не позволим тронуть, — отвечал он сам себе более крепким голосом. — Подойди только...

Воронов вдруг вскочил. Выпрямился во весь рост, безумно повел кругом глазами и шагнул из челна на берег.

На Таню напал такой страх, что она открыла рот и, продолжая неподвижно сидеть на корточках на дне челна, глазами, полными ужаса наблюдала за Вороновым. Все ее суставы были скованы.

— Больше не обманете, подойдите только, — погрозил Воронов тому берегу и упал замертво с зажатым кулаком.

На том берегу темнели леса. Вечернее солнце освещало красноватым светом воду, быстро бегущую мимо. Мягко зеленела молодая трава, на которой распростерлось огромное тело Воронова.

ХП

НЕ УШЛА

Много друзей потеряла Таня за все эти годы. Они уходили и не возвращались. Потом узнавала из газет об их судьбе.

Ушел жених, такой радостный и полный надежд. Шел почти на безнадежное дело, но был уверен, что скоро будет опять с ней, и ее уверил. До расстрела его держали несколько месяцев. Первое время она чуть не сошла с ума — все представляла, почти ощущала его, отделенного от нее непреодолимым препятствием. А потом как-то стряхнула с себя его образ и все ее горе вылилось в кипучую энергию. Она не думала о нем, но знала, что ее энергия вызвана его потерей.

Уходили друзья, с которыми годами жили вместе и делили все радости и печали, с которыми вместе шли на опасность и бывали под обстрелом.

Но никогда еще рядом с ней не убивало человека.

Ей больше не было страшно. Наоборот, стало совсем тихо, и ужасная усталость овладела ею.

Она продолжала неподвижно сидеть в челне. Тело Воронова лежало рядом на берегу. Но она на него не смотрела. Ее взор был устремлен куда-то вдаль, не то на реку, не то на леса. Но она ничего не видела перед собой, ничего не рассматривала.

Сперва откуда-то с того берега раздавались отдаленные выстрелы, но мало-помалу они стихли.

Она не обращала на них внимания — знала, что находится вне достижения пуль.

Так в каком-то оцепенении она просидела довольно долго. В голове почти не было мыслей. Усталость охватила ее мозг, руки, ноги.

Дохнуло вечерней прохладой. Таня вздрогнула, оглянулась кругом, увидала, что солнце уже совсем низко и как

бы вспомнила, что произошло.

Неподвижно лежал Воронов и эта неподвижность не вязалась в ее представлении с ним. Ей казалось, что вот-вот он двинет рукой, поднимется и встанет, и опять она будет чувствовать его силу и защиту.

С того момента как она почувствовала прикосновение его руки, когда он торопливо разрезал веревку, связывающую ее кисти, она твердо знала, что он в полном ее распоряжении.

И вот так неожиданно отлетел — больше никогда не встанет.

— Нет, нет, это не может быть, он должен жить. Ведь только что она любовалась, как красиво он взмахивал веслом, как зорко следил за струями, сворачивающими челн.

Он был так полон радости человека, принявшего важное для себя решение. Где же это все, это же не могло уйти так сразу и совсем?

А там, где-то сзади в лесах, другие такие же радостные, что им удалось ее освободить. Неужели и из них кто-нибудь замолк? Перед ней пронеслись все их лица. Который же затих навсегда?

«И все это из-за меня, — подумала она. — Как все вышло бессмысленно. Камень остался у них».

— Господи, зачем же это, когда же это все кончится? — громко сказала она.

Кругом, — в реке, в лесу, в траве на лугу вдоль берега — ощущалась такая бурная весенняя жизнь. Казалось, что было слышно движение соков в травах. Эту общую жизнь не прервать. Зачем же, зачем Воронов выбит из нее? Зачем так неподвижны его откинутые руки и так обострился его немного курносый нос?

— Господи, Господи, помоги людям, — сказала она, глубоко вздыхая.

Потом вдруг вспомнила, почему она тут, ощутила себя малюсеньким звеном какой-то огромной цепи, встряхнула головой, отбросила привычным жестом прядь волос, спустившихся на лоб, и выскочила из челна на берег.

Она выпрямилась, потянулась, как бы стряхивая с себя оцепенение, и вновь вся превратилась в движение.

Подошла к телу Воронова, быстро и решительно расстегнула его куртку и стала осматривать карманы. Из бокового кармана вынула бумажник, раскрыла его и просмотрела содержимое.

Сразу обратила внимание на листочек с карандашной записью. На нем был ряд имен, а наверху значилось: «Список секретных сотрудников».

«Вот как, о чем для нас позаботился, — горько улыбнулась Таня и взглянула на застывшее лицо мертвеца. — Хотел нам все рассказать. Ну, тебя там простят», — нежно подумала она.

Таня скинула с себя куртку и стала собирать камни вдоль берега. Потом нарезала ножом дерн и обложила тело камнем и дерном. Она торопилась, ей стало жарко и было так приятно, что вечерний ветерок продувает ее тоненькую голубую кофточку.

В ее голове остались только деловые мысли.

Когда тело было совсем закрыто, она сложила из камней крест и стала торопливо собираться в путь.

Таня оставила себе один револьвер и один карабин, а оружие Воронова бросила в воду вместе с его личными вещами, найденными в карманах. Только его ручные часы взяла себе. Потом взвалила на плечи мешок с провизией и потихоньку тяжелым шагом пошла к лесу. За спиной из-за мешка торчало дуло карабина.

Было уже почти темно.

Тане хотелось до ночи пересечь луг и кустарники в низине и войти в высокий лес, черневший на склоне холма, окаймлявшего долину. Там в лесу надо будет переночевать, а утром двинуться дальше на восток, к высокой горе, которую и сейчас еще можно было различить далеко на горизонте.

Она шла по мягкому влажному лугу. Мыслей никаких не было — одно стремление достичь ближайшую цель — лес на склоне холма и инстинктивное желание уйти как можно дальше от берега.

Очень скоро она почувствовала тяжесть мешка. Взялась обеими руками за ремни и на ходу встряхнула свою ношу. Какие-то твердые предметы в мешке больно ударили ее по спине.

— На патроны не похоже, — подумала она, остановилась и сбросила мешок с плеч.

В нем под сахаром, колбасой и другим провиантом, который запасливый Воронов взял с собой, лежали три небольших бруска золота.

Таню удивил их вес, казалось, совершенно не соответствующий размеру. Она в раздумье подержала один из брусков на руке, как бы взвешивая его, и потом вынула драгоценный груз и стала завязывать мешок.

«И этого не донести, досадно, почему мы, женщины, такие слабые», — подумала она. Опять вскинула мешок и карабин за плечи, а бруски, стоящие по несколько тысяч рублей, бросила под соседний куст.

Сыростью пахло от высоких, прямых как мачты деревьев, когда Таня уже в темноте вошла в лес.

Не останавливаясь, она стала подниматься по склону. Кругом было совершенно тихо, только иногда под ногами похрустывали ветки.

Она не ощущала ни одиночества, ни страха, наоборот, ей казалось, что она уходит от страха.

Через каких-нибудь полчаса она поднялась на самый верх холма, оглянулась кругом, выбрала место у большой сосны за камнем и расположилась на ночлег. От долгой ходьбы ноги казались тяжелыми и распухшими, и она с удовольствием сняла туфли. В темноте Таня порывалась в мешке, вытащила какую-то еду, закусила и из фляжки глотнула приятную горячую влагу. Крепкое вино обожгло ее и сразу разморило, она расчистила себе место, положила мешок под голову, а револьвер под руку. Она лежала на спине с открытыми глазами. Через высокие ветки деревьев, где-то в бесконечности, мерцали звезды. Что им до ее неудач, до того, что погиб Воронов? Как все это ничтожно по сравнению с ночной бесконечностью мира. И она одна, со-

вершенно одна. Ей стало страшно, но усталость одолела ее, и она быстро забылась.

Таня проснулась, когда было уже совершенно светло и лучи весеннего солнца приятно грели ее застывшие за ночь ноги.

Но не эти лучи разбудили ее. Она очнулась от сна сразу, и сразу все ее существо превратилось во внимание. Не было приятного состояния пробуждения. Она еще не видела опасности, но знала, что она где-то здесь, совсем близко. Она оглянулась крутом и увидела шагах в двадцати от себя морду зверя, внимательно смотрящего на нее.

Первую минуту она подумала, что это волк и инстинктивно взялась за револьвер. Но потом сразу разобрала, что это собака и поняла, какая это была собака.

Ей стало холодно. Зубы ударили друг о друга, но только на одно мгновение. Она крепко сжала их и холодное спокойствие, неожиданное для нее самой, охватило ее.

Собака была у нее на мушке. Сперва она хотела выстрелить, но потом раздумала. Собака же, увидев револьвер, глухо зарычала и, поджав хвост, отбежала довольно далеко назад, остановилась и опять стала внимательно смотреть на Таню, а потом залилась злым лаем.

Таня махнула револьвером и собака бросилась вниз по склону.

Таня быстро надела туфли, вытащила из волос шпильку, взяла ее в рот, обеими руками поправила с двух сторон волосы, аккуратно подобрала их и подоткнула шпилькой. Только сделав этот утренний туалет, она осторожно, стараясь не шуметь, выглянула из-за камня, огляделась вокруг.

Скачала она ничего не заметила.

Было уже девять часов утра и лес — деревья, кусты, трава — совершенно пробудились от сна и вбирали в себя утреннее солнце. Нигде не было никакого движения. Но вот она увидела собаку, быстро спускающуюся по склону, а навстречу ей поднялась человеческая фигура. Одна, дальше другая, потом третья.

Таня поняла, что она нарвалась на новый кордон.

«Спуститься вниз и отступить? Куда? Там сзади река, — подумала она. — Уходить вдоль гребня, но ученая собака уже нашла ее след».

Она лежала за большим камнем, осмотрелась кругом и, не вставая, быстро стала складывать из валявшихся кругом камней стенку с той стороны, с которой к ней подбегала собака. Потом осмотрела карабин и высыпала из мешка довольно много обойм.

— Уходить некуда, лучше ждать в крепости, — прошептала она, как бы уговаривая себя, что так действительно лучше. — А может быть, до вечера не найдут.

Но она сама хорошо знала, что это невозможно.

В щелку между камней ей хорошо был виден весь склон холма.

Солдаты окликнули собаку, а через некоторое время Таня уже видела, как собака, взятая на привязь, тянула своего поводыря наверх по направлению к ней.

Она расположилась поудобнее, проверила карабин, укрепила его и стала ждать. Она не ощущала никакого страха, была совершенно спокойна и, пока не разбирала лиц, как-то не думала, что перед ней люди. Те, кто двигался по склону, для нее были совершенно чужими существами и она их не могла связать с людьми, у которых есть дом, семья, дети.

Это были существа, которые охотятся за ней, и она зорко следила, как вдали они поднимались по склону. Таня насчитала сперва десять, потом двадцать человек. Собака тащила их прямо в ее сторону. Когда подошли шагов на двести, она остановилась и стала лаять.

Солдаты с винтовками наготове тоже остановились.

Только теперь Таня начала различать человеческие лица. Солдаты шепотом совещались, показывая в ее направлении. Опять двинулись вперед, но очень осторожно и все время сдерживая собаку.

Пять солдат подошли совсем близко, может быть, их отделяло от Таниной крепости шагов восемьдесят.

Таня держала их на мушке. Но когда лица стали совершенно ясны, когда она увидела движение личных муску-

лов, блеск глаз, услышала, как один из них тяжело дышал, ей стало жутко стрелять. Она ясно представила себе, как после первого же ее выстрела одно из этих молодых лиц сразу застынет и сделается неподвижным.

У них в руках тоже ружья. Они тоже готовы выпустить смертоносные пули, и Таня знала, что они не будут колебаться и выпустят их, как только найдут где враг.

Раньше ей приходилось обстреливать врага. Она его слышала и даже видела его мелькание в темноте и вспышки его выстрелов. Но ни разу еще человеческая цель не стояла так близко и открыто перед ней. Она забыла, что ей угрожает, и думала только об этих шедших на нее людях. Наконец она очнулась, тряхнула головой, поправила прядь волос, прицелилась и выстрелила из-за своего прикрытия.

Собака перевернулась в воздухе и упала на землю.

Ей не было жалко собаки — это был ее личный враг, предавший ее, и Таня была даже довольна, что помимо людей нашлась полезная цель.

Солдаты упали на землю и стали быстро расползаться, прячась за деревья. А потом каждый из них, найдя поудобнее место и понадежнее укрытие, открыл стрельбу по камням, за которыми лежала Таня.

— Сдавайтесь, все равно возьмем, — крикнул один из них.

Таня молчала. Она стреляла редко, целясь немного выше головы лежавших людей.

Солдаты сперва лежали неподвижно за деревьями, но ответы на их выстрелы были так редки, что один из них попробовал подняться, вероятно, намереваясь подойти ближе.

Таня прицелилась, выстрелила ему в ногу и он, вскрикнув, упал и, как-то неловко волоча ногу, стал отползать за дерево.

Другие начали стрелять энергичнее, но никто из них больше не пробовал приближаться к Таниной крепости.

Так неподвижно пролежали они друг против друга более часа. Таня внимательно следила за каждым движением

всех пятерых противников. Это напряженное внимание делало ее спокойной и отгоняло все мысли, кроме одной:

— Только бы дотянуть до темноты.

Прошло еще некоторое время. Выстрелы с обеих сторон прекратились. Кругом было совсем тихо. Солдаты лежали молча. Только раненый время от времени стонал, но боялся по открытому месту отползти назад.

Вдруг где-то справа раздался выстрел, пуля пронеслась над Таней и ударила в камень над ней. Она повернула голову и справа, с почти незащищенной стороны, увидела несколько солдат, осторожно ползущих по земле с ружьями наготове.

«Обошли», — пронеслась мысль.

Она повернула в их сторону карабин, но не успела ни спустить курка, ни по-настоящему оценить новую обстановку, как что-то ударило ей в правое плечо. Она ощутила острую боль и потеряла сознание.

Когда лесные люди торопливо распределяли золото в свои мешки, Паркер неподвижно стоял в коридоре около обезоруженных солдат и внимательно наблюдал за тем, что происходит кругом. Он старался не смотреть на Таню, но все время остро ощущал ее присутствие. У него даже мелькнула мысль уйти вместе с ними, не отпускать ее без себя. Но слишком настойчива была ее инструкция, и он понимал, что обязан ее выполнять.

Как только лесные люди ушли и сторожа начали осторожно двигаться по полутемному коридору, Паркер подошел к раненому Хилидзе и опустился перед ним на колени. Грузин был без сознания и лежал в луже собственной крови. Паркер быстро расстегнул его куртку, сорвал рубашку и увидел ножевую рану в боку.

— Воды скорее, — приказал он столпившимся вокруг сторожам, — он уже достаточно овладел русским языком, чтобы вести простой разговор.

— Бегите за фельдшером, нечего вам здесь толпиться. Один держи свечку, — распоряжался он.

Он внимательно стал осматривать Хиридзе и его рука случайно наткнулась на какой-то небольшой выпуклый предмет в кармане грузина. Сперва он не обратил на это внимания, но наткнулся опять, даже зацепился пальцами. Предмет был необычайной формы, что и привлекло его внимание, как всегда все необычайное.

«Странно, зачем у него в кармане камень», — подумал он. А потом сам себе ответил и не мог сдержать радостной улыбки.

Но имеет ли он право его взять? Это воровство. Украсть, да еще у человека в таком состоянии.

«Нет, нет, невозможно», — говорил внутри один голос.

«А он-то сам его не украл, не отнял от других?» — возражал другой.

«Нет, конечно, не украл. Это государственное добро, и Хиридзе защищает интересы общества против посягательства отдельных лиц».

«Да, но действительно ли он является защитником общественных интересов?»

Все это пронеслось в голове Паркера и он вспомнил, как Таня относилась к этим защитникам общественных интересов.

Она встала перед ним, сейчас где-то бредущая по лесу, как зверек. Нелегко ей сознавать, что ее затея не удалась...

— Опусть ниже свечу, посвети мне поближе, — приказал Паркер сторожу. Тот покорно исполнил приказание. Паркер случайно рукавом задел свечу и она выпала из рук сторожа.

Когда сторож чиркнул спичкой, камень уже был в кармане у Паркера.

Принесли воды. Прибежал испуганный фельдшер, обмыл и перевязал рану.

Потом перенесли Хиридзе в соседнюю комнату и положили на кровать.

Через некоторое время он открыл глаза и осмотрелся, видимо, не понимая, что с ним случилось. Потом увидел

Паркера, нахмурил брови и прошептал в полубреду:

— Бандиты, иностранные шпионы, арестуйте его, — и опять впал в забытье.

В комнате находился фельдшер и несколько стражников, но все хорошо понимали, что приказание начальника дано в бреду,

— Оставьте его, ему надо покой, уйдите все, а я останусь с ним, — сказал фельдшер.

Паркер спустился по лестнице с крыльца. Внизу кругом дома молча стояли любопытные.

— Он будет жив, — коротко бросил Паркер и быстро пошел к себе в дом. Но, не доходя, он остановился, как будто что-то соображая.

«Там не спрятать», — подумал он и вместо того, чтобы войти в дом, он повернул в маленький садик за домом. Он прошел, почти пробежал до конца сада. Осмотрел забор, прислушался — кругом не было ни одного звука — и спрятал камень у столбика под мягкий мох.

Паркер проснулся от стука в дверь. Он проспал свое обычное время. Солнце стояло уже высоко.

Он вспомнил ночное происшествие, только когда явилась обычная утренняя мысль о Тане, обычное сознание, что она где-то под этой же крышей, там, в конце коридора.

«Ее там больше нет», — пронеслось в его голове, и вся картина ночных событий встала перед ним.

«Где же она сейчас?»

— Вас, господин, товарищ начальник к себе просит, — услышал он голос за дверью.

Он сразу вскочил. А может быть, там уже получены сведения о ней. Если получены, то плохо, очень плохо.

Быстро одевшись, он прошел в управление.

Хилидзе, бледный, с горящими глазами, лежал в своей комнате.

— Спасибо, м-р Паркер, мне доложили, что вы первый оказали мне помощь. Я это очень ценю, спасибо, — и он с усилием протянул руку англичанину.

— Не за что благодарить, каждый обязан оказывать раненому помощь. А кроме того, я у вас в долгу. Мне так не-

приятно, что моя переводчица оказалась бандиткой.

Он сам был удивлен, с какой легкостью он лгал. Он не умел лгать и никогда не лгал. А тут вдруг такое спокойствие.

— Но эта ложь необходима для нее, — как бы оправдывался Паркер перед самим собой.

Хилидзе пристально посмотрел на англичанина.

— Да, бандитка, и я не могу понять, как наши в Париже позволили ей поехать. Барствуют там, вот прорыв и происходит. Ну ничего, всех их переловим. Жаль, что камень пропадет, ну, да и это ничего.

Вот за Воронова действительно досадно. Какое вырождение, какое плохое влияние европейской нездоровой жизни. Не ездил бы туда, ничего бы с ним не произошло. Ведь был верным стражем революции. Считался одним из лучших работников. Никто в нем не сомневался. Всех поймал и его поймал. Посланы большие отряды. Никто не уйдет.

— Да, надо постараться поймать, — ответил Паркер, — это единственное, что меня успокоит.

«Что со мной, откуда у меня такая наглость?» — внутренне усмехнулся англичанин. И когда ему стало страшно, до ужаса страшно, что ее поймают, он понял, откуда это.

— А о каком камне вы говорите? — спросил он грузина, снял очки и стал их усердно протирать.

Откуда мог Хилидзе знать, что этот жест у Паркера выражает большое волнение?

— Как о каком, как о каком, ах, да вы же не знаете.

И он рассказал историю с брильянтом.

Паркер слушал невнимательно и погрузился в свои думы. Когда грузин кончил, он сказал:

— Ну, еще не все потеряно. Когда вы их поймаете, можно будет заставить сказать, где брильянт.

Хилидзе задержал Паркера у себя, а когда через полчаса англичанин вернулся домой, то нашел свою комнату совершенно перерытой.

«У меня, вероятно, прирожденный талант заговорщика», — подумал он, вспомнив, что камень спрятан в саду.

— В чем дело? — спросил он одного из сторожей, выходящего из соседней комнаты Воронова.

— Товарищ начальник приказал обыскать все помещение, да не только этот дом, а вообще многих служащих и рабочих в Отрадном.

«Синее золото у химиков, — пронеслось в голове Паркера. Свое он держал в такой смеси руды, что только специалисты могли бы до него добраться. — Ну да и те, вероятно, не дураки», — усмехнулся он.

Он сразу же пошел к Хилидзе.

— Почему обыскивали мою комнату? Я думал, вы оцените мое отношение к вам, — и Паркер сделал недовольный вид.

— Не могу, г. Паркер, не могу, — оправдывался грузин. — Мне даже пришлось распорядиться вас временно арестовать. Я уже под свою ответственность не исполнил. Вижу, что вы хотите нам помочь. Попросил распорядиться отменить.

— Что же, арестуйте, — усмехнулся Паркер. —хлопот вам будет много, а толку никакого.

— Нет, нет, они поймут, что вы к этому не имеете никакого отношения, — оправдывался Хилидзе.

— А что же вы нашли у меня и в комнатах Воронова и Диковой? — спросил Паркер.

— У этих негодяев ничего не нашли — ни одной записочки, умные бестии. А ваши записи я должен буду показать переводчику, который на днях приезжает сюда.

— Господин Паркер, господин Паркер, — кричал Хилидзе под окном Паркера на четвертый день вечером. — Поймали, поймали, Дикovu поймали. И тело Воронова нашли. А остальные бандиты ушли. Я к вам, можно к вам?

Никогда раньше у Паркера не дрожали руки. Внутри похолодело и точно что-то опустилось. Он не мог сразу ни ответить, ни поймать дрожащими руками очки. Буквы за-

прыгали в книге, которая лежала перед ним.

Но он быстро пришел в себя. С шумом отодвинул стул, точно этим стуком можно было скрыть его волнение, и немного глуховатым голосом ответил:

— Ну вот и хорошо. Я уже в пижаме. Сейчас оденусь и приду к вам.

Он выгадывал время, чтобы успокоиться и прийти в себя. А перед ним вставала Таня, тонкая и хрупкая среди огромных солдат в длинных шинелях. Кровь показалась ему на ее лице.

Через десять минут он, уже внешне спокойный, слушал рассказ Хилидзе.

— Одна, как волчонок, отбивалась до последней возможности. Знаете, она наш враг, но все же молодчина. Даже как-то жаль, что придется ликвидировать, — с какой-то задумчивостью сказал Хилидзе. — Такие, когда и погибают, другим пример показывают. Сообщают, что солдаты сразу не решались подойти даже к раненой. Думали, что там засада и их много.

Только досадно, камня на ней не было. Те бандиты унесли.

ХІІІ

ТРЕВОГА В ПАРИЖЕ

С того дня, как Бернье проводил свою секретаршу на Северном вокзале, он все время был в раздраженном настроении. Он всем был недоволен, и ему никто не мог угодить. Больше всего доставалось машинисткам, которых ему присылали из нижнего этажа. Он все время их менял и один раз даже накричал на заведующего персоналом, упрекнув его, что он присылает директору одних дур.

Эта раздражительность Бернье была вызвана тем, что он не хотел себе признаться в том, что очень скучал по своей русской секретарше.

Сперва он старался быть больше занятым, разрабатывая новые планы расширения торговых сношений с одной заокеанской державой. Однако это его не успокоило, тогда он стал развлекаться. Наступал парижский сезон и его высокую фигуру с гвоздикой в петличке можно было видеть на всех праздниках.

Как-то он поехал в русскую оперу, шел «Град Китеж».

Бернье почти не мог смотреть. Перед ним все время стояла его секретарша в уральских лесах.

Его сердил уговор с Таней — не писать писем. Она так естественно объяснила это — ведь несомненно за ней будут следить и письма просматривать. Несколько раз они обменялись телеграммами. От Паркера были письма.

Он был очень доволен своей работой и переводчицей.

— Еще бы не доволен, — мелькнуло у Бернье в голове, и ему как-то стало неприятно.

Он скучал, но не беспокоился о своей секретарше. О чем же было беспокоиться? Впервые некоторая тревога закралась в него, когда, как-то, уже много недель спустя по ее отъезде, к нему явился Ланг.

Своим приторно ласковым и вкрадчивым голосом он стал спрашивать какие-то дополнительные сведения о Ди-

ковой.

— Где она была в прошлом году? А уверен ли м. Бернье, что она уже два года как служит в компании?

Сидя за своим огромным письменным столом в рабочем кабинете, Бернье внимательно посмотрел на Ланга, который присел на краешке стула, стоявшего сбоку у стола — вся его фигура выражала готовность. Французский делец даже не столько посмотрел на своего собеседника, сколько осмотрел его и не сразу ответил, как бы выжидая дальнейших расспросов.

— Прошлым летом работала здесь в бюро, так же как и позапрошлым, — наконец ответил он. — А в июне ездила в отпуск.

— Куда в отпуск? — подскочил Ланг. — Вы знаете куда?

— Ну конечно, знаю. Под Дижон. Я даже проезжал мимо и виделся с ней. Но позвольте. Зачем вам все это? В чем дело? Что случилось?

— Нет, нет ничего, — заторопился Ланг, — но знаете, наши педанты требуют дополнительных сведений. Все-таки она дочь русского эмигранта.

Впервые за все долгие годы очень тонкой работы Ланг почувствовал некоторую растерянность. Накануне он получил срочное сообщение, что Татьяна Дикова опасная активная контрреволюционерка, уже много раз переходившая советскую границу.

В июне прошлого года она была задержана, но бежала, В кармане у него была фотография. Не было никакого сомнения, что это та самая женщина, в обществе которой он когда-то ужинал в монмартском ресторане и которую вместе с Бернье провожал на Северном вокзале. Он ничего не мог понять. Но ему не было разрешено делиться с Бернье своими сомнениями.

Через неделю Ланг влетел к Бернье почти без доклада.

— Вот видите, м. Бернье, я был прав. Она оказалась вместе с бандитами. Но поймана, поймана. От нас не уйдешь, — быстро говорил он на своем скверном французском языке и, вероятно, от волнения капли пота выступили у него на лбу.

— Кто пойман? Кто оказался с бандитами?

— Ваша секретарша Дикова.

— Это не может быть, — ответил француз, вставая.

— Но вот телеграмма. Да, да, это она в прошлом году тайно переходила границу нашего государства.

— Послушайте, что вы врете, это какой-то шантаж, марш отсюда. Я буду объясняться с вашим начальством. Сейчас же вон отсюда, поняли, — и он грозно подошел к непрошеному визитеру.

Ланг отбежал к двери, остановился и снова подошел к Бернье.

— Я не вру. Это так и есть. Очень неприятно. Возникнут деловые затруднения, — стал быстро говорить он с оттенком упрека в голосе. — Как же это вышло, как же вы не знали?..

— Да что вышло? Это совершенная ложь, что она была прошлым летом в России. — Бернье невольно вспомнил рассказы о провокационных методах советского сыскного аппарата. — Я не верю и, пока не получу от Паркера сообщения, не поверю. Все ваши сведения о каких-то ее поездках сплошная выдумка... А где Воронов?.. — резко оборвал он.

— Воронов, Воронов, — замялся Ланг, — он тоже с ними.

— С кем с ними?

— С бандитами.

Бернье даже отступил от Ланга, потом схватил его за лацканы пиджака и начал трясти.

— Вы все врете. Воронову было поручено похитить Дикову. Теперь я понял. Я так не оставляю этого дела. Я вас сделаю лично ответственным за исчезновение моей секретарши. Говорите, где она? Сейчас же говорите.

— В тюремной больнице города Н.

— А Воронов?

— Воронов убит.

— Так я и поверю. Кем убит?

Ланг вдруг сам усомнился в правильности своей информации. За эти дни он навел справки о передвижении Диковой за последние годы и выяснил, что она действительно

но никуда не уезжала из Франции с детских лет.

Казалось, он знал все приемы своего начальства, но никак не мог понять, что произошло. Вся эта история могла совершенно испортить его карьеру. Ведь это он, ожидая от Бернье компенсации, два месяца тому назад выхлопотал разрешение на поездку в Россию секретарше директора Компании редких металлов. Начальство никогда не простит ему такой промах.

Но ведь она раньше никуда не выезжала из Франции, — в этом для Ланга не было никакого сомнения. У него голова шла кругом и он решил все поднять на ноги, чтобы выяснить, в чем дело. Прежде всего, надо было усилить наблюдение за семьей Диковой.

Бернье, после разговора с Лангом, сразу же бросился к высокоименитым особам.

— Это провокация, — горячился он в кабинете советского дипломата. — Если вы не отпустите мою секретаршу, от этого пострадает торговля между двумя странами.

— Но г. директор, она...

— Она ничего, это все ложь. Она все время находилась при мне.

Через несколько дней, однако, он получил письмо, сильно поразившее его. Сведения Ланга о том, что Таня в тюремной больнице, подтвердились. Паркер обещал позже сообщить более подробные данные, а сейчас писал наспех и только указывал, что ее необходимо задержать до выздоровления в местной больнице.

А еще через несколько дней Бернье получил открытку от своей секретарши из одного из пограничных с Россией государств. Он хорошо знал ее почерк. Она писала:

«Я во многом виновата перед вами, но поверьте мне — гораздо меньше, чем вам говорят. Мне сейчас очень трудно. Сделайте, что можете. До выздоровления невозможно быть перевезенной в другое место. Передвижение будет роковым, я уверена, что вы употребите все свое влияние для этого».

Бернье повертел открытку в руках.

— Что за история, ничего не понимаю, — сказал он сам себе.

Он вызвал отца Диковой. Тот сказал, что ничего не знал о неприятностях, происшедших с его дочерью. Бернье внимательно следил за ним, когда рассказывал то, что ему было сообщено.

— Г. директор, я не верю, что моя дочь это сделала. Это провокация. У меня к вам только одна просьба — постараться исполнить то, что она просит.

Бернье был поражен кажущимся спокойствием своего собеседника. Он взглянул на него и увидел перед собой серые глаза своей Секретарши.

Ему даже стало неприятно.

— Вас не волнует эта история? — спросил француз.

— Как не волнует?. Я-то знаю, что ей угрожает.

Диков соврал Бернье. Он уже знал о происшедшем. Паркер в точности исполнил просьбу Тани и как только Хилидзе сообщил ему, что она арестована, послал открытку по указанному адресу.

Сведение о неудаче произвело ошеломляющее впечатление на друзей Тани. Они были уверены в ее успехе. Верили в ее счастливую звезду. Ее удачи всегда ободряли друзей, даже когда они шли на самые безнадежные дела. Кроме того, продажа брильянта должна была дать им хорошие средства для дальнейшей работы. Они так на это рассчитывали.

— «Синица ранена, лежит в тюремной больнице города Н.» — было сообщено в разные стороны.

Таня любила свою птичью кличку. Она была известна только очень немногим друзьям, с которыми она делила все опасности своей жизни, и ей казалось, что это прозвище скрывает ее от всего мира.

Диков знал, что с момента отъезда его дочери из Парижа за ним идет усиленное наблюдение, и к нему на дом

по делам никто не являлся. Он стоял на стоянке на шумной улице центрального Парижа, когда его взяла нарядная дама.

— Синица задержана, — быстро говорила она, когда они ехали по большим бульварам. — О судьбе камня ничего не известно. Сегодня вечером тебя просят быть на ярмарке в Сен-Клу.

Народу на ярмарке было много. Диков долго стоял у лотка, где разыгрывались сахар и шампанское. Он несколько раз ставил по 35 сен., но никак не мог выиграть.

Наконец его тронули за рукав.

Их было трое. Все были одеты как французские рабочие — вместо воротников шарфы. Грызли какауэтки. Двое были совсем молодые, бросалось в глаза их атлетическое телосложение и какая-то почти картинная красота одного из них. Смуглый, с прямым носом и небольшими усами, из-под которых виднелось линия тонких губ, он привлекал внимание не то дерзостью, не то наглостью своего выражения.

Они двигались небрежной походкой ротозеев.

Старшему было за пятьдесят. Маленький, весь подтянутый, с коротко стриженными седеющими усами, с первого взгляда он не привлекал внимания. Даже его поношенный костюмчик и кепи как-то совершенно сливались с толпой.

Но внимательное изучение его лица обнаруживало какую-то напряженную сконцентрированность. Оно было подобрано, подтянуто и точно все сведено в фокус, которым служили два прищуренных острых глаза. Брови были чуть-чуть нахмурены и от обоих глаз к вискам шло по морщинке.

Он казался весь каким-то невесомым и шел легкой походкой, порой точно не касаясь земли.

Этот маленький человек с пепельными волосами был главой и абсолютным диктатором тайной организации, которая боролась с большевиками.

Выдающийся московский юрист, Песков, был расстрелян в самом начале революции. Расстреливали около тридцати человек. Было еще темно, солдаты торопились и не за-

метили, как четыре человека после первого залпа расплозились в разные стороны.

Имя Пескова было помещено в списке расстрелянных, и с тех пор только очень немногие знали настоящее имя этого маленького человека. Свои звали его дядя Володя, а для чужих у него было много разных имен.

Все четверо пошли вдоль ярмарки.

— Синица в клетке и подранена, — быстро сообщили они Дикову, — мы едем. Если в Москву не перевезут, может быть, что-нибудь удастся сделать. Но шансов очень мало. Почти никаких. Через Таню нажимайте на француза. Необходимо до нашего приезда ее задержать там, где она сейчас.

— Вам нельзя ехать, дядя Володя, нельзя подвергать себя такому риску, — сказал Диков.

— Нет, нет, я еду. Вопрос решен. Прошу его не обсуждать. Я ее отправил, я же сам должен ее выручить.

Они остановились у клеток с птицами и продолжали тихо беседовать между собой.

— Смотри, вон там парнишка, он от нас не отходит. А вон там другой, — заметил один на молодых людей.

Дядя Володя пристально посмотрел на сыщика и сквозь зубы сказал:

— Ликвидируй его, Гога, нам нужно остаться одним.

Они поднимались вдоль ярмарки. Не прошло и нескольких минут, как Гога подскочил к парнишке, взял его за шиворот и начал кричать:

— Вора поймал, карманника, ведите его в полицию.

Французская толпа сразу встрепелулась, заволновалась. Каждый схватился за свой карман. Может быть, и у него украли и его ограбили. Их окружили.

— Вот мерзавец, только что вытащил портсигар у моего приятеля, совсем новенький портсигар, — объяснял Гога, держа парнишку за шиворот. — А ну, покажи-ка, что у тебя в кармане.

— Да что вы, да я ничего не крал, — растерянно отвечал человек, следивший за дядей Володией и его компаньонами.

— Как не крал, а это что? — и Гога вытащил у него из кармана большой синий портсигар с металлическими буквами.

— Не украл, знаем мы вас, не украл, — продолжал Гога. — А ну-ка, мосье, — обратился он к Дикову, — покажите ваш кошелек.

Диков увидел свой портсигар, вытащенный из кармана парнишки, и не сразу сообразил, в чем дело. Но когда он вынул из своего кармана синий кошелек с совершенно такими же металлическими буквами, как на портсигаре, толпа ахнула. Не было никакого сомнения, что обе вещи принадлежат одному владельцу.

У парнишки был совершенно растерянный вид.

— Зовите полицию, тащите его в полицию, — слышались голоса из толпы.

— Чего там в полицию, бей его, — раздался голос где-то в задних рядах, и Диков узнал второго компаньона дяди Володи. Парнишку схватили несколько французов. Гога юркнул в толпу, пробрался через нее и подошел к своим.

— Ну, теперь уходим. А то еще разберут, в чем дело. Пусть хорошенько проучат, чтобы знал, что сыщиком быть не так безопасно.

Все четверо стали быстро подниматься к парку Сен-Клу.

Несмотря на все уговоры Дикова, дядя Володя не изменил своего решения. В ближайшие дни вместе с обоими компаньонами он должен был отправиться на выручку Синицы.

XIV

ДВЕ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ

Доктор сделал неловкое движение, надавил на больную кость при перевязке, и Таня очнулась от боли. Она лежала на кровати в высокой комнате, над ней склонилось несколько лиц в белых халатах. Она рассмотрела сосредоточенное лицо доктора с густыми усами и черной бородкой и два молоденьких женских лица, внимательно следивших за его движениями.

В ногах кровати стоял человек в черной куртке с энергичным лицом. Она открыла глаза и обвела всех взглядом. Глаза встретились со взглядом одной из сестер, и она сразу вспомнила Хилидзе. Это был такой же горячий и недоверчиво враждебный взгляд.

Она вспомнила все остальное, поняла, где она находится и закрыла глаза. Больше не было больно, но не хотелось смотреть.

— Ну, как? — услышала она. Это был, несомненно, голос того человека в куртке.

— Ничего, выживет. Опасность прошла.

Шесть дней боролась Таня со смертью и по распоряжению властей, которые считали ее очень опасной преступницей, было сделано все возможное, чтобы не дать ей умереть.

Солдаты в лесу подобрали ее, раненую в ключицу и в ногу. Они не сомневались, что захватят несколько человек и были совершенно потрясены найти за камнем одну тяжело раненую женщину.

— Где же другие? — вырвалось у одного из них.

— Чего другие, видишь, была одна.

— Так это мы ее одну не смели взять? Тоже вояки, — засмеялся третий. Он залюбовался ее пышными волосами и вдруг стало совестно, что они ее подстрелили.

— Смотри, жива. Лучше бы сразу кончили. Все равно не выкрутится.

— Ну, ладно рассуждать. Давай бинт, надо перевязать.

Первая перевязка была сделана наспех и неумело. По лесу пришлось идти целый день и ночь, пока донесли раненую до ближайшего доктора. Уже начался воспалительный процесс, поднялась температура, и в город ее привезли через день в очень опасном положении.

Но такую добычу нельзя было выпускать, не используя ее до конца, да и брильянт хотелось найти.

Хилидзе в своем докладе высказал уверенность, что камень похитили у него из кармана во время ночного нападения.

Таня долго еще лежала с закрытыми глазами. Она ощущала бинты на ноге и на плече, но у нее ничего не болело. Не хотелось двигаться.

Перед ней пронеслось все пережитое. Она поймана, Воронов погиб. Камня нет. Что с друзьями? А Паркер? Ее выхаживают, чтобы потом ликвидировать. Она это сказала про себя, но по-настоящему не ощутила. Во всем теле было приятное чувство выздоровления. Она понимала, что выжила, и в ту минуту бессознательно, не отдавая себе отчета, всем своим существом радовались этому.

В комнате было совсем тихо. Она думала, что никого нет и опять открыла глаза.

Она лежала одна в большой комнате, головой к окну. В комнате было совершенно пусто. Только по острому запаху смеси лекарств и дезинфекции можно было заключить, что она в больнице. Она была укрыта грубой простыней какого-то серовато-желтого цвета и сереньким старым одеялом. Иногда из-за двери доносились отдаленные звуки, то вздохи больных, то бодрые и короткие фразы персонала. Кругом в комнате было совершенно пусто, только у двери в плетеном кресле сидела совсем молоденькая девушка в белом халате.

Их взгляды опять встретились, и девушка сразу встала и подошла к Тане, которая продолжала лежать совершенно неподвижно. Одеяло было натянуто до самого лица. Ле-

вая перевязанная рука лежала поверх, а правая была спрятана под одеяло.

Молоденькая сестра нагнулась над больной и спросила деловитым официальным тоном, сдержанно-строго смотря на нее:

— Вам что-нибудь нужно?

— Спасибо, ничего, мне удобно, — чуть-чуть улыбаясь, ответила Таня. — Но где я, как я сюда попала?

— Вы в больнице. Но находитесь в распоряжении следователя по особым делам. Вы обвиняетесь в государственном преступлении. Вы под арестом.

Таня не сразу ответила. Она прикрыла глаза, вновь их открыла и делала вид, что из-за слабости ей трудно говорить. Открывая глаза, она рассматривала сестру с красивыми чертами лица и заметила, как у нее отполированы ногти и аккуратно подвязана косынка, так что только с бровей около висков чуть заметны два темных локона.

— Можно зеркало, сестрица? — спросила она слабым голосом.

Сестра ждала от больной бурной реакции, может быть, истерики.

Хатима Джеединова были не просто госпитальная сестра, а комсомолка, пользующаяся особым доверием властей, вызванная дежурить в госпиталь к важной преступнице. Она чередовалась со своей подругой Дуней Широкой. Им обоим было строго внушено, что на их обязанности не только уход, но и охрана больной № 105, которая белобандитка и должна быть отправлена в Москву, как только поправится. Ни ее имени, ни фамилии никто в госпитале не знал и ни в каких газетах, конечно, не было ничего напечатано о происшествиях в Оградном и охоте за беглецами в лесах.

Вопрос был такой неожиданный, что Хатима в первую минуту растерялась.

— Зеркало, зеркало? — она оглянулась кругом. — Тут нет зеркала. Но подождите, я сейчас.

Она легко перебежала комнату, вынула из своей сильно потертой сумочки маленькое зеркальце и принесла боль-

ной.

— Ух, какая я страшная стала, — слабо улыбаясь, говорила Таня, рассматривая себя в зеркало. — Хоть бы попудриться немного. Я вспомнила, у меня в кармане была пудра. Можете дать?

— Нет, ваших вещей здесь нет. Надо просить разрешение следователя. Если хотите, я передам вашу просьбу.

— Нет, нет, пожалуйста, не надо. Глупая привычка. Для чего это надо? Все равно.

Она на мгновение закрыла глаза.

Хатима стояла перед ней, и больная заметила, как исчезло официальное выражение на ее лице.

— Хотите, я вам дам пудры. Но у меня слишком темная, ваша кожа светлее.

— Ничего, спасибо. Я так привыкла, теперь все лицо точно тянет.

Хатима принесла с кресла бумажную коробку с пудрой.

Таня попросила подержать зеркало и привычным жестом напудрила себе нос и щеки.

— Да, пудра не такая, как у нас в Париже, — сказала она тихо.

— В Париже? А вы из Парижа? Ах, как интересно. Как же вы сюда попали? — оживленно спросила сестра.

Таня поняла из разговора, что молодая татарка не только не знала, что она сделала, но даже не знала ее имени. Молодую коммунистку очень интересовали рассказы Тани о парижских нарядах и жизни. Она слушала с напряженным вниманием и хотела знать как можно больше, расспрашивая о подробностях. Таня говорила медленно и делала вид, что она слабее, чем была на самом деле.

— Ах, как все это интересно, а нам иначе рассказывают, — воскликнула Хатима. — Неужели правда, пудра и краски для ногтей там так дешевы, что каждая работница может их купить? У нас совсем не так. Ну, я заболталась. Так нельзя. Скоро будет смена. Придет Дуня. Она строгая и красоту не любит, и потом, знаете, еще доложит по начальству, что я с вами болтаю.

— Как доложит, она же ваша подруга, вы же принадлежите к одной организации?

— Да, но мы обязаны следить друг за другом, только это может создать общую линию поведения.

До смены сестер в комнату зашел тот человек, который стоял у ее постели, когда делали перевязку. Он подошел к больной. Таня лежала с открытыми глазами, но он не поздоровался и как будто не обратил на нее внимания.

— Как температура? — спросил он сестру. — Пьете как предписано? Никаких особых замечаний?

Таня молча наблюдала, как Хатима с волнением рапортовала начальству, но ничего не упомянула об их разговоре.

Дуня Широкая, которая сменила Хатиму в девять часов, была совершенно другого типа. Маленькая, с круглым белым лицом со вздернутым носом, она подошла к кровати, одернула одеяло, осмотрела больную, но даже не поздоровалась с ней.

Таня молча наблюдала за ее движениями.

— Можно попить? — попросила она.

Дуня без слов протянула стакан. В течение всей ночи они обменялись только несколькими деловыми замечаниями. Таня наблюдала за своим суровым стражем и не хотела первая начать разговор.

Утром опять пришла Хатима и опять болтала со своей пленницей о парижских нарядах. Вечером сменила ее молчаливая Дуня.

Так прошло несколько дней.

Однажды вечером человек в куртке сказал Тане:

— Вы теперь достаточно окрепли, завтра в два я вас буду допрашивать.

— Здравствуйтесь, сестра, — сказала Таня в тот вечер, когда пришла Широкая, — не пора ли нам с вами начать здороваться?

— Зачем нам здороваться? — ответила Дуня. — Вы наш враг.

— Чей враг?

— Всего народа.

— А почему вы так думаете?
— Потому что вы хотите зла.
— Кому я хочу зла?
— Советской власти, а значит, и народу.
— Но почему вы отождествляете советскую власть с народом? Почему вы думаете, что я хочу зла народу? — попытывалась Таня, приподнявшись на подушках.
— Мне сказали товарищи.
— А не кажется ли вам, что и меня можно было бы спросить?
— Я вам не верю и не хочу верить, — с вызовом в голосе отвечала Дуня.
— А товарищам верите, они всегда правду говорят? Все исполняют, что обещают? — резко спросила Таня.
Сестра пристально посмотрела на нее и вспомнила, как многие обещания никогда не были исполнены.
— А что же вы обещаете? — спросила она больную с иронией в голосе.
— Мы ничего не обещаем, мы хотим только, чтобы все жили свободно, чтобы люди не боялись бы друг друга и не смотрели бы друг на друга как звери. Что вам ваша власть дала? Что же, сейчас лучше жить, чем было раньше?
— Конечно, лучше. Вон сейчас белый хлеб можно в лавках купить, а два года тому назад и черного не было. Все у нас улучшается. Это вы нам мешаете. Вы кулаки, буржуи и попы...
— Но ведь вы глупости говорите, — резко оборвала Таня. — До революции-то хлеба в лавках было сколько угодно, и люди жили мирно и друг за другом не следили. Вон вы, две товарки с Хатимой, а друг друга боитесь. Вы говорите народ, народ, а посмотрите-ка, народ-то не может существовать на свои заработки. Разве вы это не видите?
Дуня это видела и хорошо знала, но не любила об этом разговаривать и думать. Ее молодое сердце искало ясности и правды. Ей так хотелось верить, что через коммунизм человечество действительно придет к золотому веку. Но на этот раз резкость вопросов совершенно чужого человека ее поразила и заинтересовала.

— А что вы-то предлагаете? — опять спросила она у больной, но уже более мягким голосом.

— Я же вам сказала. Прежде всего люди должны доверять друг другу и жить в мире. Вот мы две русские женщины. Неужели мы действительно враги, должны уничтожать друг друга? Что мы не поделили? Вы хотите правды, и я хочу правды. Может быть, мы могли бы ее найти общими усилиями, а для того надо иметь право свободного обсуждения, которое вы отняли от людей.

Их беседа затянулась поздно за полночь. Дуня стояла над кроватью больной и торопилась находить быстрые ответы на вопросы и обвинения своей пленницы.

— Мы не можем вам верить. Вы наш классовый враг, — твердила она, — ваши интересы не сходятся с нашими.

— Но мы ведь все люди с одинаковыми чувствами, радостями и горестями. Везде бывают худые и хорошие, — отвечала Таня.

— Да, да это правда, хорошие все-таки бывают везде, — согласилась сестра. — Вот в Великую войну у моего отца был командир, тоже наверное белогвардеец. А спас моего отца, своего солдата, сам рискуя жизнью. Вылез из окопа, подполз к раненому и помог ему добраться до своих, не боялся неприятельского огня. Отец всегда повторяет, вот бы таких людей побольше, жить было бы лучше. Слышали мы, что потом он погиб со всей семьей.

Комната освещалась маленькой лампочкой у кресла сестры. Лица обеих девушек были покрыты тенью, и Дуня не заметила, как Таня бросила на нее испытующий взгляд.

— А где ваш отец сейчас? — спросила больная.

— Мастер в здешнем железнодорожном депо.

— Спросите его, помнит ли он дочку своего командира, что к нему в гости приходила, когда он лежал в госпитале.

Сестра посмотрела на Таню с удивлением.

— Почему?.. А вы почему знаете, что такая была? — спросила она.

Больная слабо улыбнулась.

— Так, знаю. Вы ему кланяйтесь.

— От кого кланяться-то, ведь та-то давно погибла? Он

карточку хранит, всегда вспоминает.

— А вы карточку-то возьмите, да на нее внимательнее посмотрите, — посоветовала Таня.

Дуня искоса взглянула на больную, она заволновалась. Сколько раз она слышала от отца, с которым жила, рассказ о той маленькой Тане, дочери его командира, которая приносила ему в госпиталь папиросы и шоколад, и образ которой был связан в ее представлении с чем-то детски добрым и приветливым. Но она же давно погибла вместе со всей семьей, в этом не было никакого сомнения.

— А вы хорошенько посмотрите на фотографию, — снова улыбнулась Таня. Она видела, как Дуню взволновал разговор и как она все время внимательно ее рассматривала.

— Давайте спать, очень поздно, — предложила больная.

Таня проснулась поздно. Солнечный луч играл на стене, как раз против ее кровати. Она проснулась с каким-то спокойным, даже радостным чувством и сразу не могла понять, в чем дело. Ведь она ранена, находится в руках своих врагов и ей не будет пощады.

А потом вдруг вспомнила разговор с Дуней. Неужели действительно это дочка Широкого? Неужели он тут, где-то близко — этот молодой и приветливый солдат, который ей и ее матери все твердил в госпитале:

— Вы уж не сомневайтесь. Сто ле пройдет, а ни дети, ни внуки мои вас не забудут. Если когда нужно — прямо к нам.

За эти четыре дня, что она пришла в сознание, Таня до конца никак не могла почувствовать себя безнадежной пленницей.

Кроме доктора, двух сестер и человека в черной куртке, она никого не видала. С ней были все очень внимательны, совсем как с кроликом, которого готовят к последним опытам.

Человек в черной куртке — ее следователь — за эти дни обменялся с ней только двумя-тремя фразами.

Днем он пришел с портфелем под мышкой и в сопровождении секретаря. Он приказал Хатиме выйти из комнаты.

— Г-жа Дикова, вы знаете, что вам угрожает, советую быть откровенной, это может смягчить вашу участь, — сказал он.

Таня приподнялась на подушках и вся насторожилась.

— Ваши все сообщники по бегству арестованы и камень взят у них, — продолжал он. — Откройте, кто вас послал из заграницы.

Чуть заметная улыбка мелькнула на лице Тани, ведь она хорошо помнила, что они ушли без брильянта.

«Дурак, сразу себя выдал, значит, никто не пойман», — подумала она, и эта мысль прибавила ей бодрости.

— Как кто послал, вы же знаете — французская Компания Редких Металлов.

— Г-жа Дикова, у нас тут не шутят, — сухо сказал человек в черной куртке, — смотрите, будет плохо.

— Я не шучу, — тоже очень сухо ответила Таня. — Зачем ваш Воронов вел меня в лес? Я не знаю, кто его убил. Я не знаю, кто на меня, одинокую женщину, напал, но что же мне было делать, как не отстреливаться? Зачем на меня нападали?

Таня сползла с подушек и сделала вид, что она очень устала.

— Вы все врете, г-жа Дикова, но мы сумеем вытащить из вас правду, — с угрозой в голосе оборвал следователь. Он задал еще несколько вопросов, потом резко повернулся на каблуках и ушел, не прощаясь.

Хатима была весь день очень молчаливая, а вечером пришла Дуня.

Таня сразу по ее глазам поняла, что она пришла с хорошими вестями. Дуня подошла к больной и, поправляя одеяло, тихо сказала:

— Мы нашли фотографию и вас узнали. Папа вам кланяется. Он хотел бы помочь, да как? Только надо быть очень

осторожными, иначе и вы и мы все пропадем. Пожалуйста, при Хатиме не подавайте виду.

Она больше не говорила с Таней ни о фотографии, ни о ее прошлом. Но совершенно изменила с ней тон. Стала мягка и внимательно заботлива. С этого дня они ни разу не заговаривали на общие темы, и со стороны могло показаться, что Дуня не сторожит опасную преступницу, а только ухаживает за больной. Впрочем, как только в комнату кто-либо входил, она принимала очень суровый вид.

На следующий день человек в черной куртке явился опять.

— Ну как, г-жа Дикова, вы решили рассказать мне всю правду? — спросил он.

Таня прищурила глаза и, смотря в упор на своего следователя, сказала:

— Правду, да, я расскажу вам правду, а что мне за это будет?

— Что будет, что будет, я должен запросить начальство, — замылся следователь.

— Запросите, тогда я, может быть, вам и скажу, где камень.

— Камень? — подскочил человек в куртке. — Вы действительно можете указать, где камень?

— Что с вами, — ехидно улыбнулась Таня, — вы же вчера мне сказали, что камень у вас? Но я вас понимаю, у вас свои приемы следствия. Я вам скажу, где камень, если вы меня освободите — это условие.

— Условие, ну, мы еще посмотрим, как-то вы нам будете ставить условия. Я вижу, вы до сих пор не понимаете, где вы находитесь. Смотрите, потом поздно будет, — сказал он, смотря куда-то через ее голову. И опять ушел не простившись. Таня слышала, как при выходе он бросил Хатиме:

— Скажите доктору, чтобы явился ко мне сегодня днем.

Тане вдруг стало жутко. Она вся похолодела и не могла удержать охватившую ее дрожь

XV

БРЕД

Прошло почти десять дней, как Таня лежала в тюремной больнице, а Паркер все еще оставался в Отрадном.

Спокойный, уверенный, умеющий быстро разбираться в обстановке и находить решения, на этот раз он чувствовал себя совершенно потерянным.

Что ему было делать? Сперва он хотел броситься в тот город, где лежала Таня. Но что он будет там делать? Он вспомнил ее настойчивую инструкцию держаться подальше от ее дела.

Он чувствовал, что решительно ничего не понимает во взаимоотношениях русских. Это стало как-то особенно ясно после того, как Воронов ушел с лесными людьми.

У Паркера было достаточно внутренней дисциплины, чтобы без причины не нарушить категорическую просьбу Тани.

Что же тогда? Просто уехать в Европу с камнем в кармане, а ее оставить одну раненую среди врагов? •

Нет, нет, это невозможно.

Он молча ходил в лабораторию, хотя там он давно закончил все дела. Паркер старался поменьше разговаривать с русскими химиками. Что он мог сказать, что мог спросить? Для него, открытого человека, привыкшего не скрывать свои мнения и идти прямым путем, были непонятны и немного неприятны эти русские, действующие какими-то странными путями — разве действительно надо друг друга обманывать, разве действительно не могут они сговориться между собой, — часто думал он.

С Хилидзе он, конечно, виделся каждый день, но благословлял судьбу, что его плохое знание русского языка позволяло ему мало говорить с ним и в разговорах обдумывать каждое слово, своею медленностью не вызывая подо-

зрения собеседника.

В первые дни ему надо было делать исключительные усилия, чтобы переломить себя и в разговорах с Хилидзе говорить как раз обратное тому, что он думает и чувствует. Но он был сам удивлен, как с каждым днем для него становилось легче врать и притворяться. Казалось совсем естественным вместе с грузином возмущаться злодеяниями контрреволюционных бандитов и поддакивать ему, когда он клеймил Таню.

— Сегодня получил письмо от приятеля из центра, — как-то говорил ему Хилидзе, — пишут, что там очень заинтересованы тем камнем. Между начальством даже возникло разногласие. Одни считают, что она дороже камня, другие же не прочь были бы выменять ее на брильянт.

Они сидели рядом на скамейке перед домом. Паркер сосредоточенно чистил трубку прутиком, и Хилидзе внимательно наблюдал за его работой.

При последней фразе грузина пальцы Паркера разжались и трубка выскользнула из его рук. Он не наклонился за ней, а снял очки и стал усердно протирать их платком.

— Если химики дали мне точное описание камня, то думаю, что он стоит несколько сот тысяч фунтов. Неужели вы ее голову цените больше? — медленно, как бы подбирая слова, спросил Паркер, поднимая глаза на Хилидзе.

— Разве безопасность нашего союза определяется фунтами? Я бы лично ни за что не променял ее на камень. Такого врага в руках держим. Впрочем, это не мое дело, как начальство решит.

Никогда еще, кажется, Паркер так не волновался — судьба Тани в его руках. Ему трудно было не встать сразу и не уйти. Трудно было удержаться и не предложить Хилидзе сейчас же начать переговоры о выкупе Тани.

Он досидел положенное время, а потом пошел вниз к речке и дальше вдоль берега в лес.

Засунув руки в карманы своих фланелевых брюк, с трубкой во рту, он шел, совершенно не обращая внимания на окружающее. Прошло часа два, а он все еще шел вперед, только иногда останавливаясь, чтобы вновь набить трубку.

Он очнулся и как-то удивленно осмотрелся кругом только когда уже совсем стемнело. Тихо свистнул и быстро пошел назад.

Паркер никак не мог решить, что было ему делать. Взвешивал все новые возможности, потом отвергал их и ни на чем не мог остановиться.

Он понимал, что должен действовать почти вслепую, так как не знал ни лиц, ни условий.

На следующий день в лаборатории он не выдержал этой беспомощности одиночества и заговорил со старшим химиком.

— Они, кажется, были бы готовы променять ее на камень, — сказал Паркер, стараясь придать своему голосу безразличное выражение.

— Ну да, выманят у нее камень, а ее не отпустят, да может быть, она и не знает, где камень, — тоже как-то нехотя ответил химик, наклонясь к столу.

— Но это можно было бы так обставить, что камень они получили бы только после ее освобождения, — вырвалось у Паркера неожиданно для него самого.

Химик поднял на него глаза и англичанин заметил, как они напряженно прищурились под очками и как не то хитрый, не то радостный огонек блеснул в них.

— А вы-то как же это можете обставить? — лукаво спросил химик. Паркер стоял, прислонившись спиной к лабораторному столу. Он снял очки и быстро стал их протирать. Химик заметил, как дрожат его длинные пальцы.

Своими близорукими глазами Паркер бросил на собеседника доверчивый и растерянный взгляд и отошел к окну, ничего не сказав. Он слишком волновался, чтобы говорить.

— Коллега, за двадцать лет мы, русские люди, научились много понимать без слов и видеть то, что не видно — ласково похлопывая Паркера по плечу, сказал химик. — Я понял, мне не нужно от вас подробностей. У нас здесь правило — даже близким друзьям рассказывай самое необходимое. Но послушайте моего совета — сперва освобождение и выезд за границу, а потом передача камня. Иначе, кто

бы в этом ни принимал участие, и камень пропадет и она не будет освобождена.

Он отошел к своему столу и начал хлопотать у каких-то реторт. Больше в лаборатории они об этом не говорили.

— Меркантильные интересы победили, они все там идиоты, — говорил Хилидзе Паркеру через несколько дней. — Готовы ее променять на камень. Но она-то сама как будто упрямится. Не хочет, не надо. Мы и так найдем способы от нее все узнать. Это нетрудно.

Паркер взглянул на Хилидзе. Ему представилась раненая Таня, из которой какие-то чужие люди вытягивают, что им надо, и почти сразу принял решение.

— Знаете, Хилидзе, я поеду туда и попытаюсь ее уговорить сказать мне, где камень. Ведь она сделала гадость по отношению ко мне и моим французским друзьям, она обязана мне сказать, где камень.

— Доктор, вы ей завтра сделаете впрыскивание НБ, чтобы вызвать бред. Мне нужно послушать, что она будет рассказывать, — бесстрастным голосом говорил человек в черной куртке доктору, который лечил Таню.

— Я не могу это сделать, мне не позволяет врачебная этика, вызовите своего тюремного врача, — ответил доктор.

— Нет, не вызову, ее напугает новый врач, вы это сделаете.

— Нет, не сделаю.

— Доктор, не забывайте, что ваш сын у нас на подозрении. Только исполнение вами наших указаний может его спасти.

«Как бы я хотел впрыснуть тебе, и совсем другое», — подумал врач и сказал, не смотря на человека в черной куртке:

— Хорошо, когда?

Доктор наклонился над Таней, чтобы ее выслушать.

— Сестра, принесите бинт, — приказал он Хатиме, а когда та вышла из комнаты, то быстро нагнулся к больной и шепотом сказал:

— Вы будете бредить, выдавать своих. Ведь вам отсюда нет выхода, хотите сильную дозу морфия, чтобы не проснуться?

Таня поднялась на подушках, почти села. Она сразу поняла, в чем дело, пристально посмотрела на доктора, на его растерянное лицо. Ей было не столько страшно, сколько оскорбительно, отвратительно до тошноты — ее превратят в безумную.

— Не хочу морфия, не хочу ничего. Не позволю. Вам, старому врачу, стыдно это делать, — с гневом сказала она, и глаза ее заблестели.

— Впрысните им, и что-нибудь покрепче. Если бы все врачи это поняли, их бы давно уже не было в России. От меня они ничего не узнают. Они не смеют: у них будут неприятности в Париже.

— Барышня, барышня, вы бы здесь подольше пожили, другое бы заговорили. Не противьтесь. Они сделают силой, — шептал врач, делая вид, что осматривает больную. — Все, что я могу — это вспрыснуть слабый раствор. Если у вас организм крепкий, он не подействует, но вы должны бредить, понимаете, притворяться и болтать всякую чепуху.

Доктор возвратился в 11 часов. Таня уже спала. Дуня мирно дремала в кресле.

Тускло горела маленькая лампочка в далеком углу комнаты. Было совсем тихо и в коридоре не слышно было ни голосов, ни шагов.

Таня сразу проснулась. Она увидела над собой доктора, поняла и вспомнила его инструкцию.

«Выдержу ли?» — мелькнуло у нее в голове.

— Что вам надо, я ни на что не жалуясь. Оставьте меня. Я хочу спать, — почти закричала она, но не от испуга, а в расчете на то, что где-то там в коридоре кто-то услышит ее встревоженный голос.

Доктор держал шприц и руке.

— Меня беспокоит ваша рана на ноге, я считаю необходимым вспрыснуть вам сыворотку, — сказал он тоже как-то неестественно громко. Таня замолчала и покорно предоставила врачу произвести над собой то, что ему было приказано.

Минут через десять она начала чувствовать во всем теле какую-то все возрастающую легкость. Точно ее куда-то начало поднимать. Вот закружилась голова. Она закрыла глаза и увидала перед собой вертящееся колесо всех цветов радуги. Она открыла глаза. Доктор стоял над ней. Вдруг его фигура зашаталась и ей показалось, что наклонилась вправо.

Она вытянула здоровую руку из-под одеяла, чтобы его поддержать. Доктор быстро кольнул ее чем-то острым в палец. От боли она пришла в себя и вспомнила, что с ней делают.

«Мерзавцы, не поддамся», — чуть не сказала она и до боли закусила губу. Это ее опять отрезвило. Но через мгновение она почувствовала неудержимое желание говорить. Ей казалось, что молчание начинает душить ее, что если она сейчас же не произнесет какие-то слова, много слов, то она задохнется, умрет.

Они вырвались из нее целым потоком. Она чувствовала, как не надо думать, чтобы их произносить и как трудно было произносить именно те слова и слоги, которые хотелось. Но все же она не лишилась дара управления своей речью.

Как только из нее потекли первые слова, она услышала в коридоре шаги, которые уже знала, как зверь знает шаги своего главного врага.

— Здравствуйте, дорогие гости. Ждем вас давно. Все готово, — быстро говорила она, то открывая, то закрывая глаза и стараясь не обращать внимания на человека в черной куртке, который остановился у двери.

— Будем есть на золотых тарелках. А брильянт-то посередине стола положим, чтобы блестел. Ах, какие камни. Спрячь же их, Воронов, от Хилидзе, а ты, Хилидзе, спрячь их от Воронова. Подождите, все откроется и снова во двор-

це буду, недаром она была моя тезка. Ах, как хорошо я прокатилась. Паркер, смотрите, волк, волк, — почему-то это слово Тане было особенно легко произносить, и она не хотела с ним расставаться.

— Привяжи камень-то к волку, слышишь, Хилидзе. Приказываю тебе, и скачи, как Иван Царевич, прямо к президенту папуасской республики. Он волка-то испугается, а ты камень-то там в море брось. Пусть достает, не достанет. Ах, зачем же вы меня остановили? Как же я теперь полечу? Кто же мне мотор заведет? Держи, держи их...

Так бессвязно она болтала по крайней мере полчаса. Порой казалось, что слова действительно перестают ее слушаться. Но она вся поджималась, даже пальцы на ногах сжимала, вся напрягалась и не позволяла им течь бесконтрольно.

Наконец она почувствовала большую усталость и стала замолкать. Ужасно захотелось спать. Она закрывала глаза и мгновениями впадала в забытие. Но потом приходила в себя. Ей становилось страшно, что она забудется и начнет по-настоящему бредить.

Таня приоткрыла глаза и увидела, что в комнате, кроме Дуни никого не было. Ее сиделка-сторож сидела на плетеном кресле и внимательно наблюдала за ней. Она опять закрыла глаза. Борьба со сном явилась самым мучительным усилием в эту ночь. Пока не начало светать, она не заснула.

Таня проснулась с сильной головной болью. Все тело ломило, и было ощущение полной прострации и огромной усталости. Она лежала не двигаясь, почти не разговаривая с Хатимой, хлопотавшей около нее.

Когда зашел доктор и наклонился над ней, то она почти беззвучно произнесла — «спасибо» — и громко сказала:

— Дайте мне какой-нибудь возбудитель. Я совсем больна.

Лекарство подействовало и днем ее мысль опять усердно работала.

«Камня у них нет. Но где же он? Не мог же Хилидзе его похитить? Он казался таким преданным. Но может быть, она ошиблась. В этой стране все возможно. Нет, нет, нет, он не мог взять. Но кто же тогда? Кто? Во всяком случае, этим обстоятельством надо воспользоваться. Надо здесь задержаться. Главное, чтобы не увезли в Москву. Может быть, свои что-нибудь сделают. Только бы Паркер не вмешался. Только бы он поскорее уехал в Европу».

Так она думала, спокойно лежа в своей кровати. Выздоровление шло быстро и ее скоро должны будут перевести в тюрьму. Что можно сделать еще отсюда?

Задумавшись, она сразу не расслышала шаги в коридоре, а когда их узнала, закрыла глаза и не хотела их больше открывать.

Зачем, зачем он ее не послушался, зачем он пришел?

Паркер убедил власти, что он уговорит Дикову сказать, где спрятан брильянт. Сам он в последний вечер в Отрадном долго вертел камень в руке. Не мог придумать, куда его спрятать. Наконец засмеялся, хлопнул себя по лбу и сказал — «дурак».

Глина, в которую он обмазал брильянт, высохла за ночь. А утром он еще зашел и лабораторию и очень искусно подкрасил ее синеватыми и желтоватыми примесями. Вышел кусок породы, совсем такой же, какие он увозил с собой в чемодане.

Перед отъездом он попросил Хилидзе зайти к нему, открыл чемодан, встряхнул камни и куски и спокойно сказал:

— Вот, хочу от вас увезти к себе в лабораторию.

— Что-то мало береге, — ответил грузин.

Паркер вошел в комнату, где лежала Таня, его сопровождал человек в черной куртке и женщина, служившая переводчицей.

Как много он думал о том моменте, когда увидит Таню. Представлял себе, как она лежит, как похудела. И все оказалось не так, как он думал. Комната, кровать, подушки бы-

ли совсем другие, чем ему представлялось раньше. Даже ее волосы показались не теми, какими, казалось, они должны были быть. И его поразил хороший цвет лица Тани. В глаза же ей он не решался посмотреть.

Он был совершенно спокоен. Стал каким-то металлическим. Только чувствовал, как на висках бились две жилки.

Таня молча следила, как они подходили к ее кровати.

Паркер был около нее. Она его почувствовала. Но зачем, зачем он это делает?

— Здравствуйте, мисс Дикова, — сухо сказал Паркер.

— Здравствуйте, м-р Паркер, — ответила она коротко и продолжала вопросительно смотреть на группу вошедших, ожидая дальнейших расспросов.

— Я пришел к вам сказать, в какое ужасное положение вы поставили и меня и тех, кто вас послал. Но вы можете хоть отчасти исправить свою вину. Скажите, где камень, который вы унесли, когда ушли с бандитами.

У Тани отлегло от сердца.

«Молодец», — подумала она, взглянула на него и их взгляды встретились впервые.

«Неужели он знает, где камень?» — мелькнуло у нее в голове. Картина той ночи, когда они уходили из Отрадного, вдруг пронеслась перед ее внутренним взором. И она ясно вспомнила свой приказ Паркеру — позаботьтесь о раненом.

«Неужели это может быть? Нет, нет, это невероятно», — продолжала работать ее мысль.

— Камень, камень, — произнесла она презрительно, — а что будет мне, если я укажу, где камень?

Паркер вопросительно взглянул на человека в черной куртке.

— Тогда вас приказано освободить, — ответил тот.

— А на следующий день опять арестовать, — сказала Таня с вызовом в голосе.

— Нет, вас выпустят за границу.

— Так я и поверила. Ну, хорошо, я подумаю. Завтра получите ответ. А сейчас я устала, прошу вас меня больше не беспокоить.

Таня опустила веки и потом медленно их подняла и протянула руку Паркеру.

Англичанин не понимал, что нужно делать. Не мог догадаться, какие планы бродят у нее в голове и стоял над кроватью в какой-то нерешимости, растерянный и озабоченный.

«Поняла ли она, что камень у меня?» — спрашивал он сам себя.

Он хотел прочесть ответ в ее глазах, но она не смотрела на него, а рассматривала переводчицу, которая стояла в ногах кровати.

Таню вдруг рассмешила претензия на последнюю моду этой тюремной служащей далекого провинциального города.

— А у нас в Париже теперь таких кофточек не носят, устарели, — заметила она с озорством в голосе.

Тюремная служащая вспыхнула как пион, и презрительная улыбка пробежала по ее лицу.

— Нам буржуазные парижские моды не интересны, — фыркнула она, — мы создаем свои моды, как вообще все свое, во всех областях.

Таня не отвечала и опять опустила веки, делая вид, что совсем устала.

— Значит, завтра я жду ответа, — сказал человек в черной куртке. — А сейчас мы уходим.

Таня слегка дотронулась до руки Паркера и только мизинцем сильно нажала на его ладонь.

Как он оценил этот быстрый знак, значит, она рада, что он пришел.

Вечером, когда пришла Дуня Широкая, Таня лежала очень молчаливая и почти с ней не говорила, объясняла свое молчание усталостью.

Только рано утром, когда обе девушки уже проснулись, она подозвала к себе сестру.

— Дуня, у меня просьба к вашему отцу, большая просьба. Он передавал через вас, что готов мне помочь...

— Да, но что же теперь можно сделать? — возразила Дуня.

— Просьба моя большая, но не думаю, что трудная. Надо, чтобы он разыскал англичанина, который вчера днем приходил сюда и передал бы ему от меня, чтобы он немедленно уезжал в Европу. Пусть скажет, что Синее Золото просило передать.

Паркеру нечего было делать в городе. Он нанес несколько официальных визитов, побывал на одном заводе, а потом много бродил по улицам. Он не замечал, как за ним сзади неотступно следовали два сыщика, да если бы и заметил, это бы его не очень встревожило.

Зато подросток лет пятнадцати очень внимательно наблюдал за сыщиками. Он уже более получаса издалека следил за англичанином и его свитой.

Паркер остановился у продуктового магазина и стал внимательно рассматривать витрину. Вокруг толпился народ. Прохожие подходили и отходили от окна.

Сыщики остановились в отдалении за углом. Подросток обошел квартал. С шапкой набекрень и с папироской в зубах у него был очень залихватский вид. Он медленно приближался к магазину, осматривая не то дома, не то прохожих. Он выбрал момент, когда около Паркера никого не было, не торопясь подошел и, толкнув его локтем, прошептал: — «Синее Золото приказало немедленно уезжать за границу». — Потом он ловко сплюнул и громко сказал, обращаясь ко всем и ни к кому:

— Смотрите, граждане, колбаса-то какая здоровенная. — И пошел дальше все тою же походкой уличного зеваки.

Паркер вздрогнул, посмотрел вслед мальчику, хотел его окликнуть, но что-то его удержало.

«Значит, у нее и здесь есть помощники», — подумал он с удивлением.

XVI

НЕУДАЧНЫЕ ПОПЫТКИ

— Я скажу вам, где спрятан камень, но какая гарантия, что вы меня потом опять не арестуете? — говорила Таня человеку в черной куртке на следующий день. — Отправьте меня за границу и я там скажу вам, куда спрятала камень.

Человек в черной куртке посмотрел на свою пленницу бесстрастным взглядом. Как-то осмотрел ее всю.

— Вы что же, с нами торговаться хотите? — презрительно спросил он. — Что вы, в самом деле не понимаете, где вы находитесь и что вы сделали? Смотрите, г-жа Дикова, не тяните с ответом, потом будет поздно. Я обещал при англичанине, что отпущу вас, если вы отдадите камень и я сдержу свое слово.

Таня тоже пристально посмотрела на человека, в руках которого была ее жизнь. — Кто он, для кого он работает? Как люди могут вытравить из себя все человеческие чувства? Ведь она для него предмет или, как у них называется, «элемент», а не человек.

— Хорошо, — наконец сказала она. — Через недельку я поправлюсь и тогда вы отвезете меня туда, где меня подстрелили, и я вам покажу, где камень. Но я хочу, чтобы о поездке знал Паркер, а то вы меня убьете и концы в воду. Приведите его сюда и в моем присутствии скажите ему, что везете меня в лес.

Днем в больницу пришел Паркер. Ему очень трудно было сдерживаться и он поражался, как Таня владела собой. Казалось, она была совершенно спокойна и даже безразлична.

— М-р Паркер, — сказала она. — Я согласилась показать, где спрятан камень. Делаю это только, чтобы смягчить мою вину перед вами. Я поеду и покажу. Только г. следователь должен в вашем присутствии сказать, что я не

буду убита в лесу.

Паркер и Таня одновременно посмотрели на человека в черной куртке.

— Я сказал вам, что если вы действительно покажете брильянт, то будете освобождены, — ответил тот.

— Ну вот, мне больше ничего и не надо. Спасибо, м-р Паркер, передайте привет м. Бернье. — Прощаясь, она опять чуть-чуть надавила мизинцем его ладонь, больше между ними не было никаких знаков.

В течение следующих шести дней Таню больше всего волновал вопрос, уехал ли Паркер. Если до ее поездки в лес он будет за границей, то она спасена. Иначе...

Она верила, что Широкие хотят ей добра, но все же не хотела лишний раз давать им поручение. Это не поможет, а, наоборот, может возбудить чьи-то подозрения.

Она не знала, что она будет делать, когда поедет в лес со своими тюремщиками, но считала, что случай может помочь ей бежать. Из тюремной же больницы бежать невозможно.

А если ничего не удастся сделать, то Паркер будет уже за границей и выкупит ее. Она не сомневались, что камень у него.

Накануне поездки она спросила следователя, уехал ли Паркер. Он соврал и ответил утвердительно.

Они выехали на автомобиле. Их было пятеро, в том числе две женщины. Все были в кожаных куртках, из-под которых торчали кобуры револьверов.

Тане дали ее одежду, но из карманов было все взято. Она делала вид, что у нее еще не совсем зажила нога и сильно хромала. Автомобиль ее разочаровал. Она рассчитывала, что отправятся на поезде и смутно надеялась на пересадочные станции.

— Г-жа Дикова, имейте в виду, что при первой попытке к бегству мне приказано стрелять, — сухо заметил следователь, когда они садились в автомобиль.

Таню посадили на задней скамейке между двумя тюремщиками, а напротив разместились две женщины. Танина синяя куртка выделялась пятном на черном фоне одежды

ее тюремщиков.

С двумя короткими остановками ехали целый день. Таня внимательно смотрела кругом. Ну хорошо, она от них вырвется, бежит, а дальше что? И все-таки надо пробовать. Иначе камень пропадет.

От друзей она знала, что здесь, на Урале, нетрудно найти приют у населения, особенно у горнозаводских рабочих.

На ночлег остановились в просторном доме в небольшой деревне. Выйдя из автомобиля, Таня двигалась очень медленно, якобы не слушалась нога. На самом же деле она внимательно осматривалась кругом.

«Лесные люди, как звери, должны пользоваться темнотой», — подумала она. В большой комнате, где Таня ужинала со своими тюремщиками, уютно горела керосиновая лампа.

В течение всей дороги Танина стража почти не разговаривала между собой, только изредка перебрасывалась какими-нибудь замечаниями. За столом тоже сидели совершенно молча.

После ужина тюремщицы провели Таню в темную комнату. Свеча тускло осветила кровать и маленькое окно в верхней части стены — раньше тут была кладовая. Когда Таня легла, сторожихи ушли и унесли с собой свечку. В двери щелкнул замок.

В комнате стояла полная тьма. Маленькое окошечко было задернуто густо занавеской. Таня тихо лежала на кровати и прислушивалась к тому, что делалось за дверью. Она слышала, как сторожихи уславливались, что в три часа ночи они сменят друг друга.

Долгая поездка на автомобиле совершенно разморила Таню и она стала засыпать, все время твердя себе: «Проснись в половине пятого».

Она проснулась, когда в комнате было уже совсем светло. Прислушалась — нигде в доме ни одного звука. Бесшумно встала и начала осматривать комнату. Кровать, умывальник, огромный пустой шкаф. В углу стояли какие-то ящики. Она влезла на них и заглянула в окошко. Оно было

слишком узко, чтобы пролезть.

Потом стала осматривать стены, оклеенные желто-красными обоями с уродливыми цветами. Не без труда вытащила из стены большой гвоздь, повертела его в руках и положила в карман, — в дороге все пригодится, подумала она, как бы в оправдание своему поступку.

Рассматривая обои, она вдруг заметила чуть-чуть торчащую из-под них замочную скважину.

— Дверь, — мелькнуло у нее в голове.

Она быстро надела туфли и куртку и вновь подошла к стене и гвоздем провела по обоям. Они действительно закрывали дверь. Таня, стараясь не шуметь, стала срывать обои.

От замка ничего не осталось, кроме ключевой скважины. Таня приоткрыла дверь и первое, что ей кинулось в глаза, в соседней комнате была большая кровать, на которой спала молодая женщина и двое детей лет трех и пяти. У одного были прелестные золотистые локоны и трудно было сказать, мальчик это или девочка. Другой, черненький, был совершенно обрит, в руках он крепко держал тряпичную куклу.

На мгновение Таня залюбовалась ими. Женщина пошевелилась во сне и Таня замерла на месте. Таня неподвижно простояла минут пять и потом быстро шмыгнула через комнату и дверь и вышла в полутемный коридор, в котором был навален всякий домашний скраб. Издали она увидела, как у двери в ее комнату мирно спала ее тюремщица, в руках у нее был большой револьвер.

Выход из дома был мимо вооруженной женщины. Таня быстро осмотрелась, увидела в углу грудку мешков, осторожно выбрала из них один побольше и на цыпочках подошла к сторожике.

Не успела та проснуться, как Таня быстрым и ловким движением накинула на нее мешок и выхватила револьвер.

— Если крикнете, убью, — строго сказала она.

Она положила револьвер на пол и быстро стала завязывать мешок на женщине.

— Так сидите минут десять, — отдала она распоряжение и хотела нагнуться за револьвером.

— А если вы двинетесь, Дикова, я буду стрелять, — услышала она голос в конце коридора.

Человек в черной куртке спал чутко. Он слышал, как шуршала бумага, слышал ее шаги и догадался.

Таня взглянула на дуло вражеского револьвера. Поняла, что ей не поднять свой револьвер и что она больше ничего не может сделать. По своему обыкновению она сделала вид, что пассивно подчиняется своей участи.

— Что же вы, товарищ, зеваете? Тоже сторож, — насмешливо сказал человек в черной куртке, стаскивая мешок с тюремщицы.

— Да ведь она там сидела и ключ-то у меня, — как бы оправдывалась та, — у, ехидна, бандитское отродье, все равно несдобровать, — прошипела она.

— Что же это вы, Дикова, нам камешек ночью хотели показывать? — спросил человек в черной куртке. — Что же, дальше поедет? Вы нас по лесу водить будете и ничего не покажете. А?

— Как хотите, поедете, — пожала Таня плечами.

— Нет, довольно вам над нами издеваться. Утром поворачиваем назад. Теперь я понимаю все ваши планы. Вас насквозь вижу. Но и мы не дети, вы еще нас узнаете.

Таню привезли назад в город и посадили в одиночную камеру в тюрьму. Запросили в Москву дальнейшие инструкции.

Она была сравнительно спокойна. Почему-то была совершенно уверена, что камень у Паркера и что он ее выкупит в последнюю минуту. Только было досадно, что придется его отдать.

«Ведь Паркер уже, вероятно, далеко, только бы скорее переехал границу», — думала она.

Но Паркер был совсем близко. Он не послушался настойчивой инструкции Тани и никуда не уехал.

— Она соврала, г. Паркер, и во время поездки пыталась бежать. Мы ей больше не верим. Пусть начальство приезжает и с ней возится или возьмет к себе в Москву. Я боль-

ше ничего не могу с ней сделать. Она всех нас хочет обойти и бежать, — говорил Паркеру человек в черной куртке.

Паркер понял, насколько он был неправ, не послушавшись совета, и решил с первым же поездом ехать на запад.

Он отправился в свою гостиницу, заперся в номере и стал обдумывать положение. Так было тяжело думать, что Таня превращена в вещь и находится в руках ее врагов.

Паркер стал укладываться. Открыл чемодан, где были камни, заглянул в него, тряхнул, потом быстро начал в нем рыться, вывалил все его содержимое на пол и напряженно что-то искал. Потом он перевернул пустой чемодан и еще раз потряс его, надеясь, по-видимому, что искомый предмет вывалится откуда-то со дна. Паркер для верности даже ударил рукой по дну чемодана. Но все это его не удовлетворяло.

Он беспомощно оглянулся вокруг. Открыл еще один чемодан, потом другой. Все перерыл в них. Потом кинулся к шкафу, оттуда к ночному столику, почему-то осмотрел дверной замок.

Все было на месте, все в порядке. Как будто никто не трогал его вещи, но брильянт, так искусно замаскированный им под простой камень, исчез бесследно.

Паркер подошел к окну, выглянул наружу, точно камень можно было найти на улице, отошел от окна и как зверь в клетке стал ходить взад и вперед по комнате.

«Пойти заявить о краже? О краже чего? Но что же тогда делать? Ведь она погибла, — мелькнуло у него в голове. — Ее нельзя будет выкупить. Он ее погубил».

Паркер сел на стул и, схватившись руками за голову, стал раскачиваться, точно стремясь заглушить острую зубную боль.

«Что же теперь делать. Что? — совершенно растеряно несколько раз повторил он. — Что можно сделать в чужом городе с плохим знанием местного языка?»

«Как это ужасно, как ужасно, зачем я ее не послушался? — думал он. — Теперь я уже был бы в Париже и спокойно выменял бы ее на брильянт».

Он напряженно обдумывал создавшееся положение и вдруг вспомнил мальчика, который тогда на улице принес ему весть. Несомненно, что весть была от нее. Но где же он, кто он, как его найти?

Паркер, не подобрав разбросанные вещи, вышел на улицу. Долго бродил он по городу, всматриваясь в лица каждого подростка. Иногда он останавливался и беспомощно тер рукой лоб.

«Это ужасно, ужасно», — повторил он сам себе.

Он рано заперся в своей комнате. Лег в постель, взял книжку. Но не мог ни спать, ни читать. Текло время и все тревожнее становилось у него на душе.

Только, когда он приехал в этот город и столкнулся с настоящими полицейскими властями, он как-то не только головой, но и сердцем понял, в каком положении его Таня.

Два свидания в больнице на него не произвели особого впечатления, вероятно, потому, что все напряжение было направлено, чтобы сдержаться и не выдать себя. Это не было похоже на тюрьму. А теперь она сидела в том мрачном здании. Туда нет доступа. Оттуда нет спасения. Что может он предложить в качестве выкупа? Синее золото? Соблазняются ли они, оценят ли его открытие? Где достать сотни тысяч фунтов, которые несомненно стоил брильянт? Во всяком случае, надо отсюда уезжать и что-то пробовать в Европе. Но как он уедет, когда там, на краю города за мрачной стеной сидит она?

Под утро он забылся тяжелым сном. Во сне он несколько раз вскрикивал. Ему казалось, что за ним кто-то гонится, куда-то его ведут, закованного в кандалах.

Проснувшись, он сразу же вспомнил о краже и почувствовал полную безнадежность. С трудом заставил он себя побриться и одеться.

В коридоре гостиницы было тихо. Посетителей было очень мало. Паркер шел по коридору к лестнице, когда ему навстречу показался красивый широкоплечий молодой человек с маленькими черными усами. Его костюм сразу обнаруживал иностранца.

Паркеру несколько дней тому назад пояснили, что это видный коммунист из одного государства центральной Америки.

С первой же встречи молодой человек приветливо раскланивался с Паркером и что-то говорил по-испански, других языков он, по-видимому, не знал.

Паркер не обращал никакого внимания на американского коммуниста, шедшего ему навстречу. Но когда они поравнялись, то молодой человек после испанского приветствия сказал вполголоса на хорошем английском языке: «Спасибо за открытку. Мы получили. Все в порядке. Уезжайте немедленно».

Паркер вздрогнул от неожиданности, но не успел ничего спросить. Молодой человек, не останавливаясь, шел дальше своей небрежной, чуть-чуть развалистой походкой.

Паркер сначала хотел пойти за ним, остановить таинственного жителя центральной Америки, но сразу же понял, что этого делать нельзя.

Он был так взволнован, что даже забыл выпить кофе и быстро пошел вдоль пыльных улиц.

Он ходил до полудня, обдумывая происшедшее или просто приходя в себя. Значит, не все потеряно. Значит, о ней кто-то заботится. Но кто они, что они могут сделать?

А где же брильянт? Чья умелая рука его утащила? В ресторане, за завтраком, он взял местную газету. В ней передавалась речь, произнесенная испанским делегатом на коммунистическом собрании.

«Что за чепуха, что за фантастика, — почти вслух сказал Паркер. — Кто же, он этот красивый молодой человек: испанец, русский, американец? Уезжать немедленно. Просто сказать. Но как же он уедет? Почему они все так упорно настаивают, чтобы он уезжал?»

Днем Паркер поспал и отдохнул, и после депрессии у него появилось бодрое настроение. Вечером он даже пошел в кинематограф. Шла американская авантюрная фильма. Полиция гналась за преступниками, потом оказалось, что часть полиции в сговоре с преступниками, а часть преступников переодетые полицейские. Иногда трудно было разобрать,

кто на чьей стороне.

«Черт возьми, и я ведь попал в такую же авантюру», — подумал Паркер и даже улыбнулся. А потом вспомнил, что Таня крепко заперта в маленькой металлической комнате, и улыбка быстро исчезла с его лица.

Но как он мог прозевать брильянт? Кто нашел его среди других камней?

Опять досада и беспокойство охватили его. А может быть, это провокатор, хотят его поймать? Да, но что они от него узнают? Провокатор вызвал бы его на разговор. А этот так быстро от него ушел.

Надежда сменялись сомнениями и потом опять появлялись надежды.

Вечером он решил, что надо взять себя в руки и уезжать. Как спокойно было бы уезжать с камнем в чемодане, А теперь! Но они же все так настаивают.

Утром — это был вторник — он опять встретил в коридоре иностранного коммуниста, который громко приветствовал его по-испански.

Только по его смеющимся глазам Паркер понял, что это был маскарад.

Он вышел из гостиницы и по привычке пошел побродить по улицам. Не успел он завернуть за угол, как наткнулся на подростка, которого искал по городу уже несколько дней.

Мальчик опять залихватски сплюнул и, проходя мимо англичанина, быстро сказал: «Синее золото, в среду ее отправляют с почтовым в Москву», и пошел дальше.

«Среда это завтра», — первое, что пронеслось в голове у Паркера. Но кто этот таинственный подросток, вырастающий так неожиданно перед ним?

Как мог Паркер догадаться, что Коля Широкий — брат Дуни? Его отец, мастер в железнодорожном депо, не забыл, что Таня сидела в тюрьме.

Когда из управления пришло распоряжение в среду к московскому почтовому прицепить арестантский вагон для важной преступницы, он решил, что это для Тани. Широкий не знал, какие отношения у Тани с англичанином, но

раз она ему сама что-то передавала, будет лучше его предупредить, и он опять послал сынишку.

Паркер бросился назад в гостиницу. Он знал, какой номер занимает испанец, но ключ висел внизу. Его не было дома. Что было делать?

Он поднялся к себе и решил ждать за дверью, когда пройдет молодой человек. Так, прислушиваясь ко всем шагам, он просидел три часа. Наконец, он услышал характерную походку таинственного человека.

Он поспешно и с волнением вышел из номера. Но испанец пришел не один. С ним был какой-то маленький пожилой человек. Они оба приветствовали Паркера, но, не останавливаясь прошли дальше по коридору.

Паркер вернулся к себе и опять стал ждать.

Только поздно вечером он встретил молодого человека одного.

— Завтра с почтовым ее отправляют в Москву, — тихо сказал Паркер.

Незнакомец, видимо, был удивлен этим известием, так как остановился.

— Вы уверены? — спросил он.

— Да, мне передали от нее, употребив выражение, которое известно только мне и ей.

— Какое выражение?

— А зачем вам знать? — спросил Паркер и вдруг подозрение закралось в него.

— Конечно, мне не надо знать, но уверены ли вы, что вас не обманывают? — настаивал его собеседник.

— Я повторяю, это выражение, которое кроме нас двоих никто не знает, это не пароль, — мы не улавливались употреблять его как пароль. Но это вроде пароля.

— Странно, — задумчиво произнес молодой человек. — Значит, они изменили свои первоначальные планы. Хорошо, спасибо.

— Только вы не поедете с почтовым, — добавил он тоном распоряжения. — Не могли бы вы уехать сегодня же?

— Нет, сегодня я не могу уехать, но почему я не могу ехать завтра с почтовым? — Паркера рассердил этот началь-

нический тон.

— Если вы ей хотите добра, то слушайтесь, когда вам говорят. Ведь вы все равно ничего не понимаете в наших делах, — оборвал его молодой человек и пошел дальше.

XVII

СИГНАЛ НА ПУТИ

Паркер не послушался молодого человека, он решил ехать в Москву именно в среду, и именно с почтовым, который уходил из города вечером.

Утром он зашел к следователю и сказал, что уезжает. Тот внимательно посмотрел на него и, когда англичанин ушел, отдал распоряжение:

— Двоих в штатском приставить к англичанину, а в арестантский вагон нарядить лишних пять человек.

Паркер прошел платформу и увидел арестантский вагон в самой голове поезда. Наоборот, его мягкий вагон был в хвосте.

Таню посадили в купе вместе с двумя женщинами-тюремщицами. Уже несколько дней, как ей мало давали спать, а плохая и скудная пища вызывала отвращение, совершенно не утоляла голод и не укрепляла. За несколько дней заключения она ослабла и осунулась.

Поезд ее быстро укачал и она, сидя в углу деревянной скамейки, быстро забылась тяжелым сном. Одна сторожиха расположилась спать на противоположной скамейке, а другая, дежурная, сидела на той же скамейке, что и Таня, только у самого входа.

Ночью они должны были смениться.

Из соседнего купе слышался веселый говор — там солдаты играли в карты. Всего в вагоне было пятнадцать человек охраны. Она была разделена на три смены. Пять человек дежурило, а десять спало. Один из дежурных все время ходил по коридору.

Сторожихам была дана строгая инструкция не спускать с Тани глаз. Однако полчаса спустя после того, как Таня заснула, дежурная не вытерпела и заглянула в соседнее купе. Ее там шумно приветствовали и стали звать играть. Она не сразу поддалась искушению и вначале стояла у дверей

и все время заглядывала на спящую Таню, но под конец не устояла и присоединилась к игрокам, попросив караульного, ходившего вдоль коридора, посматривать на Таню.

Линия шла по лесистым местам. Перегоны были большие и поезд останавливался редко.

Скоро после полуночи, когда восточная часть неба была еще почти темной — в мае в этих местах начинает светать во втором часу ночи — на длинном перегоне шлагбаума машинист увидел красный фонарь.

Машинист удивился, но дал тормоз, однако, не останавливая окончательно поезд. Но кто-то упорно продолжал махать фонарем, и машинист в последний момент резко затормозил поезд. Пассажиры, которые не спали, почувствовали толчок.

Пока машинист, наклонившись, разговаривал с человеком с фонарем в руке, стоявшим на путях, с другой стороны на локомотив быстро вскочил человек с револьвером в руках.

— Сидеть смирно в углу, — приказал он машинисту и истопнику. — Поедете дальше, когда позволю.

Кто-то постучал в арестантский вагон, запертый изнутри, кроме обычного железнодорожного ключа, на задвижку. Дежурный солдат подошел к двери. У него была инструкция никому не открывать.

— Кто там?

— Впустите смазчика, у вас тормоз открыт, надо проверить, — раздался голос из темноты.

Солдат открыл окно и через решетку арестантского вагона старался рассмотреть в темноте говорившего,

— Какой тормоз, у нас никто не дотрагивался до тормоза. Ступай осматривай другие вагоны, — добавил он.

— Я смотрел. Все в порядке.

— Ну, тогда полезай под вагон, смотри там, а тут тебе нечего делать.

Маленький смазчик, вероятно, чтобы лучше было слышно, встал на ступеньку подножки и левой рукой держался за ручку.

— Да нет, у вас, — настаивал он, — я все осмотрел.

— Говорят тебе, что у нас никто не дотрагивался до тормоза, проваливай, — грубо сказал солдат. Он прикоснулся лицом к решетке и стал рассматривать смазчика. Но не успел он опомниться, как дуло маленького револьвера было направлено на него.

— Шевельнешься, убью, — сказал человек из темноты.

Солдат совершенно не ожидал этого и замер у решетки, держась обеими руками за железные прутья.

Так прошло минуты две.

В середине вагона его товарищи в нескольких шагах беспечно продолжали играть в карты. Только один из них взглянул в окно и безразлично заметил:

— Тьма-то какая, что это на полустанке остановились?

А в это время в другом конце вагона кто-то уже кончал пилить прут оконной решетки на входной двери.

Слабо звякнуло стекло, рука просунулась внутрь и отодвинула задвижку. Молодой человек с черными усами, так хорошо разыгрывавший американского коммуниста, в сопровождении трех товарищей бежал по коридору вагона. Трудно сказать, сколько секунд ему понадобилось, чтобы добежать до освещенного купе.

Солдаты застыли с картами в руках, склонившись над импровизированным столом посередине купе. Их совершенно парализовало не столько дуло револьвера, сколько две ручные гранаты, висевшие у нападающего на поясе.

— Кто рот откроет или шевельнется, убью на месте, — закричал он.

Таню и сторожиху, спящую против нее на скамейке, одновременно разбудил этот возглас.

Сторожиха, еще окончательно не проснувшись бессмысленно оглянулась кругом и сделала движение, чтобы подняться. Но нервы Тани были напряжены гораздо сильнее, она очнулась ото сна быстрее и была в более выгодном положении, потому что сидела. Резким движением она ударила сторожиху по шее и, когда та от неожиданности откинулась назад, Таня схватила кобуру, которая была у женщины на поясе.

Таня сразу как-то вся встрепенулась, воспрянула духом и, когда в ее руках оказался револьвер, даже почувствовала физическую силу.

— Гога, что мне делать? — спросила она у молодого человека, выскакивая в коридор. Они даже не поздоровались друг с другом. Было некогда.

— Не спускай их с мушки, а я сейчас, — и он стал отбирать от солдат оружие и выкидывать его в открытое окно.

В это время снаружи, где-то вдоль поезда, послышались голоса и звук бегущих ног.

Маленького смазчика, который был дядя Володя, начальник тайной организации, к которой принадлежала Таня — кто-то сильно ударил палкой по ногам. От неожиданности он упал со ступенек подножки.

Солдат, которого он держал прикованным к решетке, почувствовал, что он свободен, выхватил револьвер и направил его вдоль коридора, где стоял Гога, за ним Таня и дальше у других купе их три товарища, разоружавшие охрану.

— Руки вверх, убью, бандиты, — крикнул солдат.

— Стреляй, — громко ответил Гога так, чтобы было слышно во всем вагоне, — но у меня пальцы на предохранителе гранаты. Вы все сейчас взлетите на воздух вместе с нами.

Солдат застыл с револьвером, направленным на Гогу, и все остальные продолжали без движения оставаться в прежних позах.

Когда поезд остановился среди леса, то четыре сыщика в штатском, ехавшие в соседнем вагоне, вышли на путь посмотреть, что случилось. Маленькая фигура дяди Володи с револьвером, направленным на кого-то в арестантском вагоне, достаточно ясно вырисовывалась на фоне светлого окна.

Они сбили дядю Володю с ног и быстро связали его. Один из них остался сторожить пленника, а другие, поняв, что внутри вагона происходит что-то неладное, быстро обегали его по полотну, стараясь заглянуть в окна. Один из них уже поднялся к окну и рассматривал немую сцену. Он

соображал, что нужно предпринять, когда кто-то с силой сдернул его вниз, и не успел он опомниться, как кто-то нанес ему ловкий удар, и он полетел с железнодорожной насыпи. Это был Паркер.

В момент неожиданной остановки поезда от сильного толчка Паркера так качнуло вперед, что чуть не упал на пассажира, сидящего против него. Этот пассажир выдавал себя за директора завода, а на самом деле был сыщик, представленный к англичанину. Другой сыщик сидел с ним рядом на скамейке.

Паркер, посмотрев в окно, заметил, что поезд остановился в лесу и сразу вспомнил настойчивый вопрос молодого человека о дне отхода поезда.

Он встал, вышел в коридор и направился к выходу. Его спутники тоже показались в коридоре. Паркер открыл дверь и высунулся наружу, посмотрел вдоль поезда. В тиши ночи он расслышал где-то впереди состава шум. Он постоял минуту, наклонившись вперед и держась за поручни вагона, и потом спрыгнул на полотно.

Его спутники уже были на площадке и быстро последовали за ним.

«Что им надо?» — мелькнула у Паркера мысль. Оба сыщика были уже совсем рядом с ним, когда он догадался наконец, кто они такие.

Паркер был известен в школе меткостью своих ударов, и один сыщик с окровавленным носом уже катился под откос.

Второго Паркер схватил за шиворот и сильно потрянул.

— Револьвер, — отрывисто произнес он.

Сыщик видел, как покатился под откос его товарищ и, видимо, предпочел не сопротивляться.

— В кармане, — отвечал он Паркеру.

В первый раз в жизни Паркер полез в чужой карман и вытащил оттуда револьвер. На всякий случай он осмотрел и другие карманы.

Потом он столкнул и второго сыщика под откос и по шпалам, спотыкаясь, побежал вдоль состава. Он хорошо знал, ощущал это, что там где-то впереди, среди ее врагов,

а может быть, теперь уже среди друзей, находится Таня.

У арестантского вагона он наткнулся на дядю Володю, лежащего около самых колес. Над ним стоял человек. Паркер сразу решил, что лежавший пробирался к Тане и, не размышляя, сбросил сыщика под откос.

— Где же она? — спросил он, нагнувшись к лежащему человеку со связанными руками.

Дядя Володя ответил по-французски:

— Еще в вагоне, скорее, скорее туда, развяжите мне руки. Уберите этих около вагона, а я сейчас, — давал он инструкцию Паркеру. — Дайте мне револьвер.

Паркер сдернул сыщика, повисшего на окне вагона. Но он не заметил других. Они в это время находились по другую сторону вагона.

Дядя Володя, несмотря на свой возраст, легко вскочил на подножку и выстрелил в солдата, парализовавшего действия его подчиненных внутри вагона. Солдат упал.

Гога понял, что дядя Володя опять свободен.

— Не позволяй им двигаться, — приказал он Тане, а сам бросился к входной двери и впустил дядю Володю в вагон.

— Скорей отцепить паровоз, — распоряжался он.

Через несколько минут один из молодых людей вернулся.

— Все готово, — доложил он.

— Таня, скорей за мной, — командовал дядя Володя, — Гога, замыкай шествие. — В коридоре он быстро пожал ей руку. — Ну и хлопот же с тобой было. Ну теперь, кажется, все в порядке. Карета подана, пары разведены, — сказал он смеясь, голосом человека, которому удалось трудное дело.

Когда Таня спрыгивала с высоких ступеней на полотно, она увидела около другого конца вагона на полотне Паркера. Он как-то растерянно озирался кругом. Вдруг из-под вагона показались две фигуры. Одна вытянула вперед руку и столб света из окна осветил револьвер.

— Эрик, падайте, — крикнула Таня.

Паркер вздрогнул, услышав ее голос и совершенно машинально исполнил приказ. Раздался выстрел, и пуля пролетела где-то над его головой.

Из другого конца вагона в это время спрыгнул сообщник нападающих.

— Если еще выстрелите, брошу бомбу, — крикнул он.

Сыщики застыли без движения, только наполовину высунувшись из-под вагона.

Паркер поднялся, подбежал к Тане и молча поцеловал ее руку. Это вышло у него очень естественно, хотя он никогда раньше не следовал русскому обычаю.

Он не успел еще произнести ни одного слова, как Гога сказал шутя:

— Какой, однако, вы упрямый англичанин. Я же вам говорил, что вы не должны ехать с этим поездом.

— А вышло хорошо, — отвечал за Паркера дядя Володя.

— Он меня освободил. Без него было бы трудно. Молодец.

Но Паркер не слушая их разговор. Все его внимание было направлено на Таню.

— Я не верил, что вы будете когда-либо освобождены, — сказал он, держа ее за руку.

— А вот видите, — засмеялась она.

— Скорей, скорей, не разговаривать, — прикрикнул дядя Володя.

Они все быстро влезли на паровоз.

— Полный ход, вперед, — командовал Гога.

Площадка паровоза слишком мала для девятирешетчатых. Было очень тесно ехать двадцать пять минут.

Они промчались мимо двух спящих станций. Кочегар все время подкидывал дрова в пылающую ярким пламенем топку.

— Куда же мы едем? — спросил Паркер у Тани.

— Что вы беспокоитесь, теперь о нас другие беспокоятся и сделают все возможное, чтобы не дать нас в обиду. Присоединились к нам, так ждите и увидите, — засмеялась она.

И добавила:

— Ах, как я хочу есть, хоть бы кусочек шоколада.

— Вот тебе, сластенка, — отвечал дядя Володя, — я уж знал, что ты будешь шоколад просить.

— А вы не исполнили моей просьбы, не уехали из города. Разве вам не передали? — опять обратилась она к Пар-

керу.

— Нет, передали и это ужасно, что я не исполнил. Знаете, что случилось? Я просто не понимаю, как это могло произойти.

— Что такое?

— У меня украли...

— Как украли? — вся встрепелулась Таня. — Паркер, что вы говорите...

— Спокойствие, господа, не волнуйтесь, — вмешался в разговор Гога, — украл тот, кому надо было украсть.

— А вы почему знаете? — насторожился Паркер.

— Потому что решил, что у меня камень будет в большей безопасности, чем у вас.

— Значит, это вы...

— Значит, я, и сейчас камень в верных руках, и мы его получим недели через две.

— Гога неисправим, — засмеялась Таня. — Похищение для него самое любимое занятие. Недаром он так подробно изучал это искусство. Эх Гога, Гога, что бы сказал твой дед, князь Чернояров, ведь он был один из лучших юристов в империи?

— Да, что бы он сказал, если бы видел, что сделали с его Россией?

— Подождите, господа, не спорьте, — улыбнулся Паркер. — Как же вы узнали, что брильянт у меня?

— Мы все знаем. Но это было совсем просто узнать, — засмеялся Гога. — Мне передали от химиков.

Паркер внимательно смотрел на молодого красавца. С гранатой у пояса он был похож на какого-то мексиканского бандита.

«Недаром он разыгрывал коммуниста из центральной Америки», — подумал Паркер.

— Дядя Володя, а ведь вам бы действительно плохо пришлось, если бы англичанин не поспел на подмогу, — со смехом сказал один из молодых людей, точно дело шло о чем-то очень незначительном, а не о жизни.

— У вас хороший нокаут, — пошутил он, обращаясь к Паркеру. — А они — идиоты. Вид гранаты на них действует,

как змея на кроликов. А ведь она пустая. Разве можно с собой брать полную?

Восток уже заметно побелел, когда они остановились у моста большой реки.

— Открой пары, — командовал Гога. — А вы, господа, сюда, за мной. Тут у нас моторная лодка приготовлена, до утра километров сто сделаем, а там недельку по образу пешего хождения. Вряд ли нас там накроют.

— М-р Паркер, придется вам посмотреть, как мы по лесам ходим, — весело сказал он, когда они спускались по крутому склону к берегу.

XVIII

ГДЕ ЖЕ ОНА?

В кабинете у Бернье зазвонил телефон. Он машинально взял трубку.

— М-ль Дикова хочет с вами говорить, — сказала телефонистка, — можно соединить?

Французский делец даже подскочил на своем директорском кресле.

— Как Дикова? Да, да соедините сейчас же, — приказал он. Он привстал, чтобы быть ближе к аппарату, точно это приблизит его к тому, кто его вызывал.

— Здравствуйте, м. Бернье. Я приехала. Вы хотите меня видеть? — услышал он в трубке знакомый голос.

— Откуда вы? Когда приехали? Как хорошо, — вырвалось у француза. — Почему вы звоните? Приходите сейчас же сюда.

— А я боялась, что вы не захотите меня видеть, — продолжала его секретарша. — Но только первый раз лучше встретиться в городе. Когда вы свободны?

— Я сейчас свободен, если можете, приезжайте сейчас же в кафе, — и он назвал известное кафе на Больших бульварах.

— Хорошо, я приеду.

Бернье был очень занят, но он бросил все и заторопился на свидание со своей секретаршей, которая за последние недели причинила ему столько хлопот и неприятностей.

Уже две недели, как он ничего не знал о судьбе ее и Паркера. Последнее, что сообщил Ланг, был рассказ о бегстве из поезда. Бернье все это казалось совершенно невероятным, особенно сведения о том, что Паркер принимал участие в освобождении Диковой. Он несколько раз был у высоких советских дипломатов. Видел, что они беспокоятся, сердятся, но до конца не верил им, считал, что они что-

то скрывают, что их рассказ не соответствует истине.

— М. Бернье, нам, вероятно придется прервать наш договор. Ваш компаньон и ваша секретарша замешаны в преступной деятельности против нашего Союза.

— Это не может быть, — горячился Бернье. — Я этому не поверю, пока не услышу, что они мне расскажут. Где же они? Вы скрываете. Наверное, вы держите в тюрьме не только Дикову, но и Паркера. Это вам даром не пройдет.

— Да нет же, они бежали из поезда. Это целая организация. Участие Паркера для нас подтверждает предположение о связи этой организации с одной иностранной державой. М. Бернье, мы от вас этого не ожидали, — говорил советский дипломат с упреком.

— Вы не имеете права меня упрекать. Это все не так, — сердился француз. — Вы их держите взаперти. Я это выясню, я не допущу...

— Да нет же. Они ушли. Они тяжело ранили солдата. Они... — Дипломат запнулся, так как ему была дана строгая инструкция ничего не говорить о брильянте. — За ними были посланы три отряда. Несколько раз нападали да их след, но не смогли их настигнуть.

Бернье волновался не из-за договора, не из-за неприятностей с советскими дипломатами — хоть он и вел с ними дела, но не считал их настоящими дипломатами, представителями государственной власти. Его беспокоила судьба Тани. Он несколько раз вызывал к себе ее отца, хотел понять его настроения.

— Что же я могу вам сказать? — говорил тот. — Советчики утверждают, что они бежали и что их не поймали. С того места, где они оставили поезд, до границы больше тысячи верст. Надо ждать. А может быть, они и в руках советчиков. Ничего не могу сказать.

Бернье поражало спокойствие этого человека, ведь вопрос шел о жизни его дочери. В последний раз поразил его и сам Диков. Обычно он являлся к нему в шоферской форме, а в этот раз был в штатском, и опытный глаз француза заметил, как Диков хорошо носит свой костюм, а к тому же в петличке у него был орден Почетного Легиона.

— Когда вы его получили? — спросил Бернье.

— Очень давно, г. директор. Когда ваше правительство уезжало в Бордо, а мои драгуны квартировали в чистеньких городках Восточной Пруссии, — сказал он с улыбкой.

У Бернье было достаточно оснований, чтобы сердиться на свою секретаршу. Но он ехал в кафе не для того, чтобы ее отчитывать. Он хотел с ней поскорее увидаться. Он по ней очень соскучился. Это он понял, или в этом он решил наконец себе признаться, когда услышал ее голос в телефоне.

Он, как мальчишка, торопился на свидание, совершенно не думая о тех, очень важных для его компании вопросах, которые он должен будет задать Диковой.

Бернье представлял себе, что увидит Дикову с обветренным лицом, загорелую, может быть в дорожном костюме.

Она поднялась ему навстречу и немного виновато улыбнулась своей широкой улыбкой, обнаруживающей красивый ряд зубов. Ее ногти, как всегда, были тщательно отполированы, лицо было чуть-чуть загорелое, но совсем не было впечатления, что она вернулась из какого-то продолжительного путешествия или похода.

Из-под маленькой соломенной шляпы блестели два больших серых глаза.

— Здравствуйте, м. Бернье, не сердитесь на меня. Я виновата перед вами, но гораздо меньше, чем вас уверяют, — сказала Таня, протягивая ему руку.

Как он мог сердиться, когда радость сразу охватила его при виде ее?

— Что вы сделали, что случилось, откуда вы явились? — забрасывал он вопросами Таню, не выпуская ее руки. — А где Паркер?

— Паркер? Паркер в Лондоне. Он, вероятно, приедет сюда не сегодня-завтра, — ответила она, улыбаясь.

— Но когда же вы приехали, откуда вы приехали, что там произошло? Правда ли это, что здесь рассказывают? — торопился он задавать вопросы, а сам старался поймать ее взгляд.

— Что правда? — засмеялась она.

— Что вы участница антисоветской организации, что вы воровали золото, что Воронов бежал с вами, что было произведено нападение на поезд, в котором вас везли в Москву, и что Паркер помогал нападавшим?

— А потом что? — подняла она на него свои глаза.

Бернье забыл, что потом, он забыл все, кроме этих глаз, и так не хотел, чтобы они отвертывались от него.

— Потом, потом... как хорошо, что вы вернулись. Без вас было так скучно, я так беспокоился о вас.

— Нет, нет, я не о том, — прервала она, улыбаясь. — Вы говорите, что меня освободили из поезда, ну, а потом что?

— А потом они утверждают, что две недели тому назад вы бежали в леса и за вами была послана погоня, но вас не поймали.

— Ну посмотрите на меня, м. Бернье, похожа ли я на человека, который две недели провел в лесах, да еще на севере России? — засмеялась она. — Вы не знаете русского севера, там сейчас миллиарды комаров, и человек, не привыкший к ним, через день весь будет в волдырях. Да пожалуй, после двухнедельного странствования по лесам мне не надеть бы было сразу городских туфель.

Бернье взглянул на собеседницу и согласился с ней, что ее вид не обнаруживал в ней лесной путешественницы.

— Позвольте, я ничего не понимаю. Но вы же вернулись? — недоумевал Бернье.

— Вернулась.

— Откуда?

— Издалека.

— А Паркер тоже?

— Да, и Паркер, я же вам сказала.

— Но вы сидели там в тюрьме? — допытывался француз.

Таня засмеялась.

— М. Бернье, ну посмотрите еще раз на меня. Похожа ли я на сидевшую в тюрьме, да еще в советской? Я уверена, что вы что-нибудь слышали про советские тюрьмы.

Действительно, ее цветущий вид никак не позволял предположить, что она сидела в тюрьме.

— Но в чем же тогда дело? Я ничего не понимаю, — спросил Бернье, откинувшись на спинку удобного стула, и внимательно посмотрел на нее.

— Тайна, г. директор, тайна, — сказала она полушутя, полусерьезно. — Как видите, я вернулась. Вернулся и Паркер. Он на днях приедет и вам все расскажет. Я перед вами виновата. Я вас обманула, но я иначе не могла поступить — у каждого человека есть долг перед своей родиной. Его исполнение оправдывает очень многое. Я не сомневаюсь, что вы поймете. Но мне-то было нетрудно исполнить то, что от меня требовалось, а вот им...

— Кому им? Не говорите же загадками, — прервал ее Бернье. — Я ничего не понимаю.

— Вот Паркер приедет, вам расскажет.

— Но почему же вы не хотите рассказать? А вы давно расстались с Паркером?

— С Паркером... — и Таня засмеялась веселым смехом, показав весь ряд своих белоснежных зубов.

Так Бернье и не мог ничего толком узнать от нее. При других обстоятельствах эта недоговоренность его бы раздражала или интриговала, сейчас же он как-то не хотел до конца в нее вникать и весь отдался радостному чувству, возбужденному ее присутствием.

Само собой разумеется, что она остается его секретаршей. Она завтра же может явиться на службу.

— Нет, нет, г. директор, — засмеялась Таня. — Пусть раньше вам Паркер все расскажет, а уже потом вы решите, можно ли мне продолжать службу у вас. А до его приезда я не буду появляться в бюро.

И еще у меня к вам просьба. Лучше пока никому не говорите, что я вернулась. Вы понимаете, что у меня есть враги и очень опасные. Если вы ко мне хорошо относитесь, то вы меня им не выдадите.

— Зачем вы спрашиваете? Вы это хорошо знаете, — с упреком сказал Бернье.

— И поможете мне, если кто-нибудь попытается мне сделать зло. Вот какая я, причинила вам столько хлопот и еще прошу у вас защиты. Совсем по-женски, — улыбнулась

она и опустила серые глаза, прикрыв их длинными красивыми ресницами.

Паркер приехал из Лондона через два дня. Когда он вошел в кабинет Бернье, то француз, посмотрев на него, сразу понял, что его секретарша не испытала того, что испытал его английский друг. Лицо Паркера было темное от загара и все покрыто маленькими красными волдырями. Бернье взглянул на его руки, они тоже были в волдырях.

— Что с вами, вы больны? — было его первое восклицание.

— Нет, совершенно здоров. Это следы проклятых комаров, — засмеялся Паркер. — А где мисс Дикова? — в свою очередь был его первый вопрос.

— Она у себя дома, я ее увижу днем. Можем встретиться все втроем.

— Нет, нет. Я хотел спросить другое. Где Таня Дикова?

— Ну, да я же вам говорю, мы встретимся днем, — отвечал Бернье.

— Да, нет же, я не о ней. Впрочем, подождите, надо все по порядку, — сказал англичанин.

Бернье смотрел на него с некоторым недоумением. Что случилось с Паркером?

— Но все-таки сначала скажите мне, Бернье, она уже приехала в Париж?

— Да что с нами, Паркер, я же вам говорю, что мы встретимся днем.

— Значит, вы уже ее видали, она уже рассказала вам...

— Ну да, конечно, видал. Она приехала два дня тому назад. Только я ничего не могу понять. Она говорит, что вы должны мне объяснить.

— Да кто же приехал, которая... — вырвалось у англичанина.

Бернье встал со своего кресла. Ему показалось, что у него закружилась голова. Перед ним, очевидно, сидел сумас-

шедший. Он хотел уже нажать кнопку звонка.

— Простите меня, Бернье, я вижу, что вы ничего не знаете, — продолжал Паркер. — Но я дал обещание рассказать вам только под полным секретом. Я не могу сообщить вам самого главного, пока вы не дадите слова, что это останется между нами. Вы ничего не потеряете от того, что будете хранить тайну. Наоборот, если вы согласитесь молчать, мы сможем сделать с вами большие дела.

Французский делец стоял перед англичанином и не то с недоумением, не то с интересом смотрел на него.

— Послушайте, Паркер, вокруг этих русских всегда какая-нибудь фантастика, но вы-то, трезвый англичанин, почему вмешались в это дело? Впрочем, я готов дать вам обещание молчать, если ни мои, ни Диковой интересы не страдают.

Паркер внимательно посмотрел на него, снял очки, протер их, улыбнулся и сказал:

— Их же две, я спрашиваю про Татьяну Дикову, которая вернулась со мной из России.

— Что за чушь, как две, ничего не понимаю, — Бернье даже подскочил на месте от удивления.

Паркер рассказал ему, как одна кузина подменила другую, рассказал все подробности жизни в Отрадном, арест и бегство из поезда. Однако ничего не упомянул о брильянте.

Француз слушал с напряженным вниманием и только иногда восклицаниями выражал свое волнение.

— А потом мы десять дней пробирались по русскому северу, — продолжал Паркер. — Сперва по лесам, а потом по тундре. Они какие-то следопыты. Очень милые светские люди, но со всеми приемами лесных разбойников. Мне было запрещено расспрашивать, где мы находимся. Мы много шли пешком, но иногда по ночам спускались на лодках. Два раза даже похищали моторные лодки.

Нас было семь человек, не считая Диковой. Они как-то совершенно не тревожились, что их могут поймать — уверяли меня, что их никогда не найдут. Однако все были хорошо вооружены, и даже у меня за плечами болтался карабин.

— Самое мучительное, — продолжал Паркер, — это спать в лесу, когда нельзя зажечь костер, и эти ужасные комары. Мы спускались до самого Ледовитого океана. Я до сих пор не могу понять, где эти люди, принадлежавшие к хорошим, даже титулованным семьям, выучились разбойничьим приемам.

На берегу мы ждали два дня, потом ночью куда-то поехали на моторной лодке, причалили к советскому пароходу, как я позже понял, захватили его и он довез нас до берегов Норвегии. Там ночью мы спустились на шлюпку и высадились на берег. Все это фантастика, но все это истинное происшествие.

— Но какое же вы имели к этому отношение, зачем же вы-то ввязались в эту историю? — с недоумением спросил Бернье.

— Как зачем? — удивился Паркер, точно иначе и не могло быть. — Вначале я не мог разобраться в их отношениях и мог даже им повредить, но потом я оказался полезен, особенно при бегстве из поезда. Без меня им бы пришлось плохо.

— Да, да, но зачем же было вам помогать, вмешиваться в чужие дела, вредить нашему делу? — нетерпеливо настаивал француз.

— Как зачем, надо же было помочь освободить Дикову, ведь ей угрожала смерть. — Он снял очки и стал их усиленно протирать и, немного с виноватым видом, посмотрел на Бернье.

— Это же была Таня Дикова, не мог же я ее оставить, — добавил Паркер.

— Вот что, — засмеялся Бернье. — Ах уж эти русские женщины, — сказал он не столько с упреком, сколько с радостью, потому что вспомнил свою Дикову.

— Но вы о деле не беспокойтесь, Бернье, — добавил Паркер, — я сделал очень интересное открытие и предлагаю вам совместную эксплуатацию. Но теперь скажите мне, приехала ли моя спутница? — у него чуть не вырвалось — «моя Таня».

— Не думаю, — засмеялся Бернье. — Мне кажется, что Дикова, с которой и виделся эти два дня, была одним лицом. Впрочем, после вашего рассказа я ничего не могу утверждать. Может быть, она и приехала и я с ней разговаривал. Впрочем, на лице той Диковой, с которой я виделся, нет следов комариных укусов.

Они встретились в кафе втроем — Паркер, Бернье и Дикова — его секретарша.

Паркер с удивлением рассматривал ее лицо. Как она была похожа на его Таню, только в ее серых красивых глазах совершенно не было синего золота.

Как только кельнерша отошла от них, Бернье забросал Таню вопросами, пытаясь придать голосу оттенок упрека, но это у него не выходило.

— Нет, скажите же мне, — настаивал он, — где же вы все время были?

Таня улыбнулась.

— Тихо сидела на прелестной ферме в Люксембурге. Не прочь была бы пожить там еще. Одно время только было очень страшно за моего двойника.

Паркер терпеливо ждал своей очереди задать вопрос.

— А где же ваша кухня? — наконец спросил он. — Когда мы расставались в маленьком норвежском городке, она обещала скоро встретиться со мной в Париже.

Таня взглянула на него, увидела, как он ждал ответа, и опустила глаза.

— Ее здесь нет, она не может теперь вас видеть, — тихо сказала она.

— Почему не может? — забеспокоился Паркер. — С ней что-нибудь случилось?

— Нет, совершенно ничего. Она сейчас отдыхает в деревне и я надеюсь, что ей дадут несколько месяцев.

— Но где же она? Я хочу к ней поехать, — настаивал англичанки.

Дикова сосредоточенно водила спичкой по столику, точно на это было направлено все ее внимание.

— Кухня просила вас передать, — сказала она, поднимая на него глаза, — что пока она не кончит своей ра-

боты, она не может с вами встретиться. Она считает себя связанной и считает недопустимым, чтобы личная жизнь помешала делу, которое она делает.

Паркер снял очки и начал усердно их протирать носовым платком.

— Да, но она мне сказала, что мы скоро встретимся в Париже, а вы теперь говорите совсем другое? В чем дело?

Дикова пристально посмотрела на него и медленно, точно подбирая слова, сказала:

— У нее не было решимости это вам сказать. Но она уверена, что вы поймете.

Паркер не хотел уезжать из Парижа. Его тянуло к кухне его Тани. Они были так похожи. Он хотел узнать как можно больше подробностей о ее жизни.

Уже темнело, когда сильный автомобильный гудок раздался за ним, когда он переходил под густыми деревьями Кур-ля-Рейн около Конкорда. Он быстро отошел в сторону. В двухместном нарядном автомобиле сидел бритый рыжеватый господин. Сперва Паркер не обратил внимания на него, но вздрогнул, когда услышал знакомый насмешливый голос:

— Как, комары больше не беспокоят'?

Паркер всмотрелся в лицо автомобилиста и узнал Гогу, у которого усы были сбриты и волосы покрашены в рыжий цвет.

— Садитесь, — сказал тот.

— Слушайте князь, это поразительно, как вы научились так гримироваться, — изумился Паркер.

— Обстоятельства, дорогой мой, обстоятельства, — засмеялся его собеседник. — Есть русская поговорка — назвался груздем, полезай в кузов. Почему же, если международные жулики умеют гримироваться и скрываться, так патриоты великой страны, работающие над ее освобождением этому не могут научиться?

Они въезжали в Булонский лес.

— Скажите, князь, где Таня? — спросил Паркер. — Я не буду ее тревожить. Но я хочу знать, мне надо знать, где она. Вы же знаете наши отношения. Знаете, что я сделал ей предложение, и оно не было отвергнуто.

— Паркер, дядя Володя ей предложил прекратить работу. Она свое сделала. Но она и слышать не хочет, считает, что это будет дезертирство. Стала нас упрекать, что мы толкаем ее на дезертирство. Остается ждать, мой дорогой, ничего не поделать. Не спрашивайте меня, где она. Не ищите ее, это бесполезно.

Паркер слушал, но сейчас же решил найти ее во что бы то ни стало.

ОБ АВТОРЕ

Аркадий Альфредович Борман (1891-1974) — писатель, журналист, юрист, общественный деятель. Сын писательницы, критика А. В. Тырковой-Вильямс (1869-1962), стоявшей у истоков Конституционно-демократической (кадетской) партии, от ее первого брака с инженером-кораблестроителем А. В. Борманом.

А. А. Борман, уроженец Петербурга, в 1905 г. находился с матерью в Париже во время ее нелегальной эмиграции, посещал французскую школу. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Служил присяжным поверенным. Во время Гражданской войны выполнял политические поручения генералов А. И. Деникина и П. Н. Врангеля.

В 1920 г. эмигрировал, жил в Лондоне и Париже. Участвовал в работе Российского центрального объединения в Париже. Сотрудничал в газете «Возрождение», журналах «Часовой», «Сигнал» и др., был корреспондентом английской «Daily Telegraph».

В 1951 уехал в США, около 13 лет проработал в русской редакции радиостанции «Голос Америки», сотрудничал в газетах «Новое русское слово» и «Русская мысль», публиковался в журналах «Вестник РСХД», «Возрождение». Автор книги «А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына» (1964).

Роман «Синее золото» был впервые опубликован в 1939 г. в Шанхае издательством «Слово». В тексте исправлены наиболее очевидные опечатки и некоторые устаревшие обороты.

Орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.